

Морская летопись

ГЕРОИ РУССКОГО БРОНЕНОСНОГО ФЛОТА

В.В. Шигин

Annotation

Новая книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена офицерам и адмиралам эпохи парового и броненосного флота России второй половины XIX века. Эти люди совершили немало подвигов во имя России, но ныне незаслуженно забыты потомками. Среди героев книги: командир «спецназа» Первой Севастопольской обороны 1854–1855 годов лейтенант Н. Бирилев, впоследствии поднявший Андреевский флаг над островом Цусима. Адмирал С. Лесовский, который, не сделав ни одного выстрела, выиграл для России две войны. Герой Крымской войны и основатель новой броненосной тактики адмирал Г. Бутаков. Командир катеров с шестовыми минами в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов лейтенант И. Зацаренный, первым в истории потопивший торпедой неприятельский корабль, и другие.

- [Герои русского броненосного флота](#)
 -
 - [Владимир Шигин](#)
 -
 - [Этот неистовый Бирилев](#)
 -
 - [Пламя Синопа](#)
 - [На бастионах](#)
 - [Флигель-адъютант императора](#)
 - [Дела Восточные](#)
 - [Эскадра особого назначения](#)
 - [От Кронштадта до Хакодате](#)
 - [Остров посреди Корейского пролива](#)
 - [Андреевский флаг над Цусимой](#)
 - [Круги на воде](#)
 - [Дорога домой](#)
 - [Зять поэта](#)
 - [Уход](#)
 - [Дядька Степан, спасший Америку](#)
 -
 - [Подножка Императору](#)
 - [Птенец гнезда адмирала Лазарева](#)

- [Через три океана](#)
 - [Под ударами цунами](#)
 - [На страже устья Амура](#)
 - [Повороты судьбы](#)
 - [На пороге новой войны](#)
 - [Полет шмеля над морем](#)
 - [Спаситель Америки](#)
 - [Не корысти ради](#)
 - [Во главе министерства](#)
 - [И снова океан](#)
 - [К последнему причалу](#)
 - [Из рода Бутаковых](#)
 -
 - [В морском корпусе](#)
 - [Боевое крещение](#)
 - [В морях твои дороги](#)
 - [На мостике «Владимира»](#)
 - [Бой с «Перваз-Бахри»](#)
 - [На войне как на войне](#)
 - [Севастопольская страда](#)
 - [Николаевские университеты](#)
 - [Во главе эскадры](#)
 - [В Европах](#)
 - [На броненосцах](#)
 - [Осень патриарха](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [Герой России, любимец Болгарии](#)
 -
 - [Командиры храбрых «птичек»](#)
 - [В вихре атак](#)
 - [Решающая победа](#)
 - [Командир «Батума»](#)
 - [Смерть героя](#)
 - [Вкладка](#)
-
-

Герои русского броненосного флота

Владимир Виленович Шигин

Владимир Шигин

Герои русского броненосного флота

Памяти моего друга, подводника Северного флота и талантливого писателя-мариниста Сергея Ковалева посвящаю эту книгу

Этот неистовый Бирилев

Каждый вечер безумец точил свою издававшую вид саблю, а когда смеркалось, одевал мундир, фуражку и бесшумно спускался в сад. Далеко в глубине зарослей под лунным светом едва угадывался поросший чертополохом холм. Туда крадучись он и пробирался. Когда же до холма оставалось несколько десятков метров, безумец выхватывал саблю и с криком «За мной ребята!» бросался вперед, безжалостно кромсая налево и направо заросли бурьяна. Слыша этот боевой клич, дворовые крестьяне привычно крестились:

— Никак «наш» снова на бастион воевать пошел!

Устав от атаки, безумец приходил в себя, а потом так же бесшумно возвращался в дом. Разоружившись, он долго смотрел на висевший на стене портрет улыбающейся молодой женщины, и скупые слезы текли по его впалым щекам. Звали «старика» Николаем Алексеевичем Бирилевым, и было ему чуть больше сорока лет...

Пламя Синопа

Бирилевы – род дворянский, но не слишком знатный. Происходит он от двух сыновей Петра Бирюлева – Нечая да Михаила, что были верстаны поместьями в Углицком и Устюжском уездах в середине XVI века. Потомство Нечая Петровича и было внесено в родословную книгу Тверской губернии, но не в шестую (главную) ее часть, а во вторую, по непредставлении документов о древности рода.

Родился наш герой в морозном декабре 1829 года в сельце Бирилево Тверской губернии. Отцом его был мелкопоместный дворянин Алексей Иванович Бирилев, мать Степанида Ивановна. Много лет спустя в графе «Имеет ли за собой какое имущество» в послужном списке Бирилева будет значиться лаконично: «Без недвижимого имущества».

Когда же штабс-капитан вернулся с турецкой войны с Владимиром в петлице и перебитой ногой, его уже встречала жена с первенцем. Хозяйство у Бирилевых было небогатое, а потому жили скромно. После Коленьки семейство Бирилевых пополнилось сестрой Анной и младшим братом Лешкой. Настала пора определять первенца на учебу. Связей в столице у папеньки с маменькой особых не было. А так как недорослей дворянских из Твери охотно брали в Морской корпус, то по достижении десяти годков

Николеньку туда и отправили. О том, как учился Бирилев в Морском корпусе, нам неизвестно. Наверное, так же, как все: грыз науки, штудировал лоции и изучал эклиптики светил, дрался со сверстниками и подшучивал над преподавателями и корпусными офицерами.

В августе 1845 года его производят в гардемарины и отправляют на практику на Черноморский флот. Там же через два года он получает и мичманский чин. Экзаменовал его сам адмирал Лазарев и ответами новоиспеченного мичмана остался доволен. Затем начались корабельные будни. Черноморский флот в ту пору много плавал. Особенно доставалось в осенне-зимних крейсерствах у кавказского побережья, где наши суда сторожили контрабандистов.

Бирилев не вылезал из морей. В его послужном списке меняются только названия судов: фрегат «Кагул», линейный корабль «Селафаил», пароход «Боец». И пусть маленький «Боец» неказист после огромного линкора, зато на нем Бирилев уже стоит самостоятельную вахту – вахтенным начальником, да и машину паровую изучает, пригодится. На «Бойце» мичман ходил по укреплениям Черноморской береговой линии до Керчи.

Характер у Бирилева был непоседливый, а потому он постоянно напрашивался в охотники в береговые отряды, посылаемые для усмирения прибрежных горцев. Там-то впервые услышал он свист пули у виска, поучаствовал в рукопашной сшибке, получил первые уроки ночных вылазок.

Затем были перевод на пароход «Эльбурус» и снова рейсы между крымскими и кавказскими портами. После этого опять перевод на фрегат «Кагул» и плавание с десантными войсками между Севастополем и Одессой, затем Бирилев крейсировал у восточных берегов Черного моря.

— Ну и служба у меня – продыхнуть некогда! – говорил он при встрече друзьям-однокашникам.

— Ты бы списался на какой-нибудь плашкоут портовый! Не все же время по волнам шастать, надо и отдохнуть.

— А мне нравится! – задрал на затылок фуражку Бирилев. – Чего в гавани киснуть, когда вокруг столько интересного!

Но дружки как в воду глядели. В один из дней в севастопольскую портовую контору его вызвал хмурый вице-адмирал Станюкович.

— Слышал я, мичман, что ты машинами уайтовскими увлечен и «самоварами» очарован! – сказал недобро.

«Самоварами» старые марсофлоты презрительно именовали первые неуклюжие пароходы за их кургузость и вечную грязь.

— Морскому офицеру обо всем понятие иметь надобно! — ответил мичман дипломатично.

Станюкович глянул исподлобья:

— Вот тебе командировочная бумага. Поедешь в Москву, глянешь там, как исполняется заказ на постройку пароходов для края Новороссийского.

В Москву Бирилев съездил и заказ проверил. Разумеется, там и конь не валялся. От взяток купеческих мичман наотрез отказался и, вернувшись, доложил, что заказы подрядчики исполняют спустя рукава, а цены сильно вверх задирают. Все в рапорте изложил и по начальству передал.

— Куда мне теперь? — спросил.

— Ступай на корвет «Пилад», он как раз в крейсерство кавказское готовится.

Спустя несколько дней Бирилев был в море. В том походе он снова вызвался охотником с матросами в десантный отряд, снова удачно отогнал черкесов в нескольких жарких схватках и вернулся, не потеряв ни одного человека. Тогда о мичмане заговорили не как о храбреце (кого этим на Черноморском флоте удивишь?), но и как о везунчике.

В апреле 1853 года Бирилева произвели в лейтенанты. Тогда-то на него положил глаз младший флагман дивизии контр-адмирал Панфилов.

— Будешь при мне флаг-офицером! — объявил он Бирилеву. — Мне шустрые да везучие по душе!

Всю весну и лето 1853 года Бирилев вместе с Панфиловым менял корабли. За «Ягудиилом» — «Великий князь Константин», за «Константином» — «Двенадцать Апостолов». И снова крейсерства, крейсерства, крейсерства...

Незадолго до войны мать повесила своему первенцу ладанку с молитвой «Живые в помощи», как оберег от гибели.

— Единственно, почему я выжил, только благодаря маминым молитвам! — делился впоследствии он с товарищами самым сокровенным.

С объявлением войны с Турцией забот прибавилось. Эскадра Панфилова составляла теперь резерв основным эскадрами Нахимова и Новосильского.

Когда же в начале ноября вице-адмирал Корнилов решил собрать в единый кулак все пароходы и поднял свой флаг на пароходофрегате «Владимир», то контр-адмиралу Панфилову было велено поднять флаг на пароходе «Крым», вместе с ним туда перебрался и Бирилев.

Затем начались блокада эскадрой Нахимова турецкой эскадры в Синопе и знаменитый бой Корнилова на «Владимире» с турецким пароходом «Перваз-Бахри». Турок был пленен, но и «Владимир»

пострадал, а потому, приведя пленника в Севастополь, Корнилов перенес свой флаг на пароход «Одесса» и вместе с «Крымом» поспешил к Синопу на помощь Нахимову.

К вечеру 17 ноября отряд Корнилова был уже недалеко от берегов Турции. На рассвете 18 ноября пароходы подходили к Пахиосу, но именно здесь, всего в пятнадцати милях от Синопской бухты, они вынуждены были застопорить машины, так как «за мрачностью и дождем ничего не было видно».

— Теряем драгоценное время! — Корнилов, нервничая, ходил взад-вперед по ходовому мостику.

На мостике «Крыма» не меньше нервничал седобородый Панфилов.

Погода несколько прояснилась лишь в половине одиннадцатого утра.

К полудню пароходы вышли с севера к Синопскому полуострову с северной стороны. Едва открылась бухта, как на ее рейде обозначился частокол мачт нахимовской эскадры. А спустя несколько минут грянула канонада. Было очевидно, что Корнилов опоздал, причем опоздал всего на какой-то час-полтора. Эскадра Нахимова уже вступила в сражение с эскадрой Осман-паши. С пароходов видели всплески от ядер, перелетавших через перешеек на северную сторону. Наши пароходы заметили с береговой батареи и обстреляли, но из-за большой дистанции безрезультатно.

— Курс в бухту! — приказал Корнилов. — Кажется, мы немного опоздали, но не настолько, чтобы наша помощь не оказалась нужной! Наши пароходы сейчас Павлу Степановичу особо необходимы!

В этот момент пароходы были замечены и с «Императрицы Марии».

— Три парохода! Следуют курсом на Синоп! — раздался крик вахтенного начальника.

Стоявший на шканцах Нахимов оглянулся. На траверзе мыса Боз-Тепе были отчетливо видны три парохода. По тому, какими клубами валил из их труб дым, было очевидно, что пароходы выжимают из своих машин все возможное.

— Это еще что такое? Неужели турки, а может быть, англичане? — Вице-адмирал был не на шутку встревожен.

Пароходы между тем быстро приближались, и напряжение по мере этого на шканцах флагманской «Императрицы Марии» возрастало.

— На головном пароходе контр-адмиральный флаг! Это «Одесса»! — прокричали с салинга.

— Ну, слава Богу! — Нахимов снял фуражку и перекрестился.

Как раз в это время державшийся за боевой линией турецкий пароходофрегат «Таиф» кинулся на прорыв. Командовавший им

англичанин Слэйд, поняв, что дело начисто проиграно, решил спастись хотя бы самому.

Дав полный ход, «Таиф» умело пользуясь дымовой завесой, проскочил между берегом и «Ростиславом». На выходе из бухты ему преградили путь лежащие в дрейфе «Кагул» и «Кулевчи».

Однако и здесь Слэйд оказался на высоте. Отчаянно маневрируя, он обошел наши парусные фрегаты. Дистанция до «Таифа» и его преимущества в маневре не оставляли фрегатам никакого шанса на успех перехвата.

Однако не все еще было потеряно. Именно в это время из-за мыса появилась «Одесса», а следом за ней «Крым» и «Херсонес».

Не теряя времени, «Одесса» пересекла курс «Таифа» и бросилась за ним в погоню.

— У «Таифа» двадцать пушек, в том числе и бомбические, против наших шести! – прокричал в рупор контр-адмирал Панфилов наблюдающему за турецким пароходом Корнилову. – Не рискуем ли?

— Пустое! – махнул тот рукой. – Сейчас главное – догнать, а там можем и на абордаж сойтись! Да туркам сейчас не до правильного сражения, их задача – унести ноги!

Бирилеву было велено возглавить абордажную команду «Крыма». С саблей на боку и двумя пистолетами за поясом, лейтенант расхаживал по палубе парохода, надеясь, что и ему сегодня выпадет шанс отличиться. Вместе с ним мичман Николай Красовский.

Пройдут годы, и герой Севастопольской обороны, георгиевский кавалер лейтенант Николай Иванович Красовский станет любимым учеником Айвазовского и одним из выдающихся отечественных скульпторов и писателей-живописцев.

Тем временем, обнаружив «Одессу», Слэйд неожиданно сбавил скорость и взял курс прямо на нее, явно намереваясь вступить в поединок.

Расклад сил был и вправду не в нашу пользу. «Таиф» располагал закрытой батареей, имея два 10-дюймовых, четыре 36-фунтовых и шестнадцать 24-фунтовых орудия против двух 10-дюймовых и четырех 24-фунтовых каронад «Одессы». Проигрывал наш наскоро вооруженный пакетбот и в скорости, имея 8,5 узла против 10 узлов. Однако, когда появились «Крым» и «Херсонес», командир «Таифа» решил уклониться от боя и взял курс на Трапезунд. Корнилов вновь увлекся погоней, подняв на «Одессе» сигнал «Взять неприятеля в два огня», и пароходы направились наперерез «Таифу». «Одесса» шла под всеми парами и парусами; сблизившись с противником на пушечный выстрел, русские моряки

открыли огонь.

Трудно сказать, чем бы закончился этот поединок, но, еще не сблизившись с «Одессой», Слэйд вовремя обнаружил еще два парохода – «Херсонес» и «Крым». На мачте «Одессы» трепетали сигналы «Держаться соединенно» и «Взять неприятеля в два огня». Оценив ситуацию, Слэйд сразу же развернул «Таиф». Теперь турецкий пароходофрегат, форсируя машины, старался как можно быстрее оторваться от наших пароходов.

— Дайте ему в разлуку! – крикнул в раздражении артиллеристам Панфилов.

Сразу несколько ядер, яростно подвывая, понеслись к цели. Секунда – и с треском рухнули мачты, истошно завопили обезумевшие турки...

Корнилов стоял на площадке «Одессы», поминутно вглядываясь в трубу на убежавшего противника, нет ли попаданий. Затем оглядывался назад – близко ли «Крым» и «Херсонес»? «Крым» пока не отставал, а вот «Херсонес» отдалялся все больше и больше. От нетерпения команда «Одессы» казалась Корнилову не обученной стрельбе из орудий на ходу судна. Вице-адмирал нервничал. Над головой его свистели бомбы и ядра турок, но он думал не о них, а о том, что, как только подойдет поближе «Крым», надо будет свалиться с турком на бордаж.

«Крым» постепенно начал сокращать дистанцию, хотя и крайне медленно. Время уже приближалось к трем часам: не менее как полтора часа длилась погоня за турецким пароходом. Затем из труб «Таифа» повалил очень густой дым, судя по всему, пароход прибавил ход и пошел в отрыв.

Между тем начался сильный дождь. Понемногу стало темнеть. Корнилов слышал редкие выстрелы «Крыма», но не было слышно ответных выстрелов противника, и это его поразило вдруг.

— Сдается? Спустил флаг? – спрашивал он у Бутакова.

— Увы, ваше превосходительство, пароход прекратил пальбу и уходит!

— Как уходит? – изумился Корнилов, еще не в силах поверить, что удача в этот день его обманула.

— Уходит на всех парах!

Погоня еще продолжилась, но с каждой минутой становилась все более безнадежной. Затем еще более усилившийся дождь вообще закрыл на некоторое время «Таиф», а когда прояснилось, турецкий пароход оказался уже вне досягаемости для выстрелов. Слэйд уходил в сторону Трапезунда.

Через каких-то полчаса турецкий флаг скрылся за горизонтом.

Поняв, что беглеца ему уже не догнать, Корнилов решил идти на помощь сражающейся эскадре.

— Поворачиваем на Синоп! — с досадой велел он.

На пароходных палубах офицеры обменивались впечатлениями. Бирилев зло швырнул саблю в ножны:

— Этак и война закончится, и подраться неудастся!

— Ничего, Коля, все еще только начинается. Крови еще много прольется! — покачал головой услышавший своего флаг-офицера Панфилов.

А в Синопской бухте уже один за другим взлетали на воздух турецкие суда. Сражение подходило к победному концу.

К вечеру Синопская бухта представляла собой печальное зрелище. Турецкие суда лежали на мели и горели. Когда огонь добирался до крюйт-камер, они взлетали на воздух. Вдоль берега валялись десятки и сотни убитых турок. Отовсюду раздавались стоны раненых, едва успевших выбраться с погибших кораблей. «Мы видели у берега остатки и раскиданные обломки взорванных на воздух судов и среди них массу трупов. По мере нашего приближения живые турки, занятые разграблением убитых товарищей, покидают свою добычу и уползают с награбленным имуществом», — писал очевидец. В беспорядочном нагромождении лежали груды ядер, разбитые пушки, всюду царили смерть и разрушение.

От горящих обломков взрывавшихся в близости от берега судов пожары в городе увеличивались с каждой минутой. В исходе пятого часа на «Императрице Марии» взвился сигнал: адмирал приказывал осмотреть уцелевшие неприятельские суда, перевезти пленных и озаботиться о раненых. Шлюпки с вооруженными матросами немедленно направились к турецким фрегатам и корветам, приткнувшимся к берегу, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти. На одной из шлюпок, не утерпев, отпросился сходить к горящим турецким судам и Бирилев.

Между тем начало смеркаться. Над Синопской бухтой вздымались пожары. От них было светло, как днем. В ту ночь, как на русской эскадре, так же, как и на берегу, никто не спал. Всю ночь наши пароходы были заняты отводом на буксире пылавших турецких судов, чтобы с переменною ветра их не нанесло на эскадру. Ночь прошла, к удивлению всех, спокойно. Несмотря на дождь, на берегу продолжались пожары.

Итак, сражение было закончено. Но теперь эскадре надо было добраться до Севастополя. Повреждения же кораблей были немалыми. Наиболее разбитой турецкими ядрами оказалась, разумеется, «Императрица Мария», принявшая на себя в начале боя всю ярость вражеского огня.

«Я уговорил начальника эскадры, — писал Корнилов, — пересесть на корабль “В. кн. Константин”, который хотя и потерпел, но не в такой

степени, как корабль “Императрица Мария”».

Спустя пару часов с «Константина» были сделаны следующие распоряжения по эскадре: «Кораблям “В. кн. Константин”, “Париж”, “Три святителя”, “Ростислав” и “Чесма”, имея при себе пароходы “Одесса” и “Херсонес”, составить передовой отряд; корабли “Париж” и “Чесма”, как совершенно сохранившиеся, будут служить конвоем другим, отправляющимся не под полным вооружением; корабль “Императрица Мария”, требовавший особенных исправлений, поручен контр-адмиралу Панфилову; он на пароходе “Крым” с фрегатами будет конвоировать корабль».

Разумеется, не обошлось без нервотрепки. Едва «Императрица Мария» вышла в открытое море, едва ее хорошо качнуло, как разбитый корпус сразу же дал серьезную течь. Даже поставив дополнительные каттенс-помпы, едва успевали откачивать. Пришлось «Марию» снова заводить в бухту, клепать трюма и вбивать в пробоины новые заглушки. На все это надо было время. Чтобы не задерживать остальные корабли, Нахимов с Корниловым решили оставить при «Марии» отряд судов: пароход «Крым» в качестве буксира и фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» для охраны. Командиром этого импровизированного отряда определили контр-адмирала Панфилова, который тут же перебрался на «Марию».

«Императрица Мария» шла с грот-брам-стенгой вместо грот-стенги, с грот-марса реем вместо грота-рея. Перебитые ванты и штаги заменяли более тонкими снастями. Все было сделано временно, наскоро, а потому очень ненадежно. Вместе с Панфиловым Бирилев все время без сна и отдыха был на шканцах «Марии».

Утром 22 ноября ветер наконец-то несколько стих. Пароходы вновь взяли корабли на буксир. Когда буксировавший «Марию» «Крым» догнал линейный корабль «Константин», то Нахимов поднял сигнал: «Благодарю контр-адмирала Панфилова».

В Севастопольскую гавань эскадра входила при огромном стечении народа и несмолкаемых криках «ура».

За Синопское сражение Бирилев по представлению Нахимова был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом. Представляя лейтенанта Бирилева к награде, вице-адмирал Нахимов писал: «Находясь при контр-адмирале Панфилове. С отличным присутствием духа и точностью исполнения его приказаний».

Тогда же лейтенанта официально назначили адъютантом командира 1-й бригады 4-й флотской дивизии контр-адмирала Панфилова. По существу, адъютант в то время исполнял обязанности начальника штаба,

так что новое назначение Бирилева следует считать значительным повышением.

В начале 1854 года на пароходофрегате «Крым» Бирилев выходил в море для наблюдения за англо-французским флотом противника. А 3 июля он участвовал на том же «Крыме» в составе отряда пароходов в знаменитой перестрелке с тремя неприятельскими судами.

После начала осады Севастополя союзниками началась и блокада порта с моря. Чтобы противник не прорывался в бухту, наши моряки затопили на входе несколько кораблей и фрегатов. Остальные корабли заняли позиции для усиления обороны. Большая часть офицеров была списана на берег. Разумеется, нетерпеливый Бирилев тоже туда просился, но Панфилов его не отпустил, а определил исполнять должность старшего офицера на линейный корабль «Ягудиил». И хотя «Ягудиил» стоял на якорях на внутреннем рейде и на выход в море для сражения с неприятелем уже никакой надежды не было, все равно старший офицер есть старший офицер.

На бастионах

Однако Бирилев не был бы Бирилевым, если бы в конце концов не добился своего. Выбрав удобную минуту, он обратился напрямую к Нахимову:

— Ваше превосходительство! У меня немалый опыт боев в горах кавказских, почему же мне сидеть теперь на «Ягудииле», когда я могу на бастионах немалую пользу принести!

— Экий ты настырный, Бирилев! – только и хмыкнул вице-адмирал.

Назавтра на линейный корабль пришел приказ об откомандировании лейтенанта Николая Бирилева на бастион № 3.

С собой лейтенант забрал и отчаянного марсового Игнатия Шевченко, к которому уже давно испытывал симпатию. Среди марсовых трусов не бывает, ибо место на самой верхушке мачты, у проносящихся мимо туч. В дождь и снег, ветер и шторм они взбираются на головокружительную высоту. И первым всегда на «Ягудииле» взбирался по обледелым вантам Игнатий. Сам командующий эскадрой вице-адмирал Нахимов за лихость и молодечество жаловал его рублем серебряным. Матросов «Ягудиила» по бастионам не распределяли, зато почти ежедневно команду строили на шканцах и выкликали охотников в ночные вылазки. Далеко не все возвращались на корабль, однако каждый раз от желающих отбоя не

было... Среди тех, кто не пропускал ни одной вылазки в стан неприятеля, был и матрос Игнатий Шевченко.

— Ухожу на бастион! – сказал марсовому лейтенант. – Пойдешь со мной?

— Конешное дело, ваше благородие, счас вмиг соберусь!

Начальствующий над бастионом капитан 2-го ранга Попандопуло встретил Бирилева приветливо. Черноморский флот не столь велик, и все офицеры хоть немного, но друг друга знают.

— Ну, здравствуй, Николя! Рад, что мне именно тебя прислали. Мне везучие нужны! Ты уж извини, но должность у меня для тебя осталась только одна – убойная – заведующим аванпостами против бастиона.

— А что с предшественником? – поинтересовался лейтенант.

— Убит. Да и его предшественник тоже три дня прожил! Я же говорю, что место убойное. Ты можешь отказаться!

— Напротив! – остановил его жестом Бирилев. – Это то, что мне надо! Я согласен!

Из послужного списка Н. А. Бирилева: «Поступил в состав Севастопольского гарнизона с назначением заведовать аванпостами против бастиона № 3 9 (21) сентября 1854 г., причем выезжал за городскую черту с 25 казаками и участвовал в стычках с неприятельскими разъездами каждую ночь с 25 сентября (7 октября) 1854 г.».

Пришлось Бирилеву пережить и первый день первой бомбардировки. В тот день 5 октября на бастионе творилось нечто невообразимое. Ядра и бомбы сыпались с неба непрерывно. Смерть царила повсюду. Вскоре осколком бомбы был ранен Попандопуло. Наскоро перевязав рану, он продолжил руководить обороной бастиона. И вскоре был ранен вторично, на этот раз уже смертельно. Капитана 2-го ранга отнесли в госпиталь, где, умирая, он успел проститься с сыном. В командование бастионом вступил капитан-лейтенант Лесли. Прибыл на бастион и начальник артиллерии дистанции капитан 1-го ранга Ергомышев. Возле орудий был и Бирилев. Несмотря на царящую вокруг смерть, прятаться в блиндажах было нельзя. Никто не знал, чем закончится бомбардировка: может, ничем, а может, генеральным штурмом. В любую минуту французы могли кинуться на приступ, а потому и артиллерийская прислуга и стрелки должны были быть на своих местах, в готовности отразить атаку. А затем очередная бомба поразила пороховой погреб. В вихре взрыва погиб капитан-лейтенант Лесли, тяжело контужен Ергомышев. Последний час бомбардировки полуразрушенным бастионом командовал уже Бирилев. К счастью, в тот день на штурм Севастополя союзники не решились. Трудно представить,

чем закончился бы штурм, так как на третьем бастионе к концу бомбардировки из двадцати двух орудий невредимыми остались только два. Потери в людях исчислялись многими сотнями.

В историю Севастополя третий бастион вошел под наименованием «Честный», так называли его защитники города. Почему «Честный»? Наверное, потому, что там стояли насмерть люди чести. Союзники уважительно звали третий бастион «Большим Реданом», придавая ему особое, почти мистическое значение, но до самого последнего дня обороны никто из них так и не вступил за его бруствер.

Практически все вылазки Бирилева были на редкость дерзкими и удачными. Поэтому с каждым разом начальство доверяло в его распоряжение все больше охотников-добровольцев. Если в первую вылазку с ним пошло 150 человек, то в следующую уже за три сотни.

Севастопольские бастионы были укомплектованы прежде всего моряками и напоминали по организации корабли. Офицеры и матросы не хотели отвыкать от своих флотских порядков, поэтому на бастионах были «вахтенные по батарее», а не «дежурные», как в армейских подразделениях.

Подъем патриотизма и готовности к самопожертвованию у офицеров, матросов и солдат Севастопольского гарнизона был небывалый.

20 ноября 1854 года, из письма артиллерийского офицера Л. Н. Толстого брату: «Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне более 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных. Я провел неделю в крепости и до последнего дня блудил, как в лесу, между этими лабиринтами батарей. Неприятель уже более трех недель подошел в одном месте на 80 сажен и не идет вперед; при малейшем движении вперед его засыпают градом снарядов. Дух в войсках выше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо “Здорово, ребята!” говорил: “Нужно умирать, ребята, умрете?” – и войска отвечали: “Умрем, ваше превосходительство, ура!” И это не был эффект, а на лице каждого видно было, что, не шутя, а взаправду, и уже 22 000 исполнили это обещание».

Не сразу, а постепенно под началом Бирилева сформировался отряд самых отчаянных храбрецов, тех, кому и сам черт не брат. Имена некоторых из них остались известны потомкам: Петр Кошка, Игнатий Шевченко из 30-го флотского экипажа, Петр Ананьин, боцман 38-го флотского экипажа, матрос Петр Заика из 40-го экипажа...

Вскоре о Бирилеве и его сорвиголовах уже заговорили в гарнизоне. Почти каждую ночь – бой, почти каждую ночь – победа. Обычно вылазки были небольшие: шороху у французов навести да пленных забрать. Но время от времени перед третьим бастионом разгорались целые баталии.

Так, в ночь на 9 декабря с полутора сотнями охотников он организовал вылазку на Зеленую гору, овладел первой параллелью и удерживал ее до утра, а при отступлении захватил с собой 2 офицеров, 20 рядовых пленными, много оружия и до 500 штук шанцевого инструмента; за эту вылазку его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость».

В ночь на 19 декабря Бирилев с 120 охотниками выбил французов, укреплявшихся на высоте Резня, и взял 10 пленных, потеряв одного убитым. В ночь на 1 января была организована атака отряда лейтенанта Астапова на позиции англичан и отряда из 200 добровольцев лейтенанта Бирилева на французские позиции. Дело удалось. Охотники Бирилева, несмотря на сопротивление противника, захватили и заклепали 4 мортиры, разорили батарею и отошли с 3 пленными, потеряв 4 убитых и 16 раненых нижних чинов.

В ночь на 20 января 1855 года с отрядом из 275 человек охотников и 80 рабочих Бирилев вновь атаковал гору Резня, взял и разрушил неприятельские укрепления и построил свое, в котором держался до утра. В плен были взяты 7 офицеров и 20 рядовых.

5 февраля 1855 года походная кавалерственная дума ордена Святого Георгия рассмотрела представление адъютанта 1-й бригады 4-й флотской дивизии Бирилева к ордену Святого Георгия 4-й степени и признала его достойным ордена. В решении, подписанном Нахимовым, было записано: «Подвиги лейтенанта Бирилева заключаются в следующем. С первого начала военных действий офицер этот отличился особым мастерством, особенно же 9 и 20 декабря 1854 г. и 1 января 1855 г. при трех вылазках, в которых взято в плен 3 офицера и 53 рядовых и много побито неприятеля. Всегда командовал охотниками и, всегда будучи впереди, первый бросался в неприятельские траншеи; увлекал людей к неустрашимости и обращал неприятеля в бегство. Сверх сего, ночью с 19 на 20 декабря 1854 г. (новый год неприятеля) вызвался со 100 чел. охотников, бросился на высоту против батарей на бульваре... штыками выбил оттуда французов, разорил их работы и устроил на том самом месте завалы, в которых под его наблюдением наши штуцерные держатся и доселе. Кавалерственная Дума, сообразив таковые подвиги лейтенанта Бирилева со статусом военного ордена Великомученика и Победоносца Георгия, признает его, Бирилева, достойным награждения, орденом Св. Георгия 4-й степени...»

Князь Горчаков, главнокомандующий Южной армией и сухопутными и морскими силами в Крыму, вручая награды особо отличившимся офицерам, вместе с орденом Святого Георгия 4-й степени уже от себя преподнес лейтенанту Бирилеву золотую саблю с надписью «За храбрость».

Охотники Бирилева, этот российский спецназ середины XIX века, жили по своим собственным законам. Большие начальники для них вроде как и не начальники, а душой и телом преданы они только своему Бирилеву, который для них и отец, и старший брат. Скажет Бирилев: «Умри!» – все как один не моргнут, умрут. Начальство бирилевцев старалось лишний раз не трогать. Да и чем ты можешь испугать людей, которым каждую ночь в лицо дышит смерть! Впрочем, шалости у бирилевских спецназовцев самые невинные: винца попить, чаи погонять да одеться не по форме, а как им способней. Во главе этой отчаянной братии сам Бирилев – фуражка на затылке, на лбу пышный чуб, воротник шинели поднят, руки в карманах, на шинели белый Георгиевский крест, а на боку сабля кривая турецкая. Никого не боится и говорит то, что думает, невзирая на чины и звания.

Из хроники Севастопольской обороны: «Для держания же неприятеля в беспрестанной тревоге (что, кроме изнурения его войск, заставляло его постоянно иметь в траншеях значительные силы под выстрелами крепостной артиллерии) производились небольшие вылазки. Сначала почти исключительно ходили на вылазки охотники из матросов, но впоследствии солдаты и казаки (пластуны) соперничали с моряками в удалстве подползти неожиданно к неприятельскому пикету, заколоть часового, ворваться в траншею, поднять на ноги неприятельские резервы и уйти вовремя незаметно. Многие из моряков ходили на вылазки по нескольку раз и до того облюбили это занятие, что оно обратилось как бы в страсть. Само собою разумеется, что такая опасная игра обходилась не без потерь и потому не всегда разрешалась начальством: а как некоторые из смельчаков решались уходить на вылазку и без дозволения, на свой страх, то, чтобы предупредить подобные отступления от воинского порядка и сохранить храбрых людей, необходимых для защиты Севастополя, держали некоторых из них под особым присмотром.

В числе таких неугомонных охотников подраться с неприятелем, 30-го экипажа матрос Кошка составил себе блистательную известность, но таких в Севастополе было много. Да и вообще как между черноморскими моряками, так и между всеми бившимися наряду с ними в защиту «своего» города, храбрость при той жизни, которую тогда вели они, сделалась

общим качеством, и храбрость не порывами, а постоянная, обратившаяся в убеждение, что едва ли кому из севастопольцев удастся снести голову, выйти целу и невредиму из этого горнила смертоносных снарядов, в котором огонь и железо наперерыв уничтожали цвет народонаселения России.

Не довольствуясь обычным нападением невзначай на оплошного врага, наши охотники разнообразили свои ночные подвиги, придумывая всякие хитрости, чтобы захватить живьем неприятельского часового и притащить его в ближайшее укрепление. Для этого они иногда употребляли особый снаряд, укороченную пику, острие которой было загнуто в виде крючка. Охотник, притаив дыхание, подползал в темноте к траншее, стаскивал со стенки часового, и с помощью товарищей доставлял его на ближайшую батарею. Подобные случаи повторялись так часто, что сам генерал Канробер счел нужным сообщить о том начальнику Севастопольского гарнизона генерал-адъютанту Сакену. «Позвольте мне, – писал он, – довести до вашего сведения факт, по всей вероятности, вам неизвестный: я удостоверился, что в схватках происшедших на днях впереди наших траншей, несколько офицеров и солдат были захвачены с помощью веревок и шестов с крючьями. У нас нет никакого оружия кроме ружей, штыков и сабель, и хотя я не беру на себя обязанности доказывать, что употребление других средств противно правилам войны, однако же позволю себе повторить старинное французское выражение, *что такие средства не могут считаться приличным оружием.* (Que ce ne sont point la des armes courtiuses.) Предоставляю на ваше усмотрение”.

В ответ на это послание, генерал Сакен ответил:

— Солдатам нашим приказываю брать в плен неприятелей, не убивая их без надобности. Что же касается до упомянутых вами снастей, то легко, быть может, что рабочие, всегда сопровождающие наши вылазки, употребляли их для своей обороны».

Беспрестанные вылазки Севастопольского гарнизона заставили генерала Канробера сформировать три особые роты, каждую в полтораста человек, под названием «охотники» (*eclaireurs volontaires*), которые должны были разведывать все, что происходило впереди наших укреплений, извещать о вылазках из города, тревожить наши передовые посты, разрушать наши завалы и пр. В просторечии они назывались «сорвиголовы» и чертями (*enfants perdus et infernaux*) и вскоре сделались известны отсутствием воинской дисциплины. Однако после первых же ночных схваток стало ясно, что матросы Бирилева непременно побивают сорвиголов генерала Канробера и поделаться с этим ничего нельзя.

В ночь на 1 марта 80 охотников-матросов и 60 штуцерных Охотского полка под командованием лейтенантов Бирилева, Астапова и мичмана Макшеева ворвались в укрепления, которые французы строили напротив третьего бастиона, разорили часть траншеи и вынесли оттуда более сотни туров.

А через десять дней решено было еще раз основательно пощипать французов. В десятом часу вечера 11 марта отряд охотников стал потихоньку выдвигаться к нашим передовым позициям. Командир третьего отделения севастопольской обороны контр-адмирал Панфилов вызвал к себе Бирилева.

— Вот что, Николаша, — сказал он ему ласково, — сегодня надлежит тебе со своими молодцами занять передовые французские ложементы, скрыть их в сторону неприятеля и, оставив на них стрелков, отойти. Для работ земляных даю тебе рабочих. — Контр-адмирал перекрестил Бирилева. — Ты у нас везучий! Желая, чтобы фортуна не отвернулась и на сей раз!

На этот раз под началом лейтенанта был отрядом в 750 человек с тремя ротами Охотского полка в резерве, который составлял правый фланг большой вылазки под руководством генерал-лейтенанта Хрулева.

Вскоре охотники залегли за передовыми редутами в ожидании начала вылазки. Но команды все не было, Бирилев медлил. В небе предательски светила луна, и лейтенант боялся быть обнаруженным до времени.

Верный Игнатий Шевченко коротал время рядом со своими дружками Дмитрием Болотниковым и Петром Кошкой. Не раз и не два участвовали они в подобных вылазках, не раз выручали друг друга в минуты смертельной опасности. Дабы согреться на холодном январском ветру, курили друзья глиняные трубки.

— Сегодня непременно удача будет! — делился своими мыслями рассудительный Болотников. — С Бирилевым всегда так!

— Всем хорош наш лейтенант, только уж горяч бывает без меры. Под пули так и лезет! — отозвался Петр Кошка.

Шевченко некоторое время отмалчивался. Затем молвил, выбив табак из трубки:

— Такое его дело командирское — всегда поперек других быть! А наше матросское — от всяких напастей его уберегать!

— Эй, кто здесь охотники? — кричал, пробираясь меж гревшихся у костров солдат и матросов, какой-то унтер. — Выходи строиться!

Бирилев еще раз глянул на небо. Оно было в сплошных тучах. Глянул на часы: стрелки показывали третий час ночи. Пора!

— Ребята, — обратился к матросам лейтенант, когда те построились, — фронт не нарушать! Идти локоть в локоть, и чтобы тихо! Фуражки долой!

Быстро, истово крестились.

— С Богом! Вперед, марш!

Двинулись. Вышли на ничейную полосу. Вокруг было тихо. Но вскоре где-то раздался выстрел, второй, третий... Взвилась ракета...

— Завидели, окайнные! — обернулся к Кошке шедший впереди Шевченко. — Теперь не отлипнут!

— Живее, живее! — торопил Бирилев.

Скорым шагом миновали Сахарную Головку — гору, служившую ориентиром во время вылазок. Теперь впереди французские траншеи. Здесь было тихо, только перекликались между собой замерзшие на ветру часовые, да где-то в глубине трубили дозорные горны. Подошли под неприятельские ложементы. Вот они, на горке!

— В колонну! — громким шепотом скомандовал Бирилев. — Ружья на руку! Вперед!

— Кто идет? — окликнул часовой.

— Русские! — выкрикнул в ответ лейтенант. — В штыки, ребята! Ура!

Спустя какую-то минуту матросы были уже на ложементах. Лихо работая штыком, Шевченко вместе с товарищами быстро прокладывал дорогу себя вперед. Вскоре ложементы были наши. Рабочие тут же начали срывать насыпь.

— Потери? — окликнул Бирилев своих унтеров.

— Трое пораненных! — хрипло выдохнули те в ответ.

— Не останавливаться! — кричал лейтенант. — Пока француз не опомнился, только вперед!

Так же лихо черноморцы выбили неприятеля из ближайшей к ложементам траншеи, на спине противника ворвались во вторую. В третьей напоролись на картечь, пришлось отойти. Теперь в штыки уже кинулись понявшие, что к чему, французы. Завязалась отчаянная рукопашная схватка. Шевченко, уложив за смертью двоих, гнал перед собой третьего. Французы дрогнули, и вновь матросы отбивали одну траншею за другой. Все в кромешной тьме, в липком, рыхлом снегу. Неприятель давил числом, наши — удалью! Чаша весов все больше склонялась на сторону черноморцев.

— Поднажмем, ребята! — размахивал саблей Бирилев. — И француз тыл покажет!

Подавая пример подчиненным, он первым прокладывал себе дорогу среди врагов.

Внезапно из-за ближайшей скалы на него выскочило сразу полтора десятка алжирских зуавов, вооруженных штуцерами. Вот они разом вскинули свои ружья... Еще мгновение – и все для лейтенанта Бирилева будет кончено!

— Бережись! – Вмиг оценивший обстановку Игнатий Шевченко кинулся к командиру и заслонил его от пуль.

Впоследствии Бирилев вспоминал, что он ничего не успел понять, лишь почувствовал несколько глухих ударов в тело навалившегося на него Шевченко. Подоспевшие матросы штыками отбросили зуавов, а Бирилев все стоял на коленях перед распростертым на земле матросом.

— Да скажи хоть слово, брат! – умолял он своего спасителя. – Не умирай, прошу тебя!

Шевченко уже оставляли последние силы. Он побледнел, глаза его закатились, сухие, обветренные губы еще что-то пытались шептать, но прошло несколько минут – и он затих навсегда.

Та ночная вылазка была на редкость удачной: была захвачена правая параллель на Зеленой горе со всеми батареями, заклепаны восемь 36-фунтовых пушек-каронад, скрыта до основания батарея в десять орудий, взяты в плен начальник инженерных работ, офицер и 25 рядовых. За эту вылазку Бирилев получил орден Святой Анны 2-й степени с мечами. Но, несмотря на победу, веселья не было. Черноморцы скорбели о своем товарище. Тело героя несли его друзья Болотников и Кошка.

Из воспоминаний Б. П. Мансурова: «Лейтенант Бирилев сам рассказывал мне некоторые подробности о смерти Шевченки: он всегда сопровождал его вместе с Петром Кошкой в качестве телохранителей, как Кошка при мне выразился. Бирилев уже должен был один раз Шевченке за спасение жизни, ибо на одной из предшествующих вылазок сей последний без оружия бросился на целившегося в упор на Бирилева французского стрелка и схватил его за горло так удачно, что повалил на месте и сам остался невредим, тогда как выстрел штуцера оторвал Бирилеву только ножны. В ночь на 20 января, когда Бирилев бросился в траншее на неприятельских стрелков, Шевченко увидел, что на его командира направлено в нескольких шагах штуцеров 15, которых сей последний не замечал: в одно мгновение Шевченко локтем и плечом свалил Бирилева с ног и в ту же минуту упал, раненный пулей, которая попала ему в грудь и вылетела около крестцовой кости...»

Весть о подвиге матроса с «Ягудиила» мгновенно облетела Севастополь. Защитники города были потрясены мужеством Игнатия Шевченко. Когда об этом случае стало известно Павлу Степановичу

Нахимову, он сказал: «В этом я вижу высшую дружбу воинов и сознание подчиненного, что офицер-начальник нужен команде больше прочих...»

Даже скупой на похвалы и награды главнокомандующий войсками Крыма князь Меншиков самолично распорядился о посмертном награждении героя военным орденом, издал приказ по армии, заканчивавшийся следующими словами: «...Сделав распоряжение об отыскании его семейства, которое имеет все права воспользоваться щедротами все милостивейшего государя нашего, я спешу, мои любезные товарищи, сообщить вам об этом, поздравить вас, что вы имели в рядах своих товарища, которым должны вполне гордиться».

За храбрость в бою Шевченко был награжден посмертно солдатским Георгием, а спасенный им Бирилев за успешную вылазку орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами.

Вскоре о подвиге Шевченко заговорила уже вся Россия. Ростовские купцы Кузнецов и Сорокин начали сбор пожертвований на памятник черноморскому герою. 26 августа 1874 года памятник, исполненный академиком-художником Микешиным, был установлен в Николаеве – первый в истории России памятник нижнему чину. После воссоздания Черноморского флота, в 1902 году, его перевезли в Севастополь и установили перед казармами Черноморской дивизии.

Один из историков отечественного флота лейтенант Белавенец так писал об этом событии: «Расступитесь, памятники доблестных героев Севастополя, и примите в свою среду памятник герою, который хорошо помнил слова Господни: “Больше сея любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя”».

Император Николай, по получении донесения князя Меншикова об этой вылазке, произвел лейтенанта Бирилева в капитан-лейтенанты и назначил его своим флигель-адъютантом. «Велики были подвиги храбрости и самоотвержения, совершенные на вылазках защитниками Севастополя, – писал один из современников. – И кто может исчислить их? Одни из наших героев пали славною смертью; другие, оставшись в живых, не считали нужным оглашать дела доблести, которых были участниками. Для них не было ничего чрезвычайного стоять молодецкою грудью за Россию в темные ночи, вдали от своих, вне взоров начальников и товарищей, которые могли бы оценить действия мужественных воинов. Их возбуждали не награды, не отличия. Они шли на смертный бой за веру, за царя, за Россию. Других помыслов у них не было и не могло быть. Они были все храбры: каждый офицер был Бирилев; каждый из рядовых Шевченко. Да будут же примером грядущим поколениям Русского народа известные и неизвестные герои

славной Севастопольской обороны, пока пред лицом мира красуется великая, могучая Россия!»

Из хроники обороны Севастополя: «Когда работа уже была окончена и к неприятелю прибыли сильные подкрепления, Бирилев отвел свой отряд к завалам, оставил там штуцерных и возвратился на 3-й бастион, унеся всех раненых и захватив в плен двух офицеров и семь рядовых. Со стороны французов были убиты либо ранены четыре штаб- и обер-офицера и множество нижних чинов. Урон их увеличился ошибкою их войск, занимавших траншеи, которые в темноте, приняв за неприятеля две роты французского 46-го линейного полка, встретили их ружейным огнем. С нашей стороны убиты один офицер, Волинского полка прапорщик Семенский, и три человека из нижних чинов; ранено 34 нижних чина, в числе коих матрос Кошка».

Затем были новые бои и новые подвиги. При этом Бирилев и представить себе не мог, что именно в это время за много тысяч верст от Севастополя на берегах Невы уже предопределилась его будущая личная жизнь. Дело в том, что как раз в это время младшая сестра Бирилева Анна училась в Смольном институте. Вместе с ней училась и ее самая близкая подруга Мария Тютчева, дочь дипломата и поэта Федора Тютчева. Когда началась оборона Севастополя и газеты стали публиковать описание подвигов старшего брата Анны, подруги запоем читали эти статьи: первая с гордостью, а вторая с восхищением. Именно тогда Бирилев стал для юной романтической Маши идеалом рыцаря без страха и упрека, идеалом настоящего мужчины-героя.

26 марта 1855 года Бирилев был послан курьером к императору с письмами от князя Горчакова. Историк пишет: «Вскоре ему (Бирилеву. – В. III.) выпала честь отправиться курьером в Санкт-Петербург с письмом князя М. Д. Горчакова к императору Николаю. Редко хозяину земли русской удавалось обрести хорошее настроение, но письмо из военного Крыма несколько утешило его. Да к тому же офицер-фронтовик произвел впечатление на государя, его остроумные и красноречивые рассказы о жизни в осажденном Севастополе разряжали дворцовую обстановку, приближенные к царской особе смотрели на Бирилева как на героя. Он таким и был. Всемиловитейшим указом курьер был произведен в капитан-лейтенанты с назначением флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Из 30-го флотского экипажа Бирилев был переведен в гвардейский. Все эти награды и почести круто меняли карьеру морского офицера. Популярность Бирилева была такова, что о нем немало писали петербургские и московские газеты, а сановные лица и купечество

считали за честь принять у себя дома героя Севастополя».

В те дни Анна и познакомила брата со своей подругой. Встреча Николая и Маши была короткой, но именно тогда родилась взаимная любовь.

Затем была долгая переписка. Машины письма, перечитанные десятки раз, лежали в секретере командира «Посадника» рядом с секретными документами. Письма Бирилева Маша хранила в специальной коробке, перевитой алой лентой.

— Чем занимается ваша сестра Мари? – спрашивала свою фрейлину Анну Тютчеву (старшую сестру Марии Тютчевой) императрица Александра.

— Она безнадежно влюблена во флигель-адъютанта Бирилева! – отвечала та.

— О, это была бы прекрасная пара! Как вы полагаете? – улыбнулась императрица.

— Думаю, что моей сестрице лучшего мужа не найти!

— Надо устроить эту партию! Это будет самая прекрасная партия.

Казалось бы, теперь Бирилев мог бы уже вкушать плодов своей популярности. Флигель-адъютанту ни к чему снова возвращаться под ядра. Его место подле особы императорской, тем более что никто не посмеет упрекнуть его в отсутствии храбрости. Он свое повоевал, пусть теперь повоюют другие. Но Бирилев решил иначе. К неудовольствию Николая I, он без лишних церемоний стал проситься обратно в Севастополь.

— У меня не так много флигель-адъютантов, что бы я их посылал на убой! – пробурчал в усы император.

— Обещаю вашему величеству всенепременно остаться в живых! – лихо щелкнул каблуками капитан-лейтенант.

— Это ты сейчас обещаешь, а случись что, с кого спрашивать! – насупил брови Николай. – Впрочем, у каждого своя судьба. Езжай!

Вскоре Бирилев был уже снова на своем родном третьем бастионе. Снова ночные вылазки, рукопашные схватки, победы и потери. Но вскоре удача оставила флигель-адъютанта. 6 мая во время подготовки новой вылазки с пятого бастиона на Кладбищенскую высоту при рекогносцировке он был тяжело контужен пулей в голову.

Придя в себя, капитан-лейтенант снова было засобирался на бастион, но осмотревший его хирург Пирогов только покачал головой:

— Какой к черту бастион, когда у него такие боли в голове, что впору на стенку лезть. Немедленно увозить на лечение в Германию!

— Но он же не кричит и не стонет, а шутит и улыбается! –

засомневались другие врачи.

Пирогов снял очки, протер их платком, снова водрузил на нос, вздохнул:

— Все очень просто, господа: вы видите перед собой настоящего русского офицера!

Провожали Бирилева его верные друзья контр-адмирал Панфилов да товарищи по вылазкам лейтенанты Астапов и Макшеев. Последними прощаться подошли его храбрецы Петр Кошка, Игнат Заика да Митрий Болотников.

— Вот, ваше благородие, вам наш подарочек в дорогу! – сказал за всех Петр Кошка, протягивая тряпицу с несколькими замусоленными головками сахара. – Вам теперича сладенького надобно, вот будете в дороге чай гонять, глядишь и нас вспомните!

В глазах Бирилева стояли слезы.

— Спасибо, братцы, вовек вас не забуду!

Флигель-адъютант императора

Тяжелоконтуженного Бирилева отправили на лечение в Висбаден. Лечение было долгим и трудным. Профессора немецкие никаких гарантий не давали.

— Голова – самое темное дело в медицине, – говорили они откровенно. – Никто из нас не даст никаких гарантий, какие процессы будут происходить там в дальнейшем. Единственно, что можем рекомендовать, – покой, покой и покой!

— Конечно-конечно! – заверил профессоров Бирилев.

Диагноз Бирилеву был поставлен неутешительный – травматическая эпилепсия. Болезнь тяжелейшая и непредсказуемая...

Но сейчас флигель-адъютанту было не до диагноза, он спешил в Москву, где ему предстояло принять участие в чествовании героев обороны Севастополя. Встреча черноморцев превратилась в Москве в национальный праздник, продолжавшийся без малого целый месяц.

Когда отгремели последние залпы войны, оставшиеся в живых черноморцы были отправлены на Балтику, туда, где были необходимы их закалка и боевое мастерство.

Путь черноморцев пролегал через Первопрестольную, и к прибытию героев севастопольцев там готовились загодя. Когда же первые колонны утомленных походом моряков 18 февраля показались у Серпуховских

ворот, их уже встречали толпы горожан, оркестры и почетный караул. Навстречу морякам вышел московский генерал-губернатор граф Закревский, «достойный гражданин» Кокорев преподнес дорогим гостям хлеб-соль. От моряков Черноморского флота их принял капитан-лейтенант Бирилев.

Газета «Московские ведомости» в те дни писала: «Лишь только увидели мы издали длинный их строй, спускающийся с горы, слезы прошибли всякого, и горько, и весело, и грустно. Обыватели густыми толпами валили к ним навстречу и кричали “Ура!”. “Ура!” – отвечали гости...

Сравнявшись с гостями, Кокорев передал поднос с хлебом-солью старшему офицеру. “Служивые! Благодарим вас за ваши труды, за пролитую в защиту родной земли кровь! Примите наш земной поклон!” – и поклонился в землю. За ним поклонились и все следовавшие. Удивительная, умилительная минута! Все плакали...»

Прямо посреди Серпуховской площади были накрыты огромные столы, где стояла водка, лежали груды снеди. Один за другим следовали тосты... Купцы чуть не в драку зазывали к себе на постой моряков: кто «спрашивал» десять, кто двадцать, а кто и все сто!..

На следующий день, 19 февраля, старшие офицеры были приглашены на торжественный обед к генерал-губернатору (мичманам и лейтенантам накрыли столы в гостинице «Шевалье»). Матросы гуляли по улицам. Двери трактиров перед ними открывали, денег при этом не брали, зато качали на руках. Офицеров тем временем приветствовали в Дворянском собрании.

Праздники пролетели быстро, снова наступили будни. Прибыв из Москвы в Петербург, Бирилев тут уже отправился в министерство.

— Я полностью излечился и готов идти в море хоть сегодня!

— Что здоров, это хорошо, – покачали головой чиновники. – Но вот флот у нас нынче мал и очередь на хорошие суда преогромная. Впрочем, для вас, как для флигель-адъютанта, имеется вакансия на яхту «Королева Виктория».

— Давайте хоть яхту! – махнул рукой Бирилев.

В течение последующих двух лет он плавал на яхте по Финскому заливу, а потом захандрил:

— Сколько ж можно в «маркизовой луже» плескаться!

Случай переговорить с императором выдался во время коронации Александра II в Москве, где Бирилев присутствовал как флигель-адъютант.

— Какие могут быть препоны моему адъютанту! – передернул плечами император, выслушав Бирилева, и вскоре тот был определен

старшим офицером линейного корабля «Выборг». Служба на «Выборге», однако, была на редкость скучной, так как он больше стоял, чем плавал, и суетной, так как на линейном корабле у старшего офицера рутинных дел всегда хватает.

Дела Восточные

Несмотря на то что Крымская война уже закончилась, английский премьер-министр Пальмерстон, под предлогом борьбы за права человека, по-прежнему разжигал ненависть к России. А английские войска из Балаклавы и Севастополя были переправлены напрямик в Гонконг и Индию, где ожидалось восстания аборигенов.

— Мы наказали Россию, теперь пора поставить на колени и Китай! – вещал Пальмерстон.

Захват Поднебесной виделся из Лондона делом несложным. В двух недавних опиумных войнах Китай понес огромные убытки, и китайские товары уже не могли конкурировать с продукцией европейских мануфактур. Огромная страна стремительно беднела. Вдобавок ко всему Китай сотрясали мятежи яростных тайпинов.

Активность англичан в Китае заставила принять меры и Петербург.

— Союзники считают, что после Крыма им все нипочем! – высказывал брату Константину император Александр II. – А потому надо будет сделать все возможное, чтобы умерить их пыл!

В марте 1859 года в Китай отбыла миссия генерал-майора графа Игнатьева с оружием и военными советниками. Китайцы просили о помощи, и та была им обещана. От Петербурга до Пекина путь не близок, а потому, пока граф Игнатьев трясся в своей коляске по бесконечным дорогам, в Китае произошли весьма важные события.

Все началось с того, что английский вице-адмирал Хоуп пытался силой пройти вверх по реке Бейхэ в Тяньцзинь в качестве «посольского конвоя», чтобы затем продиктовать китайцам свои условия. Эскадра Хоупа была впечатляющей: 8 фрегатов, корветов и транспортов, 2 большие и 9 малых канонерок. Китайцы вначале предложили «дипломатической миссии» пройти до Тяньцзиня сухопутным путем. Но уверенные в своей силе англичане и союзники это отвергли. Английский посол Брюс и французский де Бурбулон уговорили Хоупа прорваться в устье реки Бейхэ силой.

— Достаточно будет одного обстрела фортов для открытия входа в

реку, как китайцы пойдут на все наши условия! – внушали они.

Для штурма фортов было выделено одиннадцать английских канонерок и французское посыльное судно. Под прикрытием корабельной артиллерии почти полторы тысячи вооруженных матросов на джонках взяли курс к зловеще молчащим фортам.

Поначалу все шло как нельзя лучше. Но затем внезапно стены фортов заволокло дымом – китайцы приняли бой! «Выстрелы китайцев отличались замечательной меткостью, которой вовсе нельзя было ожидать от них», – писал очевидец. Джонки с десантом были расстреляны в упор. Затем началось уничтожение канонерских лодок. В течение часа было потоплено пять канонерок. Те, кому удалось высадиться на берег, оказались в западне. Расстреливаемые со всех сторон, они ничего не могли сделать. Погибло более половины десанта. Остатки удалось забрать только с наступлением темноты. В довершение всего в горячке боя Хоуп напрочь забыл про приливы, а потому раненых, в ожидании эвакуации, укладывали рядами у самой воды. Когда же начался стремительный пролив, то все они утонули.

Почти одновременно французский экспедиционный корпус был разгромлен во Вьетнаме, и французы бежали из Сайгона. Эти два одновременных поражения стали прологом новой большой войны, вошедшей в историю как Третья опиумная.

В Пекине праздновали триумф. Еще вчера робкие цинские министры настаивали теперь на полном истреблении европейцев.

— Зачем нам помощь русского медведя? – кричали китайские мандарины, и их длинные косы раскачивались за спинами. – Теперь наша мудрая обезьяна и сама порвет жалкую английскую собаку!

Игнатьев еще не добрался до Пекина, когда союз с Россией там уже никого не интересовал.

Но китайская обезьяна радовалась рано. В Лондоне здраво рассудили, что если не взять реванш за поражение при Бейхэ, то авторитет первой державы мира будет подмочен. Лорд Пальмерстон жаждал реванша. Вскоре в Китай прибыл английский экспедиционный корпус генерала Гранта – две пехотные дивизии и бригада кавалерии. Затем высадился и французский корпус генерала Кузена-де-Монтабана – две пехотные бригады и батальон морской пехоты. Почти все офицеры и солдаты обоих корпусов – участники севастопольских штурмов. Усилились и эскадры союзников. Теперь под флагом вице-адмирала Хоупа имелись 2 винтовых линейных корабля, 17 фрегатов, 9 корветов и более семи десятков вспомогательных судов. Более шестидесяти вымпелов насчитывала и французская эскадра вице-адмирала Шарнэ. Помимо этого для перевозки солдат, вооружения и

припасов было зафрактовано 216 крупных коммерческих судов. Эта была армада, сопоставимая по количеству вымпелов с союзническим флотом под Севастополем.

Фактически союзники готовились повторить Крымскую кампанию в восточном исполнении. Противник, правда, у них был на этот раз не столь упорный, как у стен неприступного Севастополя.

22 апреля 1859 года союзные войска высадились на островах Чжоушань. В июне французы заняли Чифу, а англичане бухту Даляньхуан (будущий порт Дальний), превратив их в свои маневренные базы. Китайские войска почти не оказывали сопротивления. Еще не вступив в бой, они уже потеряли волю к победе. Теперь Грант и де Монтанбан готовились к маршу на Пекин.

28 июля объединенный англо-французский флот и транспорты с войсками бросили якорь в бухте Шэлюйтян, в 17 километрах от Бэйцана, а 1 августа началась высадка экспедиционной армии. 12 августа союзники начали генеральное наступление на форты в устье Бейхэ. 16 августа пали укрепления Тангу на левом берегу. 18 августа союзники переправились через реку Бейхэ, а 22 августа после кровопролитного сражения были захвачены форты Таку. При этом союзники потеряли 57 убитых и 243 раненых, китайцы более 2000 убитых.

Именно в это время в Пекин прибыл граф Игнатъев, застав там панику и слезы. Граф пытался выступить посредником между враждующими сторонами, чтобы не допустить вступления союзников в китайскую столицу, но безуспешно.

Тем временем, поднявшись вверх по реке, эскадра Хоупа захватила Тяньцзинь, после чего начались переговоры с китайцами. Последние всячески их затягивали, чтобы дождаться зимы, когда противник сам вынужден будет уйти. Но англичане с французами были настроены решительно. Прервав переговоры, они возобновили наступление. Китайская армия пыталась его остановить, но в сражениях при Чжанцзяване и Бапицяо была наголову разбита и разбежалась. После чего император Сянь Фэн перебрался из Пекина в город Жэхэ, оставив за себя принца Гуна.

6 октября Пекин пал, а дворец Юань-Мин-Юань полностью разграблен. Сбежавшись в русское православное подворье, цинские министры на коленях умоляли Игнатьева помочь им в переговорах с союзниками. Игнатьев согласился, но в свою очередь выдвинул требование немедленно разграничить спорные территории от Уссури до Кореи. Принц Гун был согласен на все.

Свое обещание граф Игнатьев сдержал, и при его посредничестве принц подписал все условия союзников, в том числе и по выплате контрибуции.

25 октября были подписаны англо-китайская и франко-китайская конвенции, после чего союзники покинули Пекин. Теперь наступал черед России пожинать плоды последней опиумной войны.

Эскадра особого назначения

Еще в марте 1858 года адъютантом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича был бывший флаг-офицер вице-адмирала Корнилова капитан 1-го ранга Лихачев. Он уже участвовал в плаваниях на Тихом океане в экспедиции Невельского, отважно сражался на севастопольских бастионах, получил сильную контузию при взрыве баркаса с порохом, когда в тот угодила французская бомба, затем служил атташе в Лондоне и Париже, отличался эрудицией и жаждой деятельности. Именно Лихачев и подал генерал-адмиралу «Записку о состоянии русского флота», в которой доказывал необходимость дальних плаваний судов российского флота и образования в морях Дальнего Востока самостоятельной эскадры. В «Записке...» говорилось: «Только не держите эти суда в наших морях, где они как рыбы, вытасценные на берег... Не ограничивайте их поприще дорогою к Амуру и обратно... держите их в океане, в Китайском и Индийском морях, естественном поприще их военных подвигов в случае войны... У Вас образуются со временем настоящие адмиралы, которые будут бояться одной ответственности перед отечеством... которых не будет вгонять в идиотизм страх начальства». «Записка» пришлась как нельзя кстати. Россия просто обязана была после неудачи в Крымской войне продемонстрировать свой флаг в океане, к тому же англичане уже заинтересовались дальневосточным Приморьем, и надо было срочно наращивать там наше военно-морское присутствие.

Разумеется, линейные корабли и фрегаты, которых было по пальцам посчитать, посылать на Тихий океан не стали. Нашли другой выход – корветы и клипера. Как раз к концу Крымской войны на Архангельских и Охтинских верфях сошли со стапелей первые серии этих кораблей.

Подключив все связи, Бирилев добивается своего перевода на один из готовящихся в дальнее плавание корветов. Вакансия открылась в самый последний момент. Командир корвета «Посадник» всеми силами добивался и добился перевода на Черное море. На его-то место и был назначен

старший офицер с линейного корабля «Выборг».

Тем временем на Балтике заканчивал подготовку к походу на Дальний Восток так называемый 3-й Амурский отряд, который должен был усилить и частично сменить уже ранее ушедшие два корабельных отряда.

Дело в том, что в начале января 1860 года в Особом комитете под председательством императора Александра II решили в помощь русскому посланнику графу Игнатьеву собрать в китайских водах особую эскадру под командованием капитана 1-го ранга Лихачева.

Самому Лихачеву было при этом сказано:

— Ты сии вояжи дальневосточные предложил, тебе и флаг в руки!

На что тот лишь обрадовался:

— О назначении таком я и мечтать не мог! Доверие, оказанное, оправдаю и за честь России постоять сумею!

И Александр II и его младший брат Константин Николаевич понимали, что корветам и клиперам будет трудно противостоять английским эскадрам. Если они и могли нанести удар по владычице морей, то только атаковав ее торговые коммуникации.

— Конечно, наши морские силы не идут ни в какое сравнение с английскими! – признался брату генерал-адмирал. – Однако во главе эскадры и командирами кораблей мы поставим самых боевых и храбрых. Думаю, это с лихвой окупит слабость наших пушек!

Из воспоминаний дореволюционного историка А. Беломора: «... Плохенькие тихоходы-корветы со слабосильными механизмами, не дававшими более 5 узлов в штиль, эти морские игрушки – клипера с неудобным рангоутом и шхунским вооружением не были тогда плавучими гостиницами или станционными домами, несколько месяцев пребывания в которых составляли бы необходимое условие иерархического передвижения служащих, а были действительными боевыми единицами, материальные недостатки которых пополнялись духовными качествами годами сжившихся на палубах экипажей. В описываемый период в нашей морской среде не было и недостатка, какой, например, признавал министр иностранных дел князь Горчаков, в людях, умевших храбро и сознательно брать на свои плечи ответственность за быстрое принятие никогда не предвиденных и нигде не предписанных администрацией мероприятий и решений и зачастую вопреки категорически высказанных ею желаний и соображений, нередко трусливых и эгоистичных. Великий князь в возникавших спорах всегда становился на сторону адмиралов плавающих, строго придерживаясь правила, что отдаленное действие центральной власти очень слабо заменяет постоянное действие власти поместной; что

самая искусная администрация не может заменить управления непосредственного; что сила созидающая может заключаться только в военачальнике».

Особо следует остановиться на командах отправляемых на Тихий океан корветов и клиперов. Дело в том, что комплектовались они из оставшихся в живых защитников Севастополя. Прошедшие Синоп и год севастопольской бойни матросы-черноморцы имели огромный боевой опыт, но наряду с этим подчиняться не слишком любили. Война научила их смотреть опасности в глаза. Именно поэтому и командирами первых клиперов ставили исключительно офицеров, прошедших севастопольские бастионы. Они пользовались большим и вполне заслуженным авторитетом, а потому легко находили общий язык с матросами-ветеранами. Надо ли говорить, каким авторитетом с самого начала пользовался у матросов «Посадника» всем им хорошо известный храбрец Бирилев!

Что касается корвета «Посадник», то он был построен под руководством корабельных инженеров Иващенко и Шведе на Охтинской верфи в 1856 году в числе других шести винтовых корветов. Водоизмещение корвета составляло 855 тонн, мощность паровых машин 200 лошадиных сил. На ходовых испытаниях «Посадник» развил под машиной скорость в 13 узлов, что по тем временам считалось весьма неплохо.

В состав 3-го Амурского отряда помимо «Посадника» вошли клипера «Наездник» (капитан-лейтенант Ратьков) и «Разбойник» (капитан-лейтенант Селиванов). Отрядным начальником был назначен капитан 1-го ранга Дюгамель.

Дела у Лихачева со словами не расходились. Не став дожидаться отправки отряда, он поспешил на Дальний Восток, чтобы как можно скорее объединить под своей дланью находящиеся там российские суда. Обстановка на Дальнем Востоке была в то время непростая. Не удовлетворившись результатом Тяньцзинских договоров 1858 года, Англия и Франция предприняли попытку силой оружия установить контроль над Китаем. Царствующая там династия находилась под угрозой свержения. Шли бои за Пекин, в котором царила паника. Если бы победили претенденты на престол, то влияние англо-французов стало бы преобладающим. Это грозило нам неприятными последствиями. Русский посланник генерал-майор Игнатьев направил императору Александру II донесение о больших трудностях ведения переговоров в Пекине и просил разрешения выехать оттуда.

Требовалось принять незамедлительные меры по укреплению обороны

дальневосточных рубежей России. Лихачев не без основания полагал, что союзники первым делом попытаются захватить побережье нынешнего Приморского края с Владивостоком и Посъетом. Многие бухты и заливы уже были нанесены на английские и французские карты как принадлежащие им. В России же по вопросу о землях южнее Амура только велись переговоры между Петербургом и Иркутском – резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского. Теперь все решали какие-то месяцы, а то и недели. Кто сумеет первым застолбить еще ничейные территории?

Время не ждало, а потому капитан 1-го ранга Лихачев срочно выехал из Петербурга во Францию и на пассажирском пароходе в частном порядке добрался из Марселя в Шанхай. Там он зафрахтовал французский пароход «Реми» и поспешил на нем в Хакодате. По прибытии туда Лихачев узнал, что англичане уже начали подготовку к высадке десанта в заливе Посъет с последующей оккупацией этого района. Писать в Петербург, и просить указаний было уже поздно. Храбрый офицер принимает решение опередить англичан и самому занять залив Посъет, формально принадлежавший Китаю. Фактически же это была ничейная территория, и в радиусе сотен верст там не было ни китайских солдат, ни чиновников.

В то время в Хакодате находились клипер «Джигит» и транспорт «Японец». «Джигит» занимался ремонтом котлов и быстро выйти в море не мог.

Командующий эскадрой накоротке встретился с нашим консулом в Японии Гошкевичем.

— Какие последние новости об англичанах?

— Насколько мне известно, сейчас они готовятся к занятию залива Посъет и ведут гидрографическое обследование острова Цусима.

— О Цусиме подумаем после, сейчас важно опередить их в Посъете! – махнул рукой Лихачев.

В тот же день он отправился в залив Посъет на единственном ходовом судне своей будущей эскадры – «Японце».

11 апреля 1860 года «Японец» бросил якорь в Новгородской гавани залива Посъет. Лихачев осмотрел бухту и объявил ее территорией Российской империи. Собственной властью он распорядился основать пост в бухте Новгородская и оставил там команду под командованием лейтенанта Назимова. Лейтенанту он велел:

— В случае появления иностранных судов поднимай русский флаг и объявляй их капитанам, что бухта Новгородская и залив Посъет являются собственностью России. Ежели увидишь противодействие, пали из всех

ружей!

Объявив Посьет русской территорией, Лихачев рисковал эполетами. Но что такое собственная судьба, когда на карту поставлена будущность России!

Узнав о дерзком своеволии своего любимца, великий князь Константин Николаевич отписал Лихачеву: «Ты совершенный молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души!.. Все письма твои я давал читать государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...»

К этому времени на Дальний Восток начали подходить и наши боевые корабли. Одновременно, не теряя времени, экипаж транспорта «Манджур» основал будущий порт Владивосток.

К лету в Печилийском заливе у порта Таку, от которого до Пекина каких-то 150 верст, собралась вся наша эскадра: фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Джигит», «Разбойник», «Наездник», транспорт «Японец» и несколько мелких судов. «Таким образом, под моим брейд-вымпелом, – писал позднее И. Ф. Лихачев, – формировалась впервые независимая эскадра Тихого океана, через которую прошло впоследствии не одно поколение лучших моряков наших, и я почитал всегда крайне счастливым, что на мою долю выпало отстоять это учреждение в самом его начале – это обошлось в то время не без препятствий».

На клипер «Джигит» немедленно перебрался наш посланник в Китае граф Игнатьев. Теперь, находясь под защитой Андреевского флага, он мог увереннее держаться на нелегких переговорах с министрами богдыхана. Китайцы сразу стали сговорчивее, и 2 октября 1860 года был заключен исторический Пекинский договор, по которому неразграниченные ранее территории отошли к России: Уссурийский край, Приамурье и Приморье «на вечные времена» объявлялись нашими владениями.

Заслуги моряков были оценены по достоинству. Лихачеву по заключении Пекинского договора был присвоен чин контр-адмирала и орден Святого Владимира 3-й степени. Высочайший указ Александра II гласил: «Во внимание к чрезвычайно полезным трудам эскадры Китайского моря и отличной точности, с которой были выполнены ею предначертания, послужившие к заключению трактата с Китаем, Государь Император изъявил свое монаршее благоволение начальнику эскадры и всем командирам».

Что и говорить, российские дипломаты, прекрасно разыграв партию, а моряки, подкрепив слова политиков демонстрацией реальной силы, оставили недавних противников по Крымской войне в круглых дураках.

После непростой войны англичан с Китаем все выгоды мирного договора достались исключительно России.

На кораблях откровенно радовались:

— Энто вам, гады, за Севастополь! За дружков наших, что смертью пали на кургане Малаховском! Чешите теперь свои загровки!

Занятие Посъета и основание Владивостока были первыми щелчками по носу союзникам, но, как оказалось, Не последними. наши останавливаться на достигнутом не собирались.

От Кронштадта до Хакодате

19 июня 1859 года великий князь Константин Николаевич прибыл в Кронштадт проводить уходящие в дальнее плавание корабли. В дневнике он записал: «Утром осматривал Амурский отряд. Корвет “Посадник” (Бирилев)... Разрешил некоторые необходимые работы...»

Герой Севастополя ходил в любимцах у генерал-адмирала, а потому великий князь обращался с ним почти по-дружески:

— Готов ли ты, Николя, к новым подвигам во славу Отечества?

— Готов, ваше высочество! Мы, черноморцы, на все способные!

В конце августа 1859 года отряд вышел в плавание. Чтобы затруднить слежение англичан и быстрее дойти до места, командирам судов было приказано идти раздельно.

Вместе с Николаем Бирилевым уходил на Дальний Восток и младший брат Алексей. Только что произведенный в чин юнкера флота, он, по протекции старшего брата, был определен на клипер «Разбойник» к капитан-лейтенанту Ратькову. От мысли взять брата к себе на «Посадник» он отказался.

— У меня не обойдется без послаблений! – объяснил Бирилев брату-юнkerу. – У Ратькова же ты пройдешь настоящую морскую школу!

Алексей не возражал.

Итак, плавание на Дальний Восток началось. Конечно, Бирилеву не было легко. При всей его опытности в океан он шел первый раз, да не просто в океан, а вокруг света! Но севастопольцам ли бояться трудностей, а потому только вперед!

Из хроники плавания: «Пройдя Нарген и получив легкий ОСО, прекратили пары и вступили под паруса. Ночью свежий SSO достиг крепости шторма и заставил взять все рифы у марселей. Пройдя Дагерорт в полный бейдевинд, с нижними парусами, при большом волнении, корвет

шел до 10 узлов. Спокойствие судна было необыкновенным, однако же размахи доходили до 20°, к 29 августа ветер до того окрепчал, что вынуждены были закрепить нижние паруса и спустить брам-стенги. К вечеру стало стихать».

Вскоре впереди заморгал желтым глазом плавучий маяк Фалстебро. Ветер засвежел и стал противный. Чтобы не лавировать, Бирилев решил перейти на машину.

— Развести пары! – велел передать он вниз механику Скирмунду.

Бросили якорь на большом Копенгагенском рейде. Перевели дух и начали заливать водой и грузить уголь. Прогноз на погоду был неутешителен. После некоторых раздумий Бирилев принял единственно правильное решение:

— Рисковать не будем, переждем равноденственные бури, а потом свое нагоним в океане

Дождавшись маловетрия, «Посадник» покинул Копенгаген, работая машиной. Плавание по узким и изобилующим подводными камнями Датским проливам всегда требует особого внимания и осторожности. До Ангольтских маяков шли в тумане, как в молоке, самым малым. Наконец, разглядели огни, и определяться стало полегче.

На выходе в Немецкое море вступили под паруса, но пары не прекращали. Делали до 10 узлов. Затем остановили машину и шли уже под парусами.

Прошли Английский канал и бросили якорь на Спитхедском рейде. Пошли дальше.

Из хроники плавания: «Корвет бежал под марселями и нижними парусами в галфинд по 10 и 10,5 узла... С рассветом с корвета увидели к югу милях в двух французский купеческий бриг, лежавший в дрейфе и выражавший все знаки бедствия».

Матросы, почти все участники севастопольской обороны, бедствию своих недавних врагов были даже рады:

— Ну и пусть, собака, тонет! Это их за Севастополь Господь карает!

Но командир думал иначе.

— Войны промеж нас нет, а потому будем спасать! – объявил он офицерам.

«Посадник» осторожно (чтобы ветром не навалило) спустился к нему. Капитан брига, срывая голос, кричал в мятый жестяной рупор:

— Мы бриг «Понт де Челс». Сели на риф. Разворотило все днище. Затем волной сбросило с камней. Сейчас же просто тонем. Команда не успевает откачивать воду, так как днище – одна дыра. Умоляю, помогите!

— Все будет хорошо! — отозвался командир «Посадника». — Мы вас спасем!

По приказу Бирилев мичман фон Шанц с двенадцатью матросами и помпой Доутона перебрались шлюпкой на борт тонущего брига и, засучив рукава, принялись за дело. Пока одни откачивали воду, другие заделывали пробоины. Вскоре течь была остановлена.

«Понт де Челс» взяли на буксир и притащили в Брест.

На Брестском рейде «Посадник» застал нашу и французскую эскадры. Французы сердечно благодарили Бирилева за спасение брига и людей. Когда же они узнали, что перед ними один из самых знаменитых защитников Севастополя, восторгу их не было предела.

Из-за противных ветров в Бресте пришлось несколько задержаться. Не теряя времени, за это время полностью обновили запасы воды, закупили и на пять месяцев провизии, причем по вполне сходной цене.

5 ноября «Посадник» под парами покинул Брест. Волнение было большое, но шли хорошо. Затем и вовсе поймали попутный ветер и вступили под паруса. Через неделю пришлось выдержать приличный шторм, а потом еще и утомительную, выматывающую зыбь. Затем была стоянка на Мадере, где запаслись хорошим вином и перевели дух.

После того как «Посадник» пересек тропик, Бирилеву удалось поймать ровный пассат, и дальше уже плыли, что называется, в свое удовольствие до самого Рио-де-Жанейро. Матросы вечерами пели:

Дуй, знай, ветер, поддувай,
Хоть риф марсельный валяй!
Хоть риф марсельный валяй!
Ничего! Свисти, качай!
Рифы, взяв у марселей,
Быстро все закончим.
У закрепленных снастей
Лежа лясы точим...

На переходе экватора по старой морской традиции провели ритуал с обряжением Нептуна. Во время посвящения в океанские мореходы Бирилев и другие офицеры откупались от Нептуна и его свиты вином, остальных бросали в купели. В Рио снова пополнили запасы и перевели дух. Из каждого порта Бирилев, как и положено, писал рапорты о ходе плавания в Морское министерство, а так как командир «Посадника» являлся и флигель-адъютантом императора, то писал прямо и ему, и великому князю Константину Николаевичу.

Из дневника великого князя Константина Николаевича: «Вечером

(1 марта 1860 года. – В. III.) во время собрания читал рапорт Ратькова (командир клипера “Разбойник”. – В. III.), Селиванова (командир клипера “Опричник”. – В. III.), Бирилева и очень интересно про них толковали и спорили».

А «Посадник» уже разворачивал свой форштевень на мыс Доброй Надежды.

Из хроники плавания: «Выйдя в море, при ветре, идущем от ОНО, прекратили пары. Пролежав на SO до параллели 35° в южной широты, шли по ней и, придерживаясь по возможности этой широты, прошли 11 февраля 1860 года на вид мыса Доброй Надежды и того же числа стали фертоинг в Саймонс-Бее».

Стоя на шканцах, Бирилев с удовольствием подставлял лицо теплему свежему ветру.

— Обратите внимание, господа, – обратился он к стоявшим рядом старшему офицеру лейтенанту Селиванову и штурману Чуркину. – Северный ветер здесь не разводит никакого волнения, несмотря на то что мы вынуждены «вогнуть все рифы», закрепить фок с гротом и спустить брам-стенги.

Селиванов с Чуркиным признались, что тоже удивлены столь необычным явлением.

В последующие дни ветер был сильный, но волна опять небольшая, и «Посадник» быстро мчался вперед, наматывая на лаг все новые и новые мили.

Попутный ветер был настолько устойчивым, что пятьдесят дней не вводили в работу машину.

Затем пришлось пережить шторм и в Индийском океане. Когда тот достиг максимальной силы, огромная волна вкатилась на палубу и унесла вельбот, переломив железные шлюп балки. Но, к счастью, обошлось без жертв.

— Никак местный Нептун взял свою добычу и успокоился! – комментировали происшедшее матросы.

— Никола-угодник сжалился над нами, сердешными! – на свой лад констатировал окончание шторма мичмана.

Всему плохому когда-то приходит конец. Стих и шторм. Попали еще в шквал с дождем, но это уже сущие мелочи. Потом опять настало время маловетрия.

— Вот так и живем: то густо, то пусто! – шутили на «Посаднике».

В один из дней штурман подпоручик Чуркин доложил командиру:

— Пересекаем тропик Козерога. Долгота 102°!

— Теперь пора ворочать на норд-ост! – выслушав, кивнул Бирилев. – Попробуем поймать местный пассат.

Расчет оказался верным, вскоре снова поймали хороший ветер и помчались дальше.

Но вот впереди и огни Сингапура. Когда положили якоря на Сингапурском рейде, разглядели вдали фрегат «Светлана».

Радости-то было! Как приятно на другом конце земли вдруг увидеть свое судно, где много твоих товарищей и земляков. Бирилев съездил на «Светлану», переговорил с ее командиром капитан-лейтенантом Дрешером, после чего фрегат взял для экономии угля «Посадник» на буксир.

10 июня подошли к острову Гутслаф и увидели на якоре клипер «Наездник».

Спустя неделю «Посадник» прибыл на внутренний рейд Нагасаки. Полукругосветное плавание было завершено блестяще. Теперь корвет вошел в состав эскадры Китайского моря под началом капитана 1-го ранга Лихачева, сослуживца Бирилева по севастопольским бастионам.

Сразу же по прибытии в Нагасаки на Бирилева возложили наблюдение за больными матросами, которых доставляли в Нагасаки со всей эскадры Китайского моря.

— Пехотинцем и пластуном я уже побывал, теперь придется побывать и доктором! – почесал затылок капитан лейтенант.

Одновременно, не трата времени попусту, на «Посаднике» занялись починкой котлов, но продвигалось это дело медленно, потому что японские заклепщики еще только учились. Пришлось нашим матросам самим брать в руки молотки и показывать, что и как надобно делать. В Нагасаки «Посадник» поступил в распоряжение Лихачева. Начиналась новая глава в жизни Николая Бирилева.

Остров посреди Корейского пролива

А взор Лихачева в это время уже был устремлен на маленький, но стратегически важный остров, лежащий посреди Корейского пролива, с ничего никому не говорящим названием Цусима. Корейский пролив и остров посреди него имели важное стратегическое значение, сравнимое с Гибралтаром, Мальтой и Аденом. А потому к Цусиме уже примеривались англичане. Они уже произвели гидрографическую съемку острова. Японский историк Синтаро Накамура писал: «Английский консул в Хакодате в “Памятной записке” сообщил: “Для нас срочной

необходимостью является захват Цусимы...”» А некий капитан Уорд, зайдя в гавань Имосаки, уже напрямую требовал открытия Цусимы для английских судов. Обо всем этом, разумеется, знал Лихачев.

Еще в апреле 1860 года он записал в своем дневнике: «По слухам... англичане имеют виды на этот остров... мы должны там их предупредить». Не откладывая дела в долгий ящик, он тут же отправил докладные записки великому князю Константину Николаевичу и управляющему Морским министерством адмиралу Краббе с предложением опередить англичан и создать на Цусиме «военно-морскую станцию». В этом случае Россия получила бы незамерзающий порт на Тихом океане, который, «как часовой на страже», стоял бы посредине Корейского пролива.

Занятым китайскими делами англичанам было просто не до острова. К тому же в данный момент они весьма нуждались в посредничестве графа Игнатьева при переговорах с китайцами. Момент для занятия острова был самый подходящий, другого такого могло уже не случиться никогда. Надо было только действовать стремительно и решительно. Но письмо ушло уже несколько месяцев назад, а ответа все не было. Драгоценное время же уходило и уходило.

В мае 1860 года в Печилийском заливе на клипере «Джигит» он посвятил посланника в Китае графа Игнатьева в Цусимский проект.

— Я не исключаю, что именно вам великий князь Константин Николаевич поручит вести дипломатические переговоры в Эдо.

Но посланник на уговоры не поддавался. От всех предложений Лихачева он вежливо уклонился, а едва капитан 1-го ранга откланялся, граф тут же отписал Горчакову срочную депешу с предупреждением о возможных осложнениях с японцами из-за ненужной инициативы моряков.

Признаем, что инициатива и предприимчивость Лихачева весьма превышала его официальные полномочия. Но ведь ему было тогда всего тридцать пять лет, а за плечами уже был Севастополь и унижение Парижского мира! Именно так же, как Лихачев, поступал в это же времени в далекой Средней Азии его соратник по севастопольским бастионам генерал Черняев. Генерал по своей инициативе взял штурмом непокорный Ташкент, продвинув границы России сразу на тысячу верст на юг, чем вызвал ужас англичан и истерику Горчакова. Это была плеяда людей, не боявшихся взять на себя ответственность государственную, если видели в том пользу для России. Именно они, молодые ветераны Севастополя, как никто другой, горели желанием взять реванш за недавнюю проигранную войну и возвеличить Отечество.

— Битва за Китай близится к концу, англичане ее явно выигрывают, но

и мы не проиграли, зато опередили с занятием Приморья. Следующая схватка будет уже за влияние на Японию. И Цусима – козырный туз в предстоящей схватке. Владеющий этим островом сразу становится господином всех морских путей! Это понимаем мы, понимают и англичане. Теперь кто кого опередит! – откровенничал Лихачев, ужиная с командирами кораблей в своем салоне на «Светлане».

— Ну а что насчет этого думают японцы? – спросил один из присутствующих.

— Японцам тоже сейчас не до этой каменной скалы. У них сегун вовсю истребляет старых самураев и наводит новый порядок, а вот когда наведет, тогда к Цусиме без большой войны уже не подступишься! – вздохнул Лихачев.

— А чего тут ждать! Разводим пары и прямо к Цусиме! Поднимаем там флаг Андреевский. Пусть только после этого кто сунется! – вскочил со своего кресла всегда решительный и нетерпеливый Бирилев.

— Все это так, но нам надо хотя бы формальное разрешение из Петербурга, а на это, увы, надо время, которого у нас сейчас очень мало, – покачал головой командующий. – Эх, кабы мне прав малость поболее!

Затем перевел взгляд на Бирилева:

— А тебе, Николя, задание особое. Завтра же выбирай якорь и следуй в Нагасаки. Мы в здешних водах надолго, а потому надо устраиваться основательно. Гошкевич договорился о выделении нам землицы в тамошней деревеньке Инаса. Посему начинай там строительство береговой базы.

— С чего начинать стройку-то? – поинтересовался командир «Посадника».

— С бани! – разом ответствовало несколько голосов.

* * *

Как это часто бывает в большой политике, в нее вмешались дела на первый взгляд совсем ничтожные, семейные. Ответ на письмо Лихачева был отправлен с чиновником для особых поручений губернатора Восточной Сибири майором Хитрово. Последний же только что женился в Петербурге и совсем не торопился покинуть молодую супругу. Казалось, можно было бы передать ответ по работавшему тогда телеграфу, но то ли по нерадению, то ли по чьему-то злому умыслу и этого сделано не было.

Разумеется, великий князь Константин и адмирал Краббе против

приобретения Цусимы не были. Но все уперлось в Министерство иностранных дел. Узнав о намерениях Лихачева, канцлер Горчаков пришел в ужас:

— Мы только-только выбрались из крымского дерьма, а моряки снова хотят нас втянуть в драку с Англией! Да из-за чего? Из-за какого-то островка, о котором мы до сего дня и слыхом не слыхивали!

Только 12 декабря 1860 года, прибыв на клипере «Наездник» в Шанхай, начальник эскадры получил депеши из министерства и письмо от генерал-адмирала.

«С этим вместе ты получишь, – писал великий князь Константин, – мое официальное отношение вследствие твоей записки о Тсу-Сима; но чтобы ты его вполне понял, мне надобно написать тебе несколько объяснительных слов. Записку твою я читал государю в присутствии Горчакова 22 июля. Государь немедленно ее понял и понял всю действительную важность Тсу-Симы. Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по своей обыкновенной привычке побоялся, чтобы из этого не вышло политического вопроса и главное, чтобы нам из-за этого не перессориться с японцами. Он тотчас вспомнил о разнице положения, в которое себя поставили в Эдо Путятин и Муравьев: как с японцами мирно жил и ладил первый и как с ними чуть-чуть не поссорился второй, поднявши вопрос об Анове. Потом он говорил, что решительно не знает, кому это дело поручить, а что поручить его Игнатьеву, ему решительно не хочется. Кончил он тем, что просил меня его от этого дела освободить и что нельзя ли смотреть на него не как на дело дипломатическое, а как на вопрос чисто морской и поэтому поручить его тебе. Я, разумеется, был очень рад этому обороту и тотчас согласился: нам же лучше. Вот почему и написал я тебе, что дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата. Дело в том, чтобы мы могли основать на этом острове морскую станцию *a la Villafranca*. Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя самого не сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островскими властями или еще лучше безо всяких соглашений... но только так, чтоб от японцев не было официального протеста... Насчет твоих будущих действий ты сам лучший судья...»

Итак, проект Лихачева фактически отклонен. Впрочем, генерал-адмирал в письме своему бывшему адъютанту сообщил, что предложил «под его личную ответственность» попытаться заключить частную сделку с главой княжества Цусима относительно аренды участка земли для морской станции. При этом отдельно оговорив, чтобы эта сделка

не вызвала протеста центрального правительства Японии и вмешательства западных держав. Лихачеву предлагали взять всю ответственность на себя!

Почти одновременно Лихачеву было велено немедленно отправить на Балтику и несколько кораблей своей эскадры. 15 января 1861 года скрепя сердце он составил отряд из корветов «Боярин» и «Воевода» и клипера «Джигит» под общию командой капитан-лейтенанта Майделя и отправил его в Кронштадт. И без того не слишком сильная, в сравнении с английской, наша эскадра совсем ослабла. А ведь как пойдут дела в случае занятия Цусимы, не знал никто. Оставшиеся корабли Лихачев собрал в Нагасаки. Пологие волны качали фрегат «Светлана», клипера «Опричник», «Наездник» и корвет «Посадник».

Не забывал между делами Николай Бирилев и опекать младшего брата, внимательно следя за его службой, помогая где советом, а где и нагоняем. Спустя несколько месяцев с «Разбойника» юнкера Алексея Бирилева перевели на фрегат «Светлана» к опытнейшему Ивану Бутакову. Служба под началом Бутакова – лучшая из школ. Когда же открылась должность вахтенного офицера на клипере «Наездник», Бирилев переговорил с его командиром капитан-лейтенантом Желтовым, чтобы тот взял брата к себе. Желтов согласился. Забегая вперед, скажем, что в тихоокеанских водах Бирилев-второй проплавал почти шесть лет, получив ни с чем не сравнимый опыт. В Кронштадт он вернется только в 1865 году уже мичманом и с орденом Святого Станислава 3-й степени на груди.

В тот раз Алексей приехал погостить к старшему брату с «Наездника». Еще недавний юнец, он теперь чувствовал себя настоящим «зейманом» и со знанием дела старался судить о флоте и о политике. Старший только слушал, как быстро мужают мальчишки на палубе...

Историк флота А. Беломор писал об этих днях: «Однако ж и сильно запоздавшее, вероятно, не без ведома министра иностранных дел согласие генерал-адмирала на занятие острова было получено и равнялось приказанию, которое ни один морской офицер не мог тогда не попытаться исполнить, приложив все свои способности, старания и энергию к доведению дела до благополучного и желаемого конца. В те достопамятные в русской морской истории годы, когда, к величайшему несчастью, материальная часть за неимением денег была слаба и ничтожна, личный состав в особенности офицеров от самых младших субалтернов до адмиралов включительно вследствие неусыпных забот и попечений генерал-адмирала достиг высокого нравственного уровня».

Итак, время почти потеряно, боевых кораблей почти не осталось. Можно, казалось бы, и отказаться от затеянного? Никто бы Лихачева за это

не осудил. И все же тот решился действовать, при этом отчаянно рискуя собственной карьерой, так как отныне все последствия он брал на себя. Что и говорить, смелыми были эти ребята, прошедшие севастопольские бастионы!

* * *

Едва англичане навели свой порядок в Китае, они тотчас же вплотную занялись делами японскими. В столице Японии Эдо тем временем, по своему обыкновению, интриговал известный русофоб английский посланник при японском дворе Рутерфорд Алькок. В Японское море вошла эскадра вице-адмирала Хоупа, флаг которого развевался на корвете «Инкаунтер». Теперь Алькоку с Хоупом нужен был только повод продемонстрировать силу. И повод нашелся быстро. Когда в пьяной драке в Эдо был убит английский купец Роберт, японскому правительству был предъявлен счет на 110 тысяч фунтов стерлингов, а столица княжества Кагосима была бомбардирована и сожжена до основания.

Обитавший в Хакодате консул Гошкевич, в свою очередь, исподволь старался пакостить давним недругам, но как настоящий дипломат старался и пакостить по-дипломатически. Так, зашедшему в Хакодате командиру «Джигита» он предписал по пути в Бейтан заглянуть на остров Цусима (в ту пору название острова писалось как Тсу-Сима), а затем занять небольшим гарнизоном Новгородскую гавань.

Пытаясь наверстать упущенное, Лихачев начал переговоры с японцами. Начало их он переложил на своего флаг-капитана Мусина-Пушкина, а сам тем временем на клипере «Наездник» отправился на север Японского архипелага. Мусин-Пушкин должен провести предварительную работу. Он же подключится позже, когда наметятся хоть какие-то перспективы.

Из воспоминаний участника событий: «...Знакомство русских офицеров с только что приехавшим сюда в Нагасаки губернатором. День был назначен 2 ноября (речь идет о 1860 годе. – В. Ш.). 20 человек русских офицеров отправились к губернатору, имея при себе двух переводчиков... Губернатор встретил нас в передней комнате и в сопровождении свиты, несшей его доспехи впереди, повел нас в одну из комнат, несколько не отличающуюся от первой... В этой комнате стояло 2 ряда столов, один для губернатора и его штаба, а другой – для русских офицеров. Остановясь в середине между столов, он приветствовал всех офицеров, спросил о нашем

здоровье и о команде. Потом просил садиться... Разговор во время обеда велся очень хорошо. Лейтенант Корнилов, один из командиров судов нашей эскадры, так хорошо его вел, что осторожный японец, заметно было, разошелся и невольно стал задавать вопросы! Все разговоры велись через переводчиков, которые сидели ноги под себя, с обязательно наклоненными головами, в середине между рядами столов. Я и забыл сказать, что губернатор, его свита и мы помещались в креслах. Во время разговора Корнилов очень ловко высказывал европейцам, деликатно, хвалы; или замечал недостатки японцев... Потом высказал, что русские чрезвычайно рады, что их соседи – японцы будут скоро могущественная нация, сильная; что у них теперь есть военный паровой флот... Советовал поскорее завести лучшие пути сообщения между внутренними городами, устроить железные дороги. Японец слушал с большим вниманием и видимым сознанием пользы этого предложения... Разговаривая таким образом, мы у губернатора просидели около полутора часов. Пожелали взаимно всяких счастлих, обе стороны расстались, довольные друг другом. Он пригласил русских офицеров на праздник, называемый Минури, который назначен через 2 дня, 4 ноября. Он дается ежегодно в память основания Нагасаки». Обе стороны остались друг другом вполне довольны.

Присутствовал на этой встрече и флигель-адъютант Бирилев, корвет которого находился тогда в Нагасаки. Он от рассвета до заката занимался обустройством взятой в аренду земли в деревне Инаса. От фрегата «Аскольд», ремонтировавшегося в Инасе в 1858 году, остались казарма, шлюпочно-такелажный склад и кузница. Так как на нашей эскадре были трудности с сухарями, предприимчивый Бирилев решил построить небольшой сухарный завод, а заодно и дом для офицеров, ну и, конечно же, хорошую баню для всех.

Помимо этого командир «Посадника» исподволь начал заниматься еще одним важным делом. По собственному почину он тоже решил помочь командующему. Заручившись поддержкой губернатора Инасы, Бирилев попросил его составить протекцию цусимскому губернатору Со Цусима-но-ками – разрешить его корвету «Посадник» временно обосноваться в бухте Татамура, на полуострове Имосаки. Окаба Суруга-но-ками письмо написал, и Цусима-но-ками воспринял эту новость с должной учтивостью. Так было положено начало истории, ставшей впоследствии известной как Цусимский инцидент.

Спустя месяц капитан 1-го ранга Лихачев снова появился в Нагасаки. Мусин-Пушкин доложил о визите к губернатору Окаба Суруга-но-ками, Бирилев о своих начинаниях. Начальник эскадры одобрил действия

подчиненных.

— Пока посвящать в наш план никого не будем, и держи свой визит на Цусиму в тайне! Далеко не всем наша затея по душе! – сказал он Бирилеву.

Из дневниковых записей Лихачева: «6 апреля. Гошкевич не разделяет моих видов на острове Цусима».

«29 января (1861 год. – В. III.) в 1-м часу приехал Гошкевич, которому объяснил, зачем ему надо быть в Эдо».

«31 января. Утром был Гошкевич и решил, что он шел на “Посаднике” в Хакодате, куда к нему вслед за ним приехал один из клиперов, на котором он пойдет в Эдо».

«1 февраля. Был опять Гошкевич. Переговорили о подробностях. Призвал Бирилева и объявил ему о назначении, приказав содержать в тайне. Гошкевич перебрался на корвет, где был обед...»

Что и говорить, советнику Гошкевичу затея моряков по душе не пришлась. Если бы затеваемое было одобрено Горчаковым, тогда бы и он расстарался, но идти на поводу авантюристов моряков – это не для него!

— Во-первых, я не намерен отступать от данных мне инструкций! А во-вторых, устройство новой морской станции на Цусиме идет вразрез со статьями нашего договора с Японией, подписанного графом Путятиным в 1858 году в Эдо, – выговаривал Гошкевич в сердцах Лихачеву.

— Договоры не вечны, но вечны наши интересы в здешних водах! В договор всегда можно внести поправку, а стратегически важную станцию провороним!

Но ко всем уговорам Лихачева старый дипломат остался глух. Между начальником эскадры и консулом пробежала черная кошка.

— Ладно! – плюнул в сердцах Лихачев. – Попробуем зайти с другой стороны! Передайте командиру «Джигита», что завтра мы выходим в Печилийский залив!

Из дневника Лихачева: «13/25 марта. Написал длинное письмо Гошкевичу, в коем старался его вразумить относительно того, что нам делать. Чрезвычайно боюсь его неосторожности и болтливости. Кроме того, он явился сюда один с пьяным лакеем, держит себя сам так грязно, так лишен всякого наружного достоинства и приличия, что он меня крайне беспокоит, как относительно японцев, так и Гарриса (английский консул в Нагасаки. – В. III.), который навязывается ему в дружбу. Просил Селиванова (командира клипера “Опричник”. – В. III.) наблюдать за второй частью и приказал назначить караул с офицером, которому вменить в обязанность вымыть и вычистить дом и содержать там порядок...»

Лихачев в Нагасаки нанес визит губернатору Окаба Суруга-но-ками,

во время которого сумел его убедить в том, что занятие Цусимы русскими – несомненное благо для Японии.

— Вы получаете противовес против Англии! – убеждал Лихачев. – В этом случае любая из европейских держав, реши она усилить свое влияние в здешних водах, неминуемо войдет в конфликт с другими, а это европейская война! Японии при этом останется лишь пожинать плоды!

Окаба Суруга-но-ками в этом был с Лихачевым согласен.

— Вы мудрый человек, Федор-сан, и мне ваш план нравится! Но вам следует торопиться. У ваших соперников уже давно посольства в Эдо, а у вас только консульство в Хакодате!

— Совершенно с вами согласен, многоуважаемый Окаба Суруга-но-ками!

Лихачев торопится. После встречи он отправляет письмо великому князю Константину Николаевичу о том, что уже получил словесное согласие: «...посредством частной сделки с местными властями выговорить себе право устроить некоторые склады для наших судов на острове Тсу-Сима; вместе с тем правительство желало вести дело так, чтобы отнюдь не делать из этого дипломатического вопроса и не входить ни в какие переговоры с правительством Тайкуна».

Что ж, теперь все мосты были уже сожжены...

Андреевский флаг над Цусимой

Теперь Лихачев думал, кому поручить столь ответственную и деликатную миссию. Раздумывал он недолго. Лучшей кандидатуры, чем Бирилев, не было. Между Лихачевым и Бирилевым отношения самые дружественные. За плечами обоих севастопольские бастионы. Когда Бирилев исполнял должность флаг-офицера у контр-адмирала Панфилова, Лихачев занимал аналогичную должность при вице-адмирале Корнилове. Да и по возрасту Лихачев был всего на два года старше своего боевого товарища. Служба службой, но наедине отношения были самые доверительные. А потому кому, как не Бирилеву, мог поручить столь деликатную миссию начальник Тихоокеанской эскадры!

Вызвал к себе командира «Посадника», объяснил ситуацию. Спросил напрямую:

— Я уже свою голову в петлю засунул! Теперь предлагаю и тебе взобраться на эшафот со мной. Рискнешь!

— Ваня! – усмехнулся Бирилев старому боевому товарищу. – Если

помнишь, я от опасностей никогда не бегал. А потому полезем в петлю вместе!

20 февраля 1861 года «Посадник» из Хакодате вышел курсом на Цусиму и уже 1 марта бросил якорь вблизи деревни Осаки в западной части бухты Татамура (ныне залив Асо). Главой княжества Цусима в ту пору был Мунэ Ёсиери. По прибытии в Цусиму Бирилев заявил:

— Я хочу вручить главе княжества послание русского императора о готовящемся нападении англичан и обязательно встретиться с ним!

Мунэ Ёсиери с русским офицером встретился, но все ограничилось чайной церемонией. Помимо этого князь отправил Бирилеву 20 литров sake и 20 куриц. Бирилев в качестве ответного дара передал ружье, бинокль и несколько бутылок вина. Князю подарки понравились, и отношения наладились.

О приходе русских Мунэ Ёсиери сообщил правительству бакуфу, но никакого ответа не получил. Престарелый Андо Нобумаса (глава тогдашнего японского правительства) был застигнут сообщением врасплох и откровенно не знал, что делать дальше.

Затем Бирилев добился разрешения Мунэ Ёсиери на обследование бухты Имосака, куда корвет перешел 2 апреля. На следующий день команда сошла на берег, где была поставлена палатка и на флагштоке поднят русский флаг. Русские офицеры во главе с Бирилевым осмотрели берег и выбрали место, удобное для постройки склада и лазарета, а также ремонта корвета, поскольку необходимо было заменить фок-мачту и сделать понтоны для осмотра кормовой части корабля и дейдвудной трубы. Японские чиновники выделили в помощь русским матросам пятнадцать плотников и снабдили команду продовольствием. При входе с запада в бухту Татамура на скалистом островке Уси русские моряки установили сигнальный пост.

Лихачев дважды – в марте на клипере «Опричник» и в апреле на фрегате «Светлана» – посетил Цусиму и остался доволен действиями командира «Посадника». Бирилев в рапорте Лихачеву отметил дружелюбное отношение местного населения к русским. При рубке леса японцы указывали на лучшие деревья и помогали доставлять бревна. Очень им понравилась русская песня «Дубинушка». В начале апреля русские моряки и японские плотники приступили к строительству зданий морской станции. Предстояло построить коттедж для командира, больницы, бани, шлюпочные и угольные сараи и другие постройки. Во время отлива «заложили пристань и 20 футов ширины».

Бирилев для начала подарил Мунэ Ёсиери пару малокалиберных

пушек из вооружения гребных судов. Для обучения японских мальчиков русскому языку на Цусиме была организована небольшая школа. Бирилев рапортовал, что «дружба царствовала во всей силе».

Однако, как явствует из японских источников, все наладилось не сразу. 12 апреля, когда русские матросы начали высадку на берег, жители деревни по инициативе крестьянина Ясугоро попытались воспрепятствовать этому. Ясугоро был убит, двух японцев русские взяли в плен, а остальные жители деревни разбежались. Волнение охватило весь остров, сложилась напряженная ситуация. Это событие встревожило Мунэ Ёсиери, но он успокаивал жителей, говоря, что «это дело государственное и следует обратиться по этому поводу к правительству бакуфу, мы направим туда гонца. Поскольку решается судьба дома Мунэ, прошу проявить преданность, чтобы не запятнать имени дома».

Затем все само собой успокоилось и отношения стали на самом деле вполне дружескими. Тем временем «Посадник» разоружился, сняли часть рангоута, и приступили к ремонту корабля. Часть команды занялась подсобным хозяйством и развела огород. Описная партия под руководством старшего штурмана корвета подпоручика Чуркина занялась промером глубин. Карты островов Цусима, составленные офицерами «Посадника», впоследствии были изданы Гидрографическим департаментом Морского министерства.

В мае в Цусиму приехал, наконец, уполномоченный правительства бакуфу Огури Тадамаса. Между ним и Бирилевым состоялась встреча. Огури вежливо потребовал ухода русских, но Бирилев отклонил требование и заявил, что «без приказа начальства из Цусимы ни за что не уйдет». Огури, напрасно прождав тринадцать дней, покинул Цусиму. Во время беседы Огури вручил Бирилеву документ, разрешающий встречу с главой княжества.

В конце концов, Бирилев сумел договориться с главным советником князя Мураока Ооми и губернатором острова Нии Моготииро. Участники совещания подготовили проект, где, между прочим, говорилось: «Князь Тсусимский вполне желает принять покровительство России во всех отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Татамура, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем. Мы просим Русское Правительство снабдить нас сколько будет можно новейшими огнестрельными орудиями, а также и просим русских

обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу... просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться вскоренять их веру... Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо».

Чтобы окончательно задобрить местную власть, Бирилев решил сделать ей поистине царский подарок. Из одиннадцати пушек, что были на корвете «Посадник», он передал в дар князю Со Цусима-но-ками – пять, к которым прибавил и комплект боеприпасов. Для обучения канониров были выделены опытные унтер-офицеры, понюхавшие пороху на бастионах Севастополя. Они передавали свои знания японцам. Цусимцы откровенно радовались, что с помощью великодушных русских они усилятся и правительство Тайкуна будет относиться к ним более уважительно.

2 июня 1861 года на Цусиму прибыли уполномоченные из Эдо – Огура Бунго-но-ками и Мидзогути Ясагуров, которым не было смысла ставить под удар свою репутацию и, может, карьеру. Бирилев показал им постройки морской станции, постарался объяснить выгоду от контактов с русскими. Уполномоченные не высказали никаких соображений, однако покинули остров довольными.

Что касается Лихачева, то он дважды – 27 марта на клипере «Опричник» и 16 апреля на фрегате «Светлана» – посетил Цусиму и остался доволен действиями командира «Посадника». Проверив, как идут дела у Бирилева, он направился в бухту Новгородская. Затем командующий эскадрой посетил посты Ольга, Владивосток, осмотрел бухты Врангеля и Находку. В его дневнике появилась запись: «Находка – прекрасное якорное место». И все же преимущества Цусимы как незамерзающего круглый год порта в Японском море были очевидны.

Круги на воде

Некоторое время пребывание «Посадника» на Цусиме удавалось сохранить в тайне. Сами японцы тщательно скрывали от британцев факт затянувшегося пребывания русских, чтобы он не стал прецедентом для аналогичных действий других держав. Официально считалось, что «Посадник» лишь периодически заходит на Цусиму, где занимается описанием ее берегов и промеркой глубин в прилежащих к острову бухтах. Но все тайное когда-то становится явным.

20 мая в бухту Имосаки зашли английский фрегат «Актеон», которым командовал капитан Уорд, и две канонерские лодки. Бирилев был

чрезвычайно удивлен их появлением, но сумел сохранить хладнокровие. Он попытался наладить дружественные отношения с англичанами и с чисто русским радушием принял их, щедро поделившись с ними своими припасами, а также познакомил Уорда с хозяйством станции. В донесении Лихачеву Николай Алексеевич писал: «Отношения наши с японцами по-прежнему самые дружеские, во всех концах острова принимают наши шлюпки приветливо и гостеприимно...» В то же время цусимцы отказались дать какую-либо провизию и даже дрова англичанам. К сожалению, посещение английского корабля не прошло бесследно.

Английский посол Алькок немедленно прибыл к Гошкевичу:

— Вы обязаны отозвать свой корвет с Цусимы! Иначе будет не только международный скандал, но возможна и война!

— Увы, но командующий эскадрой мне не подчинен, – грустно качал головой наш консул.

— Самовольство ваших моряков возбуждает неудовольствие других держав, вследствие чего японское правительство боится сделать и для них какие-либо соответствующие уступки! – продолжал Алькок. – Я жду вашего решения!

Под давлением Алькока изменило свое отношение к Цусимскому делу японское правительство, явно не желая никаких обострений с англичанами. Пример строптивого Китая был еще очень свеж, а потому нагляден.

«В Эдо случилось новое происшествие, – информировал великого князя Константина Николаевича Лихачев, – опять заставившее правительство трепетать от гнева европейских держав, и в особенности Англии. Толпа японцев, принадлежавших к числу неблагонамеренных приверженцев партии Мито или просто преступников (ронин), напала ночью на дом английского посланника и ранила двух чиновников посольства. Дальнейших последствий дело не имело, но заставило слабое правительство сделаться более, чем когда-либо, уступчивым и подобоострастным к требованиям англичан, а этим последним, которых в то же самое время поразило известие, что они были предупреждены на о. Тсу-Сима корветом “Посадник”, дало повод отыскать какую-то таинственную связь между этими двумя различными фактами. Не останавливаясь на опровержении такого толкования, можно заметить только, что на месте в Японии никто этому толкованию верить не мог, ибо настоящие или более близкие причины нападения на г. Алькока всем хорошо известны. Японское правительство, готовое на всякие уступки, чтобы успокоить г. Алькока и подчиняясь более и более английскому влиянию, которое не встречает в Эдо решительно никакого

противодействия, согласилось на разные требования, из коих нам известны пока: отправление посольства в Англию на английском казенном пароходе и представление англичанам исключительного права делать опись всех берегов Японской империи...»

В возмещение морального урона англо-японским отношениям Алькок потребовал немедленно выдворения русских с Цусимы, грозя карательными мерами адмирала... И японцы согласились уладить конфликт так, как пожелали англичане. Ситуация сразу же зеркально поменялась. Теперь уже Гошкевича взяли в оборот и японские чиновники, грозя выдворением нашего флота из Хакодате. Делать нечего, Гошкевич уступил требованиям и направил письмо Лихачеву с предписанием отозвать корабль, грозя международными санкциями.

Теперь уже центральное правительство Японии решительно выступило против присутствия наших на Цусиме. Оно дало указание губернатору Хакодате Мурагаки Авадзи вступить в переговоры с русским консулом И. А. Гошкевичем о «принятии надлежащих мер с тем, чтобы немедленно удалить русский военный корабль из Цусимы». Параллельно правительство обратилось за посредничеством к английскому посланнику Алькоку, который в середине августа 1861 года отправил на Цусиму своего секретаря Олифанта с отрядом из двух кораблей под командованием вице-адмирала Хоупа. Последний незамедлительно послал письма на имя Лихачева, где требовал удаления русского корабля. Лихачев, находившийся во Владивостоке, получил письма от Гошкевича и решил отозвать Бирилева и с этим приказом отправил на Цусиму «Опричник», о чем и сообщил в письме Гошкевичу в Хакодате.

Из письма графа Игнатьева: «Японцы согласились на все требования флигель-адъютанта Бирилева. Строения были возведены в бухте Имносаки (Имосаки. – В. III.), материалы и рабочие из туземцев (то есть японцев. – В. III.) доставлялись по распоряжению чиновников. Между тем внимание англичан возбуждено было продолжительным пребыванием нашего корвета в порту, который они осматривали еще за год перед тем; два раза английские суда приходили на Цусимский рейд, а в августе прибыл начальник Английской эскадры. Адмирал Поп (адмирал Хоуп. – В. III.) вступил в переписку с флигель-адъютантом Бирилевым и затем отправился в наши гавани Приамурской области для свидания с контр-адмиралом Лихачевым (он тогда еще был капитаном 1-го ранга. – В. III.). Не встретившись с ним, адмирал Поп обменялся письмами с начальником эскадры нашей по поводу стоянки корвета “Посадник” на острове Цусима. В это время суда наши (корвет и клипер) были отозваны контр-адмиралом

Лихачевым для отстранения дипломатического вопроса. Перед уходом последнего нашего судна, клипера «Опричник», строения, возведенные нами на берегу, были сданы японцам, и Княжеский губернатор острова прислал письменное удостоверение, что все постройки и запасы, оставляемые нами в Имосаки, будут сохраняться в целости. Между тем англичане старались всячески возбудить опасение центрального японского правительства в Эдо. Во время стоянки корвета «Посадник» в Цусиме, приходили несколько раз военные суда японские, и был прислан военный губернатор нагасакский для переговоров с командиром корвета. Дружественные отношения между нашими и японцами не были прерваны, хотя хакодатский губернатор выставлял неоднократно консулу нашему Гошкевичу незаконность пребывания судна нашего в Цусиме. Наконец губернатор объявил Гошкевичу, что прислан из Эдо формальный протест по поводу сего обстоятельства, то он не передает этот несвоевременный протест нашему консулу и возвращает его назад в Эдо. Так, не меняясь, дубликат протеста дошел ныне до Петербурга, вероятно через посредство англичан».

7 сентября после теплого прощания с жителями острова Бирилев покинул Цусиму. Вспоминая об этом, он впоследствии писал: «Множество шлюпок с чиновниками выехало на середину залива ожидать прохода корвета, и когда корабль поравнялся с ними, они махали и кричали русское “ура”». На острове остались различные постройки, склады леса и пр. Князь Цусимы через своих поверенных и позднее губернатор Хакодате от лица японского правительства обязались сохранить все в целости впредь до востребования русскими.

«Посадник» покинул Цусиму, однако там остался «Опричник», а через некоторое время пришел клипер «Абрек», но в конце сентября оба клипера были вынуждены окончательно покинуть Цусимские острова.

Всегда боявшийся обострений с Англией, Горчаков предписал консулу Гошкевичу разъяснить правительству бакуфу, что военно-морская станция на Цусиме была основана Лихачевым и Бирилевым без санкции русского правительства. Японское правительство выразило удовлетворение этим объяснением, и на этом инцидент был исчерпан. Впоследствии адмирал Лихачев писал: «Одного только мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров». Однако теперь, когда министр иностранных дел официально отказался от российских офицеров, их действия можно было считать пиратскими! Ни Лихачев, ни Бирилев не знали, как поступят теперь с ними в Петербурге. Заступится ли за них великий князь Константин, как отнесется к происшедшему император?

Наши уже покинули Цусиму, а англичане все никак не могли успокоиться. Из Лондона переслали весьма резкую ноту в Петербург. Дело принимало скандал мирового уровня. Отношения с Англией обострились до предела. Под нажимом англичан с протестом выступило и правительство Японии.

— Как можно снова провоцировать войну с Англией, когда мы еще не очухались от предыдущей! – топал ногами министр иностранных дел Горчаков. – Я не успеваю тушить пожары: то Черняев со штурмом Ташкента, то Лихачев с его Цусимой. Когда же угомоняться наши генералы и адмиралы! Надо срочно что-то предпринимать.

23 декабря 1861 года в Зимнем дворце собрались члены Особого комитета, который созывался только по самым важным делам. Сейчас был именно такой случай.

Один за другим рассаживались в креслах министр иностранных дел князь Горчаков, военный министр генерал от инфантерии Милютин, министр финансов и сенатор Княжевич, генерал-адъютант адмирал Путятин, бывший директор Азиатского департамента МИДа, а ныне сенатор генерал-лейтенант Ковалевский. При Горчакове два важных чиновника – директор Азиатского департамента генерал-адъютант граф Игнатьев, начальник отделения, отвечающий за протокольную часть Азиатского департамента МИДа, барон Остен-Сакен. Председательствовал на заседании генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Рассматривался же вопрос о так называемом Цусимском деле.

Вначале граф Игнатьев коротко изложил историю вопроса и ход исследований, проведенных Азиатским департаментом. Члены комитета ознакомились с донесениями российского консула в Хакодате Гошкевича, письмами Тайкуна к императору Александру II, двумя посланиями Горчакову от японского правительства, перепиской командиров наших судов в Тихом океане.

Затем граф Игнатьев зачитал справку «По делу об острове Цусима»: «Положение острова Цусима в Корейском проливе побудило Начальника эскадры нашей (контр-адмирала Лихачева. – В. III.) желать ознакомиться с этим островом вполне и предупредить другие нации. С этой целью, одобренною правительством, отделен был на остров Цусима, в феврале сего года, от эскадры нашей в Китайских водах, для исправления на кораблях повреждений, командир судна флигель-адъютант Бирилев, приступил к составлению описи острова при содействии местных властей и вошел в сношение с высшими чиновниками князя, владеющего островом Цусима, о снабжении корвета всем нужным, о беспрепятственном

производстве описей и снятии карт и об отведении для русских избранного нашими моряками места для постройки рабочего сарая, казармы, госпиталя, бани и проч...»

К чести великого князя, он не стал увиливать и полностью признал свою вину в разразившемся скандале.

— Господа, это я разрешил начальнику эскадры под его личную ответственность заключить частную сделку с князем Цусимы относительно аренды берегового участка для стационара, – заявил он. – Правда, как генерал-адмирал, я предупредил Лихачева, чтобы пребывание «Посадника» на Цусиме не переросло в дипломатическую плоскость и не вызвало неудовольствие со стороны иностранных держав. Поэтому я, как председатель Особого комитета, хотел бы знать точку зрения членов комитета, затем выработать единый взгляд на этот инцидент и предоставить документ на усмотрение государя императора.

После недолгих обсуждений членами комитета было решено следующее: Бирилеву немедленно покинуть Цусиму. В столице еще не знали, что он уже три месяца назад как ее покинул. В остальном решено было оставить дело в том положении, в котором оно теперь находится, то есть довольствоваться строениями в консульстве нашем в Хакодате, а японцев обязать принять на хранение наши постройки на острове Цусима. Гошкевичу было велено объяснить происшедшее досадным недоразумением, не имеющим никакого отношения к дружбе двух государств. Контр-адмиралу Попову на будущее было приказано судам нашей эскадры в Тихом океане разрешить заходить в Цусимский рейд лишь кратковременно, поддерживая дружественные отношения с жителями и отвечая в случае запроса иностранных судов, что заходили только чиниться на том же основании, как и во всякий другой порт на японских берегах. При этом контр-адмирал Попов должен был внимательно следить, чтобы англичане не учредили своей станции на острове. Но японцы были настороже, и ни о какой иностранной базе на острове уже не могло быть и речи.

— Что ж, может, мы в чем-то и перегнули палку, но теперь уж англичанам Цусима тоже не светит. К тому же пока мы морочили им голову с этим островом, они не мешали нам столбить Приморье, а это дорогого стоит! А потому, что бы дальше с нами ни было, свой долг перед Отечеством мы исполнили! – доверительно говорил Лихачев Бирилеву.

Тот лишь усмехнулся:

— Ну, нам, Ваня, не привыкать. Мы же севастопольцы, прорвемся!

Обиженный недоверием в цусимском вопросе, Лихачев потребовал

для себя отставки. Управляющий Морским министерством адмирал Краббе воспротивился. В конце концов, Иван Федорович согласился числиться в резерве. Лихачев взял отпуск «для излечения болезни» и уехал за границу. Больше в боевой строй он уже не вернется. А Россия потеряла прекрасного боевого адмирала. Тихоокеанскую эскадру принял контр-адмирал Попов, тоже из нахимовских воспитанников.

Намерения англичан подтвердили результаты беседы Горчакова с британским послом лордом Нэпиром, который в ответ на просьбу русского министра иностранных дел дать обещание, что Англия «никогда не завладеет Цусимою», уклонился от ответа. Историк В. Гузанов пишет: «Цусимский инцидент, в котором отразилось столкновение английских и русских интересов, еще раз подтвердил стремление России осуществить свои цели дипломатическим путем, сохраняя мирные отношения с Японией, в отличие от военного нажима и агрессивных действий западных держав».

* * *

После демонстративного отъезда за границу Лихачева, во всех грехах был обвинен Бирилев. Читая письма друзей, Бирилев недоумевал:

— С чего мне завидовать! Что флигель-адъютанское звание да Георгия получил, так ведь нет ничего проще – иди в бой первым, а уходи последним! Что остров японский занял, так не о себе же пекся.

Историк российского флота А. Беломор впоследствии писал: «Имя покойного Н. А. Бирилева, одного из главных действовавших в этом (Цусимском. – В. III.) эпизоде лиц, нередко подвергалось легкомысленным и ни на чем не основанным порицаниям. Ему приписывали неудачу, его винили в ней. Даже в среде моряков наших эпизод этот или малоизвестен, или передается и толкуется неверно, со слов посторонних людей, не имеющих привычки церемониться с истиной».

Английские газеты требовали отдать командира «Посадника» под суд за самоуправство. Неожиданно англичан поддержал и Гошкевич. Он собирал слухи и отправлял их в Петербург: «Именно честь донести следующее: Цусимское дело, как уже известно департаменту, решено, и решено почти тем способом, какой указан настоящим предписанием. Японцы остались не совсем уверены в том, что командир корвета “Посадник” зашел на остров Цусима по необходимости, для исправления повреждений, хотя и выражают это сомнение одними намеками. Вообще

же, этот поступок не относят нисколько к распоряжениям нашего Правительства, но главную идею приписывают начальнику эскадры, а подробности, особенно насильственные меры, падают на командира корвета, который поэтому прозван Цусимским героем и сравнивается с Хвостовым и Давыдовым. Я говорю не только о мнении правительства, но и о толках в народе...»

Причиной столь недостойного поведения Гошкевича была его личная неприязнь к севастопольскому герою. Горчаков с удовольствием передавал все слухи Константину Николаевичу. Тот, однако, показал себя в данном случае весьма порядочно.

— Я не намерен верить слухам! — заявил он. — Пока якобы недостойному поведению Бирилева нет никаких подтверждений, я по-прежнему остаюсь к нему доброжелательным!

Одновременно он велел управляющему министерством Краббе сделать запрос командующему эскадрой Попову, чтобы он доложил по существу вопроса.

Вице-адмирал Краббе запросил Попова о «неблагоприятных слухах» и вместе с тем потребовал: «Объявить командирам наших судов высочайшую государя императора волю, чтобы как сами они, так и их подчиненные старались в сношениях своих с японцами упрочить за нами то хорошее мнение, которым русские по справедливости пользовались там преимущественно перед другими народами».

Спустя восемь месяцев, получив от Попова ответ, Краббе решил раз и навсегда положить конец клязам дипломатов. Он переслал министру Горчакову письмо командующего эскадры Тихого океана со своей припиской: «Его сиятельству князю А. М. Горчакову. 18 августа 1863 г. № 1661. В январе сего года ваше сиятельство препровождали ко мне для прочтения донесение нашего консула в Хакодате о неблагоприятных слухах, которые ходили в Йокогаме о командире корвета “Посадник” флигель-адъютанте Бирилеве. Доставленные ныне вследствие предписания моего начальнику эскадры Тихого океана объяснения по сему предмету я повергал на высочайшее воззрение, и государю императору благоугодно было повелеть сообщить оные вашему сиятельству. Во исполнение этой высочайшей воли, имею честь препроводить к вам копию донесения контр-адмирала Попова от 28 мая сего года № 44». Начальник эскадры Тихого океана контр-адмирал А. А. Попов: «Управляющему Морским министерством Краббе... Я имею честь донести, что до меня не доходили никакие неблагоприятные слухи относительно поведения флигель-адъютанта Бирилева в Японии; напротив, как в Хакодате, так и в

Нагасаки при свидании с местными губернаторами я не мог не заметить их особенного расположения лично к нему, расспросы о его здоровье, о том, скоро ли он возвратится в их порт, просьбы о передаче ему поклонов и проч. я слышал от них. Только в отношении к г. Бирилеву, чего, конечно, не могло бы быть, если бы слухи, изложенные в вышесказанном предписании имели какое-либо правдоподобие. По прибытии в Хакодате, а впоследствии и в Нагасаки я соберу самые подробные сведения о причинах, послуживших основанием к этим неблагоприятным слухам, а теперь спешу доложить вашему превосходительству, что сколько мне известно, то г. Бирилев во время пребывания в Японии при сношениях с местными властями обнаружил особенные, даже позволю себе сказать, замечательные способности и искусство приобрести всеобщее расположение, соединяя вместе с тем твердость в преследовании интересов службы его величества, что и было в числе главных причин, по которым я представлял о подчинении ему клиперов “Разбойник” и “Наездник”, которых после катастрофы с “Опричником” я считал своим долгом отправить не иначе как под конвоем судна большего, чем они ранга».

На этом Цусимское дело было предано забвению.

Дорога домой

С 29 июня по 3 ноября «Посадник» чинил котлы в Нагасаки, а потом был отправлен за почтой в Шанхай.

— Господи подай, уплываем в Шанхай! – шутили тогда на корвете.

В Шанхае «Посадник» загрузился на четыре месяца провизией и шкиперскими материалами, после чего взял курс к устью китайской реки Пейхо, что в провинции Хэбэй. Там деньги и строительные материалы передали на стоящий в починке клипер «Разбойник» и снова повернули в Шанхай, а оттуда уже вернулись в Нагасаки. Вернувшись, вытянули стоячий такелаж, починили паруса и загрузились углем. Покинув Нагасаки, взяли курс на Хакодате. Был уже февраль, и мороз изрядно донимал верхнюю вахту, а тут еще и сильный ветер. В Хакодате пополнили запасы. Не удержавшись, Бирилев, проходя мимо, еще раз мимолетом завернул на Цусиму. Увы, кроме разочарования его там уже ничего не ждало.

10 октября 1862 года «Посадник» отправился в неблизкий обратный путь. Вначале зашли в Гонконг, где простояли почти месяц, а затем взяли курс на Манилу и Сингапур.

10 января Бирилев получил окончательный приказ идти в Кронштадт.

Обратный путь прошел без сколько-нибудь заметных происшествий.

Из хроники плавания корвета «Посадник»: «Перезимовав в Гревсенде, клипер в марте месяце 1863 года получил предписание идти в крейсерство у Курляндских берегов. 7 апреля вышел из Гревсенда, 8-го продолжил плавание в Немецком море под парами по причине маловетрия, а 10 апреля бросил якорь на Копенгагенском рейде, все время не прекращая паров. 14 апреля вышел из Копенгагена, а 16 апреля прибыл на Либавский рейд, где и стал на якорь. То, что корвету не разрешили сразу возвращаться в Кронштадт, а оставили крейсировать у курляндских берегов, было связано с очередным мятежом в Польше. Через море в Курляндию мятежники получали контрабандное оружие и другие припасы. Поэтому оставшиеся в это время на Балтике наши корабли были переведены в Либаву».

* * *

Пока Бирилев штормовал в океанах, его терпеливо ждала влюбленная Маша Тютчева. При этом все семейство Тютчевых и их друзья знали, что к юной Марии равнодушен известный поэт Яков Полонский, давний друг Федора Тютчева.

Полонский был личностью в российских поэтических кругах известной. Вся его поэзия – сплошное признание в любви окружающей природе. В знакомцах и друзьях у поэта состояли Гоголь и Шевченко, Чехов и Аксаков, Достоевский и Некрасов, Тургенев и Фет. Особую дружбу Полонский водил с Тютчевым и был частым гостем в их доме. Ни для кого не было секретом, что он питает самые нежные чувства к Мари и мечтает видеть ее своей спутницей жизни. Ей он посвятил свое известное стихотворение «И рассудок, и сердце, и память губя...».

Полонскому все сочувствовали. Да и к чему Мари какой-то шальной моряк, когда есть куда более интересная партия, ведь у поэтичной девушки столько общих тем с Полонским. Ну а о чем ей говорить с этим Бирилевым, который, кроме как о своих драках с французами да о штормах, ни о чем и говорить не умеет!

Но Мари, увы, взаимностью хромотому бородатому вдовцу (старшему ее более чем на 20 лет) не ответила. К чему молодой жизнерадостной девушке связывать свою жизнь с пожилым, вечно плачущимся на судьбу дядькой! Героем ее сердца был совсем другой...

В конце 1860 года Полонский сделал Маше официальное предложение, но потерпел полное фиаско. На прикроватном столике Мари

Тютчевой уже стояла в резной рамочке литография того, кому она уже навеки отдала свое сердце, – молодого флотского офицера в лихо заломленной фуражке и с Георгиевским крестом на груди. В те дни девушка жила не слишком частыми, но полными любви письмами, пахнувшими кораблями и океаном.

После отказа обиженный Яков Полонский перестал бывать у Тютчевых и принялся писать горестные стихи о своей одинокой доле. Но вскоре передумал и нашел утешение в объятиях пышногрудой Жозефины Рюльман, отвергшей перед этим небезызвестного революционера Лаврова. Впрочем, и Лавров, как известно, нашел утешение в революционной борьбе. Так что со временем все у всех устроилось...

* * *

А в Европе между тем кипели страсти куда масштабней и опасней для России, чем возня вокруг скалы в Тихом океане.

Летом 1860 года в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи, произошли волнения. К началу 1863 года ситуация там чрезвычайно обострилась: озлобленная отменой крепостного права, враз обедневшая мелкопоместная шляхта нападала и грабила поезда. В Европе сразу подняли шум о новом польском восстании, а действия армии по прекращению разгула бандитизма были сразу превращены газетами в карательную операцию.

Россия попала в тяжелое положение. Англия только ждала повода, чтобы снова обострить ситуацию. На продажную Австрию тоже не было никаких надежд. Не было особой надежды и на поддержку Пруссии. Ухудшились отношения и с Францией.

Польские дела вызвали напряженность и на Тихом океане. В составе нашей Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Попова тогда входили корветы «Богатырь», «Новик», «Рында», «Калевала» и «Посадник», клипера «Абрек», «Гайдамак», «Наездник» и «Разбойник». Силы английской эскадры на Тихом океане были куда больше. Если же принять во внимание и французскую эскадру в Кокхингине и Китае, то положение становилось почти безнадежным.

К этому времени пришла пора и «Посаднику» возвращаться в Кронштадт. На Балтику отправлялись одновременно три корабля, и Попов определил командиром этого отряда именно Бирилева как самого опытного и ответственного. Перед самым уходом из Хакодате командир «Посадника»

был произведен в чин капитана 2-го ранга.

Оценивая действия Бирилева, в отчете генерал-адмиралу, датированном декабрем 1861 года, Лихачев писал: «В продолжение полугода, встречая более чем обыкновенные препятствия, он умел не только вселить к себе общее доверие и миролюбивым образом достигнуть всего, что мы могли только искать, но если бы его действия были сколько-нибудь поддержаны в Эдо, то нет сомнения, что мы утвердились бы на острове Тсу-Сима прочным и невозвратным образом». Что ж, Бирилев сделал все возможно и невозможное, чтобы Цусима стала нашей. Остальное уже от него не зависело...

Зять поэта

В Кронштадте на причале Усть-Рогатки Бирилева с букетами цветов в руках встречали две девушки: сестра Анна и подруга сестры несколько смущенная Мари Тютчева.

Роль Маши Тютчевой в последующей судьбе нашего героя весьма велика, а потому познакомимся с ней поближе. Родилась Мария Тютчева в Мюнхене в 1840 году. Биографы Тютчева единодушно отмечают, что она была особо любима своим великим отцом. Маша росла девушкой красивой, умной и романтической. Вела любопытный дневник, весьма ценимый ныне биографами ее отца:

«Петербург. 16/28 января – 29 февраля/12 марта 1864 г.

16/28 января 1864 года... Вечер провела у Паниных... была там с папá.

21 января/2 февраля... Папá обедал у Блудовых.

23 января/4 февраля... Сегодня огромный бал у княгини Кочубей.

24 января/5 февраля. Слушала рассказы папá о великолепях вчерашнего бала, у него, между прочим, нога болит.

25 января/6 февраля. Папá хуже сегодня, он целый день пробыл дома.

26 января/7 февраля. Мама пробыла всю ночь на ногах. Папá лучше, но ночью у него был жар... Пришел Полонский, за ним Владимир Николаевич Карамзин...

28 января/9 февраля. Тургенев был и просидел довольно долго... Полонский обедал и читал свою драму “Разлад” (которую начал в Овстуге)

...

10/22 февраля. Вечером были Charles, Новикова и Майков. Полонский был зван, но отказался болезнью. Сидели поздно, Майков читал много стихов.

20 февраля/3 марта. Папá принес “Листок” Долгорукова, где он поместил гнуснейшую статью на него и на его стихи к Суворову...

26 февраля/9 марта. После обеда были все в Русском театре, остались на одну пьесу “Свои люди сочтемся”...

29 февраля/12 марта. Папá обедал у Горчакова».

Будучи дочерью великого поэта, Мария и сама была не чужда поэтического таланта. На вечерах в доме Тютчева его друг поэт князь Петр Вяземский в шутку звал маленькую Машу майором, в память семейного спектакля, где Маша играла мужскую роль майора. В 1861 году она написала ему:

Когда-то я была майором,
Тому уж много, много лет,
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет.
В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама,
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал русского ума.

Поэт ей ответил стихотворением, желая ей счастья и новых высот в творчестве:

Любезнейший майор, теперь ты чином мал,
Но потерпи, и будет повышение;
В глазах твоих читаю уверенье,
Что будешь ты, в строю красавиц, генерал.
А в ожидании побед своих и балов,
Учись, трудись, – и ум, и сердце просвещай,
Чтоб после не попасть, майор мой, невзначай,
В разряд безграмотных, хоть видных генералов.

В день восемнадцатилетия Марии 23 февраля 1858 года Федор Тютчев написал дочери одно из своих знаменитых стихотворений:

Когда осьмнадцать лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, –
С любовью, с тихим умилением
И их и нас ты помяни...

...Стоя на кронштадтском причале с Машиным букетом цветов,
Бирилев был смущен.

— Это мне?

— Да! – потупила взор покрасневшая девушка.

Оба уже поняли, что влюблены друг в друга и что эта любовь на всю

жизнь...

По возвращении в Кронштадт Бирилев был сразу же повышен в должности и определен командиром новейшего винтового фрегата «Олег». Тогда же его пожаловали крестом «За службу на Кавказе» за бывшие черноморские дела против горцев.

А вскоре Бирилев сделал Маше Тютчевой предложение руки и сердце. Девушка с радостью согласилась. При участии императрицы и ее фрейлины Анны Тютчевой молодые были помолвлены. Друзья Бирилева радовались его решению вступить в брак, считая почему-то, что с началом спокойной и размеренной семейной жизни его болезнь пройдет сама собой.

По случаю помолвки поэт Вяземский посвятил Марии Тютчевой стихотворение, начинавшееся словами: «Я знал майором вас когда-то...»

Что касается Федора Ивановича Тютчева, то он выбором дочери был откровенно недоволен. Появление жениха совпало для Тютчева с досадным инцидентом между поэтом и генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем. Не так давно Тютчев неожиданно для себя получил пакет с надписью: «Его превосходительству Федору Ивановичу Тютчеву от великого князя генерал-адмирала для будущего бала». В пакете оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Анненковых, за два дня до этого, он не заметил великого князя и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу достаточно едкими стихами. «Боюсь, чтобы не вышло истории», – написала в своем дневнике испуганная дочь Маша. Как выяснилось, обиделся Тютчев совсем напрасно. Дело в том, что в Михайловском дворце готовился костюмированный бал, на котором Тютчев и Константин Николаевич должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по своим очкам, великий князь и отослал еще нескольким участникам такие же очки. Впрочем, Константин Николаевич на стихи Тютчева не обиделся и перевел все в шутку. Однако неприятный осадок у Тютчева от письма генерал-адмирала остался. И надо же такому случиться, что именно в это время любимая дочь объявляет своим женихом именно флотского офицера, да еще любимца великого князя!

Как бы то ни было, но помолвка состоялась. Затем Маша, по настоянию отца, уехала в Ниццу. Влюбленные снова разлучились. Но теперь уже ненадолго.

Как раз в это время на плававшем в Средиземном море фрегате «Олег» потребовалась замена командира. Командовавший фрегатом капитан 2-го

ранга Андреев тяжело заболел. Узнав об открывшейся вакансии, Николай немедленно явился к великому князю Константину.

— Но ведь ты только с Тихого океана, не лучше ли немного отдохнуть и заняться здоровьем! — засомневался великий князь, наслышанный о жутких головных болях Бирилева.

— Я здоров и желаю служить на «Олеге»!

— На «Олеге» так на «Олеге», — пожал плечами генерал-адмирал и подписал приказ о назначении.

Не задерживаясь и дня в Петербурге, Бирилев поспешил в Ниццу, чтобы встретиться с любимой. По имеющимся у него сведениям, «Олег» в это время чинился в Пирее, и у его нового командира было несколько недель для того, чтобы провести их вместе с невестой.

В Ницце Николай с Машей подальше от многочисленной родни невесты и обвенчались. Предполагалось, правда, прибытие туда отца. Но судьба распорядилась так, что Федору Ивановичу в ту пору было не до свадьбы любимой дочери. Совсем недавно он похоронил главную любовь своей жизни Елену Денисьеву, а следом за ней почти одновременно ушли из жизни и дети от нее — четырнадцатилетняя Лена и десятимесячный Коля.

Ницца — жемчужина Франции, совсем недавно доставшаяся ей от Италии. Но европейская аристократия уже успела по достоинству оценить этот прекрасный курорт. На Лазурный Берег потянулись любители красивой жизни и просто желающие посмотреть мир. Много было приезжих и из России. Федор Тютчев уже написал свои бессмертные строки:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..

О, как их блеск меня тревожит!

Жизнь, как подстреленная птица,

Подняться хочет — и не может...

По стечению обстоятельств в дни венчания Николая и Мари в Ницце там умирал старший сын императора Александра цесаревич Николай.

Федор Тютчев писал из Петербурга:

Сын царский умирает в Ницце —

И из него нам строят ков...

«То божья месть за поляков» —

Вот что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих объятий диких, узких,

То слово вырваться могло б?..

Кто говорит так: польский поп

Или министр какой из русских?

Венчание по этой причине прошло очень скромно. Присутствовали в основном морские офицеры со стоящих в Ницце наших кораблей и несколько знакомых семьи Тютчевых, оказавшихся в это время на Лазурном Берегу.

Маша была очень грустна.

— Ой, не к добру, что при нашем венчании рядом умирает цесаревич, не будет нам с тобой счастья! – плакала она вечером, уткнув лицо в плечо Николая.

Тот гладил жену по голове и, как мог, успокаивал.

10 марта 1864 года капитан 2-го ранга Николай Бирилев был уже в Пирее и принимал под начало фрегат «Олег».

А спустя каких-то семь дней Бирилев вывел «Олег» в море. Вначале зашли на Парос, затем в Наварин. На Наваринском рейде салютовали греческому фрегату с королем Греции Георгом I на борту. Затем «Олег» направился к острову Корфу.

Из хроники плавания: «22 июня фрегат прибыл в Корфу. В этот же день перешли к острову Пиксо и, не останавливаясь на якоре, продержались около бухты Гайо до 2 часов, а к вечеру стали на якорь на северном рейде острова Санта-Муара. 15-го числа снялись с якоря и перешли в остров Итака, где и держались под парами, и в этот же день бросили якорь в Мессалонском рейде. В полночь на 17-е снялись с якоря и утром прибыли на остров Кефалония, в Аргостольскую бухту. 19-го перешли в Зант. В полночь на 21-е снялись с якоря и отправились в Пирей, куда прибыли 22 июня».

Вскоре туда прибыл и фрегат «Александр Невский», который должен был сменить «Олег» на Средиземном море. Дело в том, что в это время в Ницце скончался наследник российского престола великий князь Николай Александрович. Перевезти тело усопшего на родину было решено на кораблях российского флота. В силу этих событий «Александр Невский» был определен флагманским кораблем траурной эскадры. В состав эскадры был включен и «Олег». Поэтому, не теряя времени, Бирилев снимается с якоря и спешит на Мальту. После чего «Олег» присоединился к вышедшей из Ниццы траурной эскадре под командованием контр-адмирала Лесовского. Из-за противного ветра и зыби эскадра изрядно штормовала, прежде чем бросила якорь в Лиссабоне. Сюда подошел и английский броненосный фрегат «Дэфенс», отправленный королевой Викторией для сопровождения усопшего родственника. Чуть позднее к траурной эскадре присоединился и американский фрегат «Ниагара». В Копенгагене фрегат

«Александр Невский» посетил король Дании с кронпринцем, тогда же к траурной эскадре присоединился и прусский фрегат «Виктория». У Гогланда эскадра Лесовского попала в приличный шторм, но, к счастью, без последствий.

У Кронштадта тело великого князя встречал весь Балтийский флот, выстроенный в кильватерную колонну от Толбухина маяка до траверза Петергофа. На флагманском линейном корабле «Император Николай Первый» развевался флаг адмирала Новосильского. За Кроншлотом стоял с приспущенными флагами отряд броненосных кораблей контр-адмирала Лихачева.

Сам император Александр II встречал гроб с телом сына на малом рейде у Лондонского маяка. Пристав на катере к «Невскому», он взошел на него и сразу уединился в каюте с гробом.

Затем на батарейной палубе «Александра Невского», временно превращенной в церковь, корабельный священник отслужил поминальный молебен, на котором, как флигель-адъютант императора, присутствовал и Бирилев. После этого, поблагодарив команду за службу, Александр II отъехал на катере в Петергоф, а «Олег» вошел в Кронштадтскую гавань для пополнения запасов.

Сопроводив усопшего наследника престола, фрегат вернулся в Ниццу, чтобы продемонстрировать Андреевский флаг у южных берегов Франции. За исполнение этой печальной миссии командир «Олега» был награжден сразу тремя орденами: Святого Владимира 3-й степени, греческим Спасителя и гессен-дармштадтским Филиппа Великодушного.

Каждому, даже самому длительному плаванью, когда-нибудь приходит конец. Настало время, и «Олег» снова устало бросил в воду станковые якоря в Кронштадтской гавани.

В апреле 1868 года Бирилев был произведен в капитаны 1-го ранга и сразу же уволен в отпуск до выздоровления. К этому времени возобновились давние головные боли, и старая контузия требовала полного покоя. К тому же Бирилев мог наконец-то побыть вместе с Машей. Не задерживаясь в столице, он спешит в Овстуг – родовое имение Тютчевых, в тридцати верстах от Брянска, – живописный уголок с березовыми рощицами и зелеными холмами вокруг усадьбы, где его уже ждала молодая жена. Теперь Николай и Маша все время проводили вместе, словно предчувствуя, что судьба отвела им совсем немного времени.

В Овстуг часто навещался и сам Тютчев.

— Наш Бирилев – настоящее дитя природы! – часто иронизировал Тютчев над мужем своей дочери.

В этом была доля истины, рядом с великим поэтом обычный морской офицер действительно выглядел не слишком ярко. Федор Иванович Тютчев был человеком высшего света, часто принимаемым при дворе членами императорской семьи, посвященный во все дворцовые и международные интриги. По отцовской и по материнской линии он происходил из именитых дворянских родов (мать Тютчева, Екатерина Львовна, была графиней Толстой, близкой родственницей Остерманов, в двух поколениях приближенных царского трона). Что уж говорить об образованности, эрудиции и интеллекте одного из выдающихся дипломатов и величайших поэтов России!

Что касается Бирилева, то он был прекрасный моряк, храбрый офицер и отличный честный малый, но при поэтических спорах и разговорах о высокой политике больше отмалчивался, а при философских и вовсе зевал в кулак.

Видя свое превосходство, Тютчев вскоре полюбил поддразнивать и высмеивать Бирилева в отсутствие последнего. В письмах он бывал еще резче: «Он (Бирилев. – *В. III.*) ведь полный идиот, особенно с утра...» При этом Тютчев дружил с сестрой Бирилева, образованной и умной Анной Благово.

Вслед за Федором Ивановичем начали высмеивать нового члена семьи и остальные домашние. Такое отношение к горячо любимому мужу очень обижало ранимую Машу, которой теперь почти каждый день приходилось выслушивать нотации:

— Как ты можешь любить такого неотесанного мужлана, да еще и больного на голову! То ли дело Яков Полонский – эстет и лирик!

Надо отдать должное молодой женщине. На такие слова, Маша, гордо вскидывая голову, неизменно отвечала:

— Мой муж – мой герой и другого рыцаря мне не надо!

Заметим, что Тютчев при всем этом, зная об особом отношении императора к Бирилеву, на людях весьма гордился родством с флигель-адъютантом, любимцем императора и национальным героем России. Другьям он всегда с удовольствием показывал подарок зятя – письменный набор с ядром и картечной пулей из Севастополя. Этот дар до сих пор хранится в посвященной Тютчеву экспедиции музею Мураново.

30 января 1867 года у Бирилевых родилась дочь, названная по просьбе отца в честь ее матери – Марией.

Из письма Тютчева: «В прошлое воскресенье, то есть 30 января, Мари Бирилева в 7 часов вечера родила дочь, и, кажется, благополучно. По крайней мере, только до сих пор состояние ее удовлетворительно, но

сегодня еще только третий день; я знаю по опыту, как в подобных случаях следует стараться слишком рано торжествовать победу. Что усилило тревогу, неразлучную с подобным происшествием, это то, что за два дня до этого бедный Бирилев испытал весьма неожиданно два сильных припадков, свидетельствующие о неослабном, вопреки всем лекарствам, продолжении болезни. Теперь он опять поправился и возвратился, по-видимому, в свое прежнее положение; но повторение припадков без всякой осязаемой причины все-таки не отрадно».

Крестником маленькой Марии пожелал стать сам император Александр II. Увы, опасения деда-поэта оказались пророческими. Дочь Бирилевых прожила меньше года.

Уход

Не отступала болезнь и от самого Бирилева. Приступы становились все более частыми и тяжелыми. 15 апреля 1868 года его уволили со службы в отпуск до выздоровления, то есть навсегда. Смерть дочери сильно пошатнула и так не слишком хорошее здоровье Марии Бирилевой. А вскоре у нее нашли чахотку.

Уже больная Мария Бирилева деятельно занимается устройством школы для крестьянских детей в родовом имении. В письме брату Ивану она пишет: «Я поручила Мамаеву (управляющему имением. – В. III.) на мой счет устроить сельскую школу в Овстуге... Я убеждена, что стоит только начать – через несколько лет крестьяне сами не захотят оставаться без школы». В документе, хранящемся в Брянском областном архиве, говорится: «Дочь Тютчева, жена флигель-адъютанта, капитана 1-го ранга Мария Федоровна Бирилева, желая способствовать распространению грамотности, принимает на себя единовременные издержки на перестройку дома под училище, со всеми строительными материалами, а также на снабжение школы училищными принадлежностями...» Именно благодаря неустанным хлопотам Марии Федоровны через каких-то шесть месяцев в Овстуге открылось образцовая школа с пятилетним сроком обучения, самая большая в Брянском уезде.

А молодая женщина увядала на глазах. В те дни Федор Тютчев, страдая за судьбу дочери, писал:

Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...

.....

...О, дай болящей исцеленья,
Отрадой в душу ей полей,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней.

Немного мог сделать для тяжелобольной жены и Бирилев. Капитан 1-го ранга мучился в это время страшными головными болями и эпилептическими припадками. Не видя иного выхода, Машу повезли на лечение в Германию, но было уже поздно. В июне 1872 года Мария Бирилева скончалась в Рейхенгалле от скоротечной чахотки. Ей было всего тридцать два года.

В 1957 году в здании школы, некогда основанной Марией, был открыт Музей Тютчева. Когда же в 1986 году было восстановлено здание усадебного дома, то в его мезонине была восстановлена и мемориальная комната Марии Тютчевой-Бирилевой.

Известие о смерти жены окончательно подкосило и так едва державшегося Бирилева. Он решительно выбросил все микстуры и выгнал врачей. Результаты не замедлили сказаться. Эпилепсия Бирилева вскоре перешла в быстро прогрессирующее слабоумие. Врачи смущенно разводили руками:

— Голова есть самое загадочное место организма, и современная медицина о процессах в ней происходящих не знает ровным счетом ничего.

— Так что же делать? – спрашивали друзья севастопольского героя.

— Надеяться на лучшее и молиться! – отводили взгляд титулованные доктора.

Увы, болезнь была беспощадна. В какие-то несколько месяцев Бирилев превратился в мычащее существо, едва умеющее держать в руках ложку. Это было страшно. Когда у больного случались проблески ума, друзья пытались его образумить:

— Николя, доверься врачам, пей микстуры, ведь только в этом твое спасение!

— А зачем мне все это, когда рядом нет моей Мари?

Какие-то слухи о состоянии Бирилева дошли до императора Александра, и он во время очередной встречи с братом Константином вспомнил о нем:

— Как там наш севастопольский герой? Есть ли надежда на поправку?

— Увы, Алекс, – развел тот руками. – Боюсь, что он уже никогда не станет нормальным. Он уже не человек, он овощ.

— Бирилев был мне всегда симпатичен и храбростью, и откровенностью! – вздохнул император. – Я уволю его в отставку с

хорошим пенсионом, но оставляю числиться в гвардейском корпусе. Помимо этого я определяю его контр-адмиралом в свиту.

— Боюсь, он уже этого не оценит! – скривился генерал-адмирал. – Умственные способности Бирилева сейчас как у грудного ребенка.

— Главное, чтобы это оценили другие! – хмуро ответил брату Александр.

Год спустя после смерти любимой дочери ушел из жизни и Федор Иванович Тютчев

Последние годы жизни Бирилев провел в Овстуге под присмотром нянек и врачей. Ночами он ходил в свои вылазки на ближайший пустырь, а днями напролет сидел недвижим перед портретом жены и плакал. Иногда к нему привозили из Петербурга мать. Седая старушка, как когда-то в далеком детстве, гладила сына по голове, и тот сразу успокаивался...

В 1882 году Бирилев тихо и незаметно ушел из жизни. Общество этого уже не заметило, шли иные времена, и на устах были иные герои. Похоронили героя Севастополя и Цусимы в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря в семейном некрополе Тютчевых рядом с могилой его жены и друга Марии. Надгробия обоих могил сохранилось до сегодняшнего дня.

Младший брат Николая Бирилева Алексей Алексеевич сделал блестящую карьеру, став полным адмиралом, морским министром и членом Государственного совета. Историки по-разному оценивают его деятельность. Однако все признают его несомненный патриотизм, жажду деятельности и личную честность. Согласитесь, что это не так уж и мало.

Именем Николая Бирилева был назван остров (Тэгудо) в Японском море у Корейского полуострова, обследованный в 1886 году экипажем клипера «Крейсер». Что еще можно добавить к вышеизложенному? Наверное, только сказать: «Спасибо, что ты был...»

Дядька Степан, спасший Америку

Он провел в море более полувека, достиг высших должностей и получил все существовавшие тогда в России награды. При этом, ни разу не участвуя в морских сражениях, считался в России лучшим флотоводцем своего времени. И на это были основания. Звали же его наши моряки между собой просто – дядька Степан.

Подножка Императору

В истории российского флота был один любопытный случай. Император Николай I, как известно, любил бывать в Морском корпусе. Причем приезжал туда император без особых церемоний, запросто сидел вместе с кадетами на уроках, посещал лежащих в лазарете, а с младшими кадетами и вовсе под настроение затевал порой веселую возню. Во время одной из таких «потешных баталий» Николай неожиданно для себя оказался на полу от чьей-то лихой подножки. Поднявшись, он без труда определил виновного и, взяв за ухо, спросил грозно:

— Кто таков?

— Кадет Лесовский! – пролепетал кадетик.

— Как же ты своего государя да наземь подножкой! Нехорошо, Лесовский. Где только такие рождаются!

— В Париже! – с грустью поведал кадет

— Ты мне Лесовский голову не морочь! – еще больше нахмурился Николай – Ну-ка, говори правду!

— А я и говорю! – чуть не заплакал кадет. – Виноват ли я, что маменька меня в Париже-то родила!

Только когда прибежавший ротный командир подтвердил слова Лесовского, Николай несколько подобрел. Потрепав по голове перепуганного кадета, он сказал ему на прощание:

— Верю, что вырастишь ты моряком настоящим. Но запомни на всю жизнь – истинный рыцарь никогда не станет бить подножкой! Подножка – удел слабых!

С тех пор кадет Степан Лесовский стал личностью весьма популярной. Еще бы, кому еще довелось повалить наземь самого российского императора! Что касается самого Лесовского, то слова Николая I он запомнит на всю свою жизнь.

...Отцом нашего героя был бравый рубака полковник Степан Лесовский, командир Кинбурнского драгунского полка. Лесовский-старший честно прошел свой крестный путь от Бородина до Парижа. Когда полк был оставлен в составе оккупационного корпуса генерала Воронцова во Франции, Лесовский познакомился с милой хохотушкой Франсуазой. Кто-нибудь знает, как рождается любовь? Прошло несколько месяцев, и мадемуазель Франсуаза стала мадам Лесовской. Три года спустя там же в Париже появился на свет и их сын, нареченный в честь отца Степаном. Воспитание Степан-младший получил дома, отец не жалел денег, а мать времени. Нам неизвестно, почему Степан Лесовский поступил в Морской корпус, может, сыграли роль прочитанные книги, может, чьи-то рассказы. Как бы то ни было, но в апреле 1830 года тринадцатилетний мальчишка стал кадетом Морского корпуса в Петербурге. Природный ум и блестящее домашнее воспитание сделали свое дело, и на всем протяжении учебы Лесовский всегда был первым из первых.

В январе 1834 года Лесовский стал гардемаринном, а еще два года спустя был выпущен из корпуса в мичманском чине, причем первым по списку успеваемости. Прекрасные способности, ясный ум и хорошие знания не остались без внимания начальства, и Лесовского вместо направления на флот определяют слушателем трехгодичного офицерского класса, созданного для более фундаментального изучения морскими офицерами морских наук. В осеннее, зимнее и весеннее время слушатели обучались в классах, причем лекции читали лучшие профессора столицы. Пройдут годы, и на базе офицерского класса будет создана Военно-морская академия.

Летом слушатели класса практиковались на судах Балтийского флота. Менялись названия судов, менялись и должности, в которых стажировался молодой офицер: линейный корабль «Кацбах», фрегаты «Мария», «Венус», «Амфитрида» и «Александр Невский». Из командиров, с кем в эти годы плавал Лесовский, наиболее любопытным, безусловно, являлся командир 44-пушечного «Венуса» капитан-лейтенант Рейнеке. В истории флота Рейнеке оставил след как выдающийся гидрограф и самый близкий друг адмирала Нахимова. Современники описывают его как очень эрудированного и грамотного моряка, но при этом предельно пунктуального и необычайно скучного человека. Плавание в летние месяцы проходило в основном в водах Финского залива с короткими выходами в среднюю Балтику. Думается, что «маркизова лужа» за эти годы предельно надоела Лесовскому. Может, именно поэтому, закончив с

отличием офицерские классы, он предпочел Балтике Черноморский флот. И не прогадал! В те годы во главе Черноморского флота стоял знаменитый Лазарев, готовивший подчиненных не к смотрам, а к реальной войне. На Черном море, в отличие от Балтики, плавали почти круглогодично, невзирая на штормы и непогоду, высаживали десанты против воинственных горцев на кавказское побережье и перехватывали турецкую контрабанду. Начиналась новая, очень важная глава в жизни нашего героя...

Птенец гнезда адмирала Лазарева

Итак, в апреле 1839 года лейтенант Степан Лесовский прибыл в Николаев в штаб Черноморского флота. По заведенному обычаю, с новым офицером лично знакомился сам адмирал Лазарев. Бегло пролистав аттестации и обстоятельно проверив знания, адмирал остался доволен лейтенантом.

— Думаю, что со временем из вас может получиться толк. Но одно дело – учиться за партой, и совсем другое – реальная корабельная служба. Впрочем, желаю удачи!

Первое назначение Лесовский получил на маленький пароходик «Лиман», курсировавший между Одессой и портами Нижнего Дуная. На «Лимане» возили боеприпасы и продовольствие, почту и пассажиров. Пароходик был стар, слабосилен и не имел никакого вооружения. Однако Лесовский получил на нем должность старшего офицера, а это уже было большим доверием.

Впрочем, на «Лимане» он пробыл недолго. Лазарев не забыл толкового лейтенанта, и уже через несколько недель Лесовский оказался на 84-пушечном линейном корабле «Императрица Мария» под началом капитана 1-го ранга Синявского. На «Марии» Лесовский участвовал в перевозке сухопутных войск из Одессы в Севастополь. В этом же году на знаменитом бриге «Меркурий» он находился в крейсерстве от Севастополя в Одессу, оттуда к восточным берегам Черного моря в крепость Псезуапэ, затем в Керчь и обратно в Севастополь.

В этом же году на 60-пушечном фрегате «Тенедос» Степан Лесовский совершил переход из Севастополя в Одессу и обратно, после чего ушел к абхазским берегам Черного моря в длительное крейсерство.

В последующие годы Лесовский много плавает на транспорте «Березань». На корвете «Андромаха» под командованием

капитан-лейтенанта В. И. Истомина (будущего героя Синопа и Севастопольской обороны) он совершил плавание от Николаева до Одессы, а оттуда в Константинополь и далее в Средиземное море в греческий порт Пирей.

Служба, прямо скажем, складывалась неплохо. В ближайших любимцах Лазарева Лесовский не состоял, но и вниманием адмирала обойден не был. Дружбу водил Степан с Гришей Бутаковым, добродушным и рассудительным лейтенантом, которого знал еще по Балтике.

В 1845 году на 44-пушечном фрегате «Кагул» Лесовский находился в практическом плавании по Черному морю, в следующем году на том же «Кагуле» совершает крейсерство к кавказскому побережью. Тогда же он получает и первый свой орден – Анну 3-й степени.

В 1848 году уже на фрегате «Коварна» Лесовский снова штормует у кавказских берегов. Год спустя он в практическом плавании по Черному морю на 84-пушечном корабле «Уриил». Теперь Лесовский старший офицер линейного корабля – должность хлопотливая, но и перспективная.

В декабре 1849 года Лесовского производят в капитан-лейтенанты по линии. А в кампанию 1850 года он назначается старшим офицером на только что построенный 120-пушечный «Париж» под команду ранее служившего с ним капитана 1-го ранга В. И. Истомина. Такая должность – это последняя ступенька перед командирским назначением.

— Ты у нас в Париже родился, значит, на «Париже» и плавать должен! – пошутил Лазарев при назначении.

В ноябре Лесовской участвует в проводке «Парижа» по реке Ингул и переходе морем в Севастополь. В следующем году на пароходах «Громоносец» и «Владимир» он совершает плавание из Николаева в Севастополь и обратно в Николаев.

И вот, наконец, миг желанный всеми офицерами! Перед отъездом на лечение в Вену уже смертельно больной Лазарев подписывает приказ о назначении Лесовского командиром брига «Язон». На прощание он отечески потрепал молодого командира по щеке.

— Похоже, ты, Степан, последний, кого я вывел на капитанский мостик. Постарайся служить так, чтобы мне и на том свете не пришлось краснеть за тебя! – грустно улыбнулся старый флотоводец.

Спустя несколько месяцев Лазарева не станет. Вместе с другими птенцами великого лазаревского гнезда Лесовский будет встречать гроб с телом учителя и присутствовать на его погребении в еще не законченном Владимирском соборе Севастополя.

...И снова его ждало море. Едва ступив на шканцы «Язона»,

Лесовский повел его в плавание вначале из Николаева в Одессу, оттуда через проливную зону Босфор и Дарданеллы в греческий порт Пирей. Почти год «Язон» крейсировал в Средиземном море, Архипелаге и Адриатическом море, выполняя при случае и поручения наших послов в средиземноморских странах. По отзывам дипломатов, Лесовский при выполнении этих поручений проявил весьма редкую политическую интуицию, что было отмечено особо. Совсем скоро эти хвалебные отзывы изменят его судьбу.

Только в ноябре 1852 года бриг «Язон» возвратился на Севастопольский рейд, откуда уже в декабре убыл в крейсерство к кавказским берегам Черного моря.

Было бы неправдой писать о Лесовском как о некоем идеале флотского офицера. Да, он был грамотным и дельным, но при этом и весьма жестоким к нижним чинам. Вообще, к большому сожалению, жестким (а порой и по-настоящему жестоким) отношением к матросам славилась вся «лазаревская школа». Сам Михаил Лазарев, пройдя в юности практику в английском флоте, навсегда усвоил тамошнюю систему физических наказаний. Разумеется, став во главе флота, он уже не чинил лично расправ, но, когда чинили их его подчиненные офицеры, не слишком расстраивался. Через искус применения кулака прошел в свое время, будучи лейтенантом, и Нахимов. И только возмущение знаменитого адмирала Сенявина заставило его переменить свое отношение к матросу. Разумеется, до мордобоя опускались далеко не все офицеры даже лазаревской школы. Но что было, то было. К сожалению, Лесовский наряду со всем хорошим, чему учил Лазарев и его ближайшие помощники Авинов, Нахимов, Корнилов и Истомин, принял и мордобойную систему воспитания. Один из дореволюционных биографов Лесовского с сожалением писал: «Как человек Лесовский совмещал в себе противоположные качества: имея, в сущности, не злое сердце, он даже в те времена приобрел репутацию исключительно жестокого капитана. На кораблях, которыми он командовал, матросы изнемогали под тяжестью беспощадных телесных наказаний и кулачной расправы как самого капитана, так и его офицеров. Даже терпеливые и кроткие русские команды того времени не выдерживали невыносимого существования...» Однако через некоторое время произойдет нечто, что навсегда отвратит Лесовского от линьков и кулака, заставит его в корне изменить свое отношение к матросам...

В самом конце года Лесовского перевели в 44-й флотский экипаж с одновременным назначением командиром 60-пушечного фрегата «Кулевчи».

В феврале 1853 года на 18-пушечном бриге «Тезей» он возвращается из Сухуми в Севастополь, где принял под свое начало «Кулевчи».

В те дни среди черноморских офицеров только и разговоров было, что о возможности начала войны с турками. Лесовский относился к этим разговорам философски.

— Мы все столько лет готовились к моменту, когда наконец-то можно будет доказать, что мы не зря ели свой хлеб! – говорил он на посиделках с другими командирами. – А потому поднимем стаканы за наши будущие победы!

Будучи командиром «Кулевчи», Лесовский в марте совершил еще одно плавание по Черному морю. Затем месяц находился на Севастопольском рейде в составе 1-й практической эскадры вице-адмирала Нахимова, затем еще два месяца в крейсерстве между Херсонесом и Босфором, сторожа возможное появление турецкого флота.

Вопрос о войне был уже почти решенный, а потому все от адмиралов до последнего мичмана пребывали в состоянии небывалого подъема. Не был исключением и Лесовский, деятельно готовящий свой фрегат к предстоящим боям. По этой причине все, что произошло дальше, стало для командира «Кулевчи» громом среди ясного неба.

Вызвавший его к себе на «Императрицу Марию» вице-адмирал Нахимов, был несколько смущен.

— Тут на тебя, Степан, бумага-с из Петербурга! – достал он из папки лист с какой-то печатью.

— Что еще за бумага? – насторожился Лесовский.

— Да вот наш общий друг Евфимий ходатайствовал перед генерал-адмиралом о твоём переводе на Балтику.

— Меня? На Балтику? За что же? Неужто я хуже иных служу, неужто моя «Кулевчи» хуже иных плавает и стреляет!

— Нет! – покачал головой Нахимов. – Ты у нас из лучших-с!

— Тогда почему? За что такое оскорбление? Что, у них на Балтике офицеров не осталось?

— Я не знаю всех подробностей. Но надлежит тебе Степан срочно ехать в Петербург, а потом принимать в Кронштадте фрегат «Диана». Впрочем, зная Путятину, не думаю-с, что это обычное назначение. Скорее всего, на тебя будет возложена какая-нибудь особая миссия-с!

В словах Нахимова имелся свой резон. Лесовский тоже хорошо знал Путятину по службе на Черном море, когда тот командовал корветом и высаживал десанты в Абхазии. Затем Путятин занимался закупкой пароходов в Англии, а после этого и вовсе был отправлен с особой

дипломатической миссией в... Персию. Не так давно Путятин был назначен командовать эскадрой на Тихом океане, а это значило, что фрегат, на который назначается Лесовский, предназначен для Дальнего Востока. Кругосветное плавание – это мечта каждого моряка! Впрочем, Лесовский все равно был расстроен донельзя: здесь его друзья, его родной флот, который вот-вот вступит в бой, а он должен ехать прочь от войны по какому-то непонятному делу. Но приказы, как известно, не обсуждают, а исполняют.

На пирушке в честь своего отъезда, где друзья вовсю обсуждали, как будут драться с турками, Лесовский сидел, как на собственных похоронах, только что слезы не наворачивались. На следующий день, сдав фрегат своему другу Льву Будищеву, он простился с Севастополем. Вот в последний раз мелькнули синь Северной бухты и мачты родных кораблей... Если бы он только знал тогда, что большинство из тех, с кем сидел прошлым вечером за столом, он уже никогда больше не увидит...

В день отъезда Лесовского начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов обратился с неофициальной запиской к управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу, прося зачислить в юнкера его старшего сына Алексея, «вступившего в тот возраст, с которого дед его и отец начали императорскую службу». «Предназначая его во флот, – писал в записке Корнилов, – и желая, чтобы он с ранних лет свыкся с морем, я счел бы за особое счастье, если бы мальчик начал свое морское поприще на фрегате “Диана” под командою капитан-лейтенанта Лесовского, офицера, мне лично известного своей преданностью службе Государя Императора и своей заботливостью о том, чтобы подчиненные ему не только исполняли свои обязанности безукоризненно, но и несли бы их с любовью к своей профессии».

По этому письму и ходатайству начальника Главного Морского штаба князя Меншикова великий князь Константин Николаевич сообщил последнему: «Высочайше разрешено сыну Корнилова идти на “Диане”, но не юнкером, а волонтером, не в военном мундире, с тем, чтобы по достижении 16-летнего возраста он был зачислен юнкером на действительную службу во время бытности на фрегате».

В письме брату Александру и его жене Софье Дмитриевне от 6 ноября 1853 года вице-адмирал Корнилов написал: «Прощай, будь здоров. Благодарю, много благодарю и тебя и Софи за Алешу, но до сих пор не знаю, как он отправился». О чем благодарил один брат другого? За хлопоты в связи с отправкой сына на «Диане» под началом Лесовского.

Что ж, дело на самом деле предстояло необычное, если Корнилов пожелал видеть своего первенца именно под началом Лесовского.

Как сложилась бы судьба Лесовского, если бы не этот срочный перевод на Балтику? Гадать здесь особенно нечего. Сменивший его на шканцах «Кулевчи» капитан-лейтенант Будищев вскоре отличится в победном Синопском сражении, затем будет отважно сражаться на севастопольских бастионах, где и погибнет. Скорее всего, такая же участь ожидала и Лесовского. Шансов выжить в течение одиннадцатимесячной кровавой битвы за Севастополь у него было немного. Но судьба сложилась иначе.

Через три океана

В 1853 году из-за нарастающего противостояния Петербурга с Лондоном и Парижем наш Дальний Восток оказался совершенно беззащитным.

Имевшиеся там несколько шхун и вооруженных транспортов не могли оказать серьезного сопротивления английским крейсерским эскадрам. Именно поэтому и было принято решение о срочной отправке на Тихий океан трех 52-пушечных фрегатов: «Аврора», «Паллада» и «Диана». Для скрытности фрегаты уходили в одиночку. Плавание фрегата «Паллада», благодаря присутствию на ее борту писателя Ивана Гончарова, послужило основой для знаменитого цикла путевых очерков «Фрегат “Паллада”». Последним из фрегатов должна была уходить «Диана».

Прибыв в Петербург, Лесовский сразу поспешил в Морское министерство. Принял его морской министр Александр Сергеевич Меншиков.

— Ваша задача, уважаемый Степан Степанович, будет весьма не проста. Именно поэтому по рекомендации адмирала Путятина мы и решили возложить ее именно на вас! — начал он без особых вступлений. — Вы должны усилить нашу эскадру на Дальнем Востоке. Кроме того, помочь вице-адмиралу Путятину в его непростых дипломатических делах. Разумеется, в обычное время с этим мог справиться обычный командир, но в условиях неприятельских отношений со стороны Англии и Франции, когда война может начаться в любой момент, нужен капитан, обладающий не только хорошими морскими качествами, но и политическим чутьем! Именно поэтому выбор пал на вас!

— Когда надо отплывать? — сразу перешел к делу и Лесовский

— Вчера! – был ему исчерпывающий ответ.

К появлению Лесовского в Кронштадте «Диана» уже вытянулась на внутренний рейд и полным ходом загружалась всяческими припасами. Судно было на тот момент самым новым и мощным фрегатом Балтийского флота. Построенная опытным инженер полковником Загуляевым, она стала вершиной его кораблестроительного мастерства. Водоизмещение фрегата составляло около 1700 тонн, а артиллерийское вооружение составляли 52 пушки 16– и 24-фунтового калибра.

Команда на фрегате была сборная, причем собирали ее наскоро, а потому, как всегда, попало много молодых матросов, а то и вовсе рекрутов. Что касается офицеров, то на «Диане» собрали далеко не худших. Старший офицер Иван Бутаков (и представитель знаменитого флотского рода и младший брат Григория Бутакова, друга Лесовского по Черному морю) уже имел опыт океанского плавания на «Палладе» до Сингапура. Не хуже были и остальные: капитан-лейтенант К. Н. Посьет, лейтенант Александр Можайский, мичман Н. И. Пещуров, лейтенант А. И. Энkvист, А. А. Колокольников.

О том, что это были на самом деле лучшие, говорит их последующая карьера. Забегая вперед, скажем, что Иван Бутаков и Пещуров станут впоследствии вице-адмиралами, Колокольников контр-адмиралом и управляющим Обуховским заводом, Можайский сконструирует первый в мире самолет, Посьет станет министром транспорта России, Энkvист, командуя кораблями, совершит три кругосветных плавания...

26 сентября фрегат уже под командованием капитан-лейтенанта Лесовского завершил вооружение и погрузку. В тот день на фрегате принимали гостей, которые приехали проститься с близкими перед долгой разлукой.

Первым слово, как полагается по этикету, взял командир. Подняв свой бокал, Лесовский сказал:

— Нашему судну дали имя в честь римской богини Дианы – покровительницы охотников и защитницы скромности. Это как нельзя лучше подходит к выполнению данного поручения, ведь отныне мы становимся настоящим океанским охотником, при этом нам нельзя забывать и о скромности и не лезть на рожон, чтобы не попасть в лапы более сильного охотника! А потому я поднимаю тост за нашу «Диану», пусть эта римская богиня хранит всех нас в плавании! Прозит!

— Прозит! – подняли бокалы с шампанским офицеры.

Последний вечер в кругу близких прошел душевно, но грустно. Все понимали, что впереди долгая разлука и полная неизвестность.

Согласно полученным Лесовским бумагам, фрегат должен был не только заменить изношенную «Палладу», но и принять в заливе Де-Кастри контр-адмирала Путятина с посольством, после чего следовать в Японию для продолжения переговоров с тамошним правительством.

Утром 4 октября «Диану» посетил великий князь Константин.

— Выражаю надежду, что при встрече с неприятелем вы не ударите лицом в грязь и поддержите честь русского флага!

— Рады стараться!

— Снимайтесь с якоря! – велел он Лесовскому, отъезжая. – И с Богом!

«Диану» взял на буксир пароход «Отважный» и потащил за собой к Датским проливам.

Время дорого, и «Диана» не могла штилевать. Если погода не будет благоприятствовать быстрому продвижению вперед, «Отважный» должен будет тащить фрегат. Снявшись с якоря и подав буксир, фрегат начал свое плавание. Осенние штормы еще не набрали силы, а потому через каких-то девять дней «Диана» отдала якорь на рейде Копенгагена. Едва бросили якорь, Лесовский затребовал себе газет. Из них было очевидно: война с турками уже неизбежна, но, кроме этого, возможно вступление в нее на стороне турок Англии и Франции. Это же подтвердил и прибывший с визитом посол.

— В создавшихся политических условиях заходить в порты английские и французские для нас смерти подобно, а потому будем обходить их стороной! – объявил Лесовский своим офицерам. – А потому будем закупать в Копенгагене все необходимое для дальнего плавания, так как больше такой возможности нам не представится!

Из хроники плавания: «На Копенгагенском рейде 5 человек заболели тифозною горячкою; из них один умер, прочие выздоровели впоследствии. Предполагая не заходить более ни в один из портов Европы, командир фрегата сделал в Копенгагене все окончательные закупки. Морское управление Копенгагена выказало готовность к поданию возможного содействия русскому фрегату, отправляющемуся в кругосветное плавание: датский морской министр, узнав от своего адъютанта, что копенгагенские книжные лавки далеко не удовлетворяют желанием командира “Дианы” в приобретении сочинений по морской части, приказал предоставить ему выбор книг из министерской библиотеки, откуда и взяты таблицы Томсона для плавания по дуге великого круга. От профессора Форгаммера получены все нужные руководства и инструмент для определения удельного веса морской воды...»

Копенгаген «Диана» покинула, загруженная под самую завязку.

Датские проливы, как говорится, проскочили на одном дыхании и в ночь с 29 на 30 октября вошли в Английский канал. Теперь надо было не зевать! А вдруг война с англичанами уже началась? На всякий случай Лесовский распорядился орудия держать заряженными и усилить наблюдение за морем. Канал прошли, однако, благополучно и, наконец, вырвались на просторы Атлантического океана. Теперь поди сыщи их!

С попутными нордовыми ветрами «Диана» удачно дошла до Канарских островов и 14 ноября отдала якорь на рейде Сан-Себастьяна. Но стоянка была недолгой из-за эпидемии холеры. Набрав воды, свежих овощей и провизии, Лесовский взял курс к экватору. Во время перехода команда интенсивно занималась артиллерийскими и парусными учениями, офицеры вели астрономические наблюдения.

Из хроники плавания: «Ноября 22-го, находясь в широте 5° N, фрегат получил южный пассат, и перемена одного пассата на другой произошла без штилей, переменных ветров и шквалов. Суточное плавание в эти сутки было 95 миль, одно из самых малых, в продолжение всего океанского плавания “Дианы”».

1 декабря в 10 часов пополудни фрегат перешел экватор в 30° западной долготы. Бойкий SO пассат гнал фрегат до 8 декабря. В это же день с приближением к берегу Америки, находясь в широте $16^{\circ} 19' S$, долготе $35^{\circ} 4' W$ от Гринвича фрегат встретил северный муссон, свойственный в это время года той местности, где фрегат находился. При этой перемене пассата на муссон, сопровождающийся легкими ветрами в продолжение одних суток...»

На случай встречи с неприятелем Лесовский велел зарядить орудия двумя ядрами.

Во время этого перехода на «Диане» произошло событие, чудом не омрачившее историю отечественного флота. Дело в том, что, вступив на шканцы «Дианы», Лесовский сразу же весьма круто взял вожжи в свои руки. Лазаревскому воспитаннику казалось, что балтийцы не столь расторопно бегают по вантам, как его черноморцы. А потому раздраженный Лесовский гонял всех, как сидоровых коз, когда надо и не надо. Менее расторопных ежедневно пороли линьками. Если офицеры жесткость нового командира как-то терпели, то команда была на пределе.

Спустя годы старый матрос, участник тех событий, рассказывал будущему писателю Станюковичу: «Как есть, форменный был командир... Смелый, аж жуть! Ну и нас, матросов, тоже довел до отчаянности... Ежели, скажем, выйдет у марсовых промедление, так он уже кричит: “Вот вам триста линьков на всех! Делите, как хотите!..” Каждый день, почитай,

секли кого-нибудь на баке...»

Когда же в очередной раз, уходя ночью к себе в каюту, Лесовский распорядился, вместо сна, послать под вахту работать на мачтах, чаша терпения переполнилась. Кто-то призвал выбросить за борт кровопивца капитана. Призыв подхватили сотни голосов. Несмотря на уговоры вахтенного офицера разойтись, команда все яростнее кричала о расправе над Лесовским. Еще немного, и могло произойти непоправимое.

Положение спас старший офицер Иван Бутаков. Лейтенанту Можайскому он велел бежать к командиру и чтобы тот, несмотря ни на что, не выходил из каюты.

— Если потребуется, удержи его там силой! – велел Бутаков.

Сам же окинув взглядом уже подступающую к нему толпу, перекрестился и скомандовал первое, что пришло ему на ум:

— К повороту! Поворот оверштаг!

Из рассказа Станюковича о поступке Бутакова: «Выскочил он, значит, наверх, и как зыкнет громовым голосом: “По местам стоять! К повороту!” Матросы бросились по местам, потому как известное дело – служба... Крепко входит она в человека».

За первым поворотом последовал второй, третий. Когда же Бутаков велел боцманам свисать «марсовые вниз» и матросы, тяжело дыша, спустились на палубу, ни о каком бунте уже никто не помышлял.

А на шканцы уже вышел в сопровождении Можайского Лесовский. Бутаков выстроил команду во фронт. Наступило напряженное молчание. Все ждали, что скажет командир. Несколько минут Лесовский молчал. Затем решительно махнул рукой:

— Старший офицер, линьки за борт! Обещаю, больше на «Диане» никаких порок не будет! А сейчас за лихую работу всем по чарке!

Ответом ему было дружное «ура».

К чести Лесовского, он остался верен данному слову до конца своей жизни...

Не оправдывая излишне жесткого обращения Лесовского с матросами, все же необходимо привести и несколько аргументов в его защиту. Надо просто понять состояние Лесовского, которого неожиданно выдернули с Черноморского флота на незнакомую Балтику, где дали под начало совершенно незнакомый корабль с незнакомыми офицерами и совершенно сырой командой, кое-как снабдили припасами и через какую-то неделю отправили в одиночное кругосветное плавание да еще при угрозе войны с Англией. Тут у кого хочешь нервы сдадут. Да, Лесовский, действуя жестоко и даже беспощадно, вызвал ненависть команды, но зато сама команда в

самое короткое время стала вполне пригодна и к океанскому плаванию, и к возможному ведению боевых действий. Иного выхода у командира «Дианы», похоже, просто не было...

Что касается личных взаимоотношений Лесовского с Иваном Бутаковым, то они до конца плавания так и оставались достаточно напряженными.

11 декабря открылся мыс Фрио. Здесь командир приказал снова зарядить орудия. До Рио-де-Жанейро оставалось 70 миль, но ветер стих, что задержало фрегат еще на двое суток в океане. Наконец штиль сменился устойчивым попутным ветром, и вечером 13 декабря «Диана» вошла в гавань Рио-де-Жанейро. Каково же было удивление русских моряков, когда на следующее утро они увидели стоящую неподалеку англо-французскую эскадру, в состав которой входили английские 28-пушечный пароход, винтовой 8-пушечный бриг, французские 30-пушечный фрегат и 16-пушечный бриг. Англичане и французы в свою очередь были немало озадачены появлением в порту русского фрегата. Командующий эскадрой контр-адмирал Хендерсон терзался сомнениями: атаковать русских или нет? В том, что война с Россией неизбежна, Хендерсон был почти уверен, но началась ли она, Хендерсон не знал. А вдруг он нападет, а война не состоится, что тогда? Тем временем на «Диане», демонстративно не обращая внимания на опасное соседство, кипела работа. Там конопатили палубу, обтягивали такелаж, возили шлюпками свежую воду и провизию. Наконец Хендерсон решился на захват русского фрегата и пригласил к себе командира французского фрегата. Француз, однако, от атаки наотрез отказался.

— Мы не пираты, чтобы убивать тех, кто нам не нравится! Ни о какой войне между нашими державами мне неизвестно, а потому я против самоуправства! — отчеканил он.

В итоге союзники переругались, и атака не сорвалась. 6 января на «Диане» закончились ремонтные работы на фрегате. В тот же день с судном из Европы было получено известие о победе нашего флота у Синопа. Радостное оживление русских вызвало беспокойство у Хендерсона. Особых подробностей сражения в бразильских газетах не было, зато много писалось, что возмущенные «разбойничьим» нападением на турок Англия и Франция вот-вот вступят в войну с Россией.

Лесовский собрал офицерский совет:

— Ввиду сложных отношений с Англией я полагал бы целесообразным изменить маршрут, дабы не проходить мимо мыса Доброй Надежды, где англичане из Кейптауна нас легко перехватят. Повернем к

мысу Горн, а затем затеряемся в Тихом океане. Там англичанам нас уже не достать. С рейда уходим этой же ночью скрытно, в полной готовности к бою. Будут ли возражения?

Возражений не было.

А следующим утром англичане и французы обнаружил рейд пустым. В темноте «Диана» бесшумно снялась с якоря и растворилась в океане.

Места у мыса Горн известны своими неистовыми штормами. Досталось и «Диане», но матросы работали как сумасшедшие. Офицеры были на местах, а командир действовал выше всех похвал.

Несмотря на то что в южном полушарии было лето, «Диана» в течение 12 суток отчаянно штормовала. Сообщая об этом, Лесовский писал: «Фрегат “Диана” по своим качествам мало сказать хорошее судно, он в высшей степени обладает превосходными мореходными качествами, но и он не избегал сильных и частых ударов на этой толчее, при которой мы имеем часто и боковую и килевую качку вместе, или, что еще разрушительнее для судна, быстрые переходы с одной на другую. Испытанная нами толчая вполне оправдывает замечание лощии, что обход Горна должно предпринимать не иначе как на судне совершенно надежном».

Прорвались! Обогнув Горн, бросили якорь на рейде чилийского порта Вальпараисо.

Из хроники плавания: «...Здоровье команды фрегата было удовлетворительно, благодаря прекрасным погодам во время перехода, т. е. совершенному отсутствию шпилей, больших жаров и продолжительных дождей. Во время перехода команда была упражнена пушечным и абордажным учением; парусные же учения при переходе делать было невозможно, и потому, в этом отношении, команда не сделала никаких успехов. Гардемарины, кроме одних служебных обязанностей, ежедневно занимались в классах».

Теперь предстояло пересечь Тихий океан. Но перед этим надо было подремонтироваться и пополнить припасы. Итак, впереди еще один океан. Курс Лесовский проложил к Гавайским островам. Он избрал курс так, чтобы попасть в полосу попутного южного пассата. Но надежды на пассат не оправдались, штиль и слабый ветер затянули плавание на пятьдесят шесть дней.

Изучив за время плавания «Диану», Лесовский был весьма доволен своим фрегатом.

В Гонолулу на «Диане» узнали: фрегат «Аврора», также направлявшийся на Дальний Восток для усиления русской Тихоокеанской

эскадры, идет на Гавайи и отсюда будет продолжать плавание уже совместно с «Дианой». Запасшись провизией и водой, Лесовский вышел навстречу «Авроре», держась пути судов, идущих на Кальяо, откуда, по расчетам Лесовского, и должна была прийти «Аврора». Две недели длилось безрезультатное крейсерство. Так и не встретив «Аврору», фрегат возвратился в Гонолулу пополнить запасы воды и пищи.

Тогда же из газет стало известно, что Франция и Англия объявили войну России и английская эскадра контр-адмирала Дэвида Прайса уже повсюду ищет на Дальнем Востоке отряд вице-адмирала Путятина.

Стало очевидным, что «Аврора» на Гавайи не придет. Как стало известно позднее, в это самое время «Аврора» из-за эпидемии спешила достичь Петропавловск как можно скорее, а потому не зашла в Гонолулу.

Когда Лесовский объявил команде о войне, раздалось дружное:

— Ура! Рады стараться! За батюшку царя!

Своим офицерам Лесовский заявил:

— Господа, нас в Лондоне тоже, кстати, не забыли. Для нашего захвата специально послан 40-пушечный пароходофрегат «Пайк».

— Ого! Так мы, оказывается, знамениты! — веселились в кают-компании.

Не теряя времени, «Диана» снялась из Гонолулу, взяв курс на север, к Татарскому проливу. Этот переход прошел вполне спокойно.

23 (11) июля «Диана» уже бросила якорь в бухте Де-Кастри, что на западном берегу Татарского пролива. Бухта Де-Кастри защищена от всех ветров утесами, а с моря островами. Лучшего места для стоянки не придумать. Там фрегату пришлось простоять двенадцать дней, пока не подошел отряд Путятина.

4 августа (23 июля) Лесовский снялся с якоря и перешел в лиман реки Амур, где фрегат встал на якорь у мыса Лазарева. Здесь на «Диану» прибыл вице-адмирал Путятин.

— Где еще встречаться двум черноморцам, как не в устье Амура! — пошутил Путятин при встрече, обняв старого соплавателя.

Затем оба черноморца спустились в командирскую каюту, и Путятин рассказал Лесовскому последние новости. На Дальнем Востоке свежими считались новости трех-четырёхмесячной давности. Что касается команды «Дианы», то она вообще почти полгода не имела сведений с родины.

Новости были безрадостные: Англия и Франция ввели свои огромные флоты в Черное море и высадили в Варне экспедиционный корпус. Корнилов и Нахимов держат Черноморский флот в Севастопольской бухте в полной готовности к бою. Что будет дальше, не знал пока никто.

Под ударами цунами

Генерал-адъютант Путятин имел поручение от Николая I на ведение переговоров с японским правительством по вопросам уточнения границ между государствами и подписания мирного договора.

— Вот так и устроена наша жизнь: одни с врагами дерутся, а мы мирные договоры тем временем подписываем! – сообщил своему старшему офицеру ближайшие перспективы Лесовский.

Бутаков лишь перекрестился. В Севастополе сражался его старший брат Григорий. Кто знает, минует ли его смертельная чаша?

Поступив в распоряжение дипломатической миссии, в середине сентября 1854 года «Диана» взяла курс на Японию. Шли со всеми предосторожностями. Где-то поблизости уже рыскали англичане. По пути фрегат посетил японские порты Хакодате, Осака, Кадо.

22 ноября «Диана» бросила якорь в японском порту Симода. Почти сразу же начались переговоры. Не сказать, что слишком быстро, но дело продвигалось. На Востоке вообще ничего не любят делать быстро. В Симодэ Путятин предполагал дожидаться прибытия полномочных японских чиновников из Эдо, чтобы завершить порученное ему императором дело и подписать все межгосударственные документы. Приходилось все время думать и об англичанах.

Из воспоминаний корабельного священника Василия Махова: «... Японцы сообщили нашему командиру довольно неприятную весть, что состоящий из четырех военных судов английский отряд, преследуя фрегат наш, имеет положительное намерение разбить оный или забрать его и весь экипаж в плен. Сколько бы ни тревожна была для нас такая весть, сколько ни падала на душу скорбь, но ответ моряков на воодушевление генерал-адъютанта Путятина “драться до последней капли крови” и “живьем в руки не даваться” требовал и предохранения и собственной бдительности. Фрегат подвели к городскому берегу, а в отдаленности при море устроен был на взгорье пост – наблюдать за приближением неприятеля. Правительство японское, считая постановку военного русского поста на земле их за самовольство, сильно возроптало. Уполномоченные прекратили личное сношение, и нам воспрещено было съезжать на берег».

Так, сами того не подозревая, японские власти спасли русских моряков от больших жертв.

Условия бухты заставили командира фрегата капитан-лейтенанта Лесовского поставить фрегат между берегом и торчавшей посреди бухты

скалой Инубусари.

8 декабря состоялась первая встреча с представителями японского императора. На следующий день они посетили «Диану», где им был оказан торжественный прием и дан обед. Вечером того же дня задул штормовой ветер, а потому капитан-лейтенант Лесовский отдал второй якорь, а также спустил реи и стеньги.

10 декабря ветер понемногу стих, но реи и стеньги не поднимались, так как команда занималась исправлением такелажа. Чтобы произвести работы в более спокойном месте, Лесовский взял «добро» у Путятин на переход фрегата в северо-восточную часть бухты.

Утром 11 декабря погода была на редкость тихая, дул легкий вестовый ветер. Сразу после подъема флага на «Диане» начали завозить якоря-верпы, чтобы затем по ним перетянуть фрегат в дальний угол бухты. Одновременно загружали в шлюпку многочисленные подарки для японских чиновников.

Около десяти часов утра находившийся в своей каюте за разборкой документов адмирал Путятин почувствовал внезапное содрогание корабельного корпуса. Немедленно бросив все дела, он вышел в кают-компанию. В это время содрогание повторилось с еще большей силой.

— Никак землетрясение, ваше превосходительство! — сказал пробежавший мимо на шканцы Лесовский.

Путятин поднялся за ним наверх. Море вблизи берега кипело бурунами, словно вода в чайнике. В это же самое время со стороны моря двинулись к берегу потоки воды. Вскоре все заклокотало с еще с большей силой. Подняв подзорную трубу, Путятин увидел, что бывшие у берега японские джонки торопливо уходят вверх по реке.

— Степан Степанович! Дайте команду вернуть все гребные суда! — велел он командиру «Дианы».

В это время вода начала быстро уходить от берега, уровень ее понижался прямо на глазах.

— Ох, не к добру это, ох не к добру! — грустно заметил Лесовский и приказал как можно скорее отдать второй якорь.

Едва успели отдать второй якорь, как фрегат стало вертеть напором воды так, что он описывал над брошенными в воду якорями целые круги. А затем вообще началась настоящая чертовщина. Вода непрерывно то поднималась, то убывала, чтобы через несколько минут снова прибыть. Вскоре образовался огромный водоворот, который втягивал в себя целые деревья.

— Может, попытаться выйти в море? — предложил Путятину Лесовский.

— Думаю, что уже поздно! — мрачно ответил тот. — Будем держаться здесь!

Из воспоминаний священника Василия Махова: «В девять часов утра, когда начали пить чай, вдруг толчок сильно потряс и поколебал весь фрегат. Я в это время был в каюте вице-адмирала. Ложки в стаканах задребезжали, столы закачались, скамьи и стулья быстро клонились то на одну, то на другую сторону. Сами мы, смутясь духом, не могли сидеть спокойно: все тряслось, все колебалось... Вице-адмирал поспешно вышел из своей каюты на верхнюю палубу, видимого же грозного действия на поверхности моря и суши заметно не было. Колебание было минуту или две, и потом мало-помалу фрегат успокоился. Вице-адмирал, сойдя в кают-компанию, объявил, что случай этот относится к землетрясению, которое нередко бывает в Японии с большими или меньшими последствиями. Далее обыкновенные занятия моряков, прерванные в момент землетрясения, пошли своим чередом, но в скором, однако, времени дано знать с верхней палубы, что вода необыкновенно быстро покрывает все берега. Мы все взошли на верхнюю палубу фрегата, снова пришедшего в колебание и... вот истинная для вас, мой добрый читатель, картина, а для нас бывшая страдательная действительность и ужасная очевидность грозного явления природы и той страшной кары небесной, которая ниспослана была Богом в 11-е число декабря 1854 года и на нас, и в особенности на жителей Японии! Вода со дна моря буравила и словно в котле кипела, волны ее клубились и, вздымаясь, рассыпались брызгами. Валы с моря один за другим — больше, один другого сильнее с необыкновенным шумом и яростным грохотом напирали воду, захватывали берега, мгновенно заливали местность... Бывшие у берегов японские лодки коверкало и стремительно разбрасывало во все стороны; натиск воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самого города, залил улицы и, возвышаясь более и более (до трех саженей высоты), затоплял, покрывал, размывал строения; далее, как бы довольствуясь своею прибылью, быстро, игриво уносил с собою обратно в морскую пучину и разломанные строения и самих людей! Скоро весь залив наполнился сплошною массой бревен, джонок, соломы, платья, трупов человеческих и людей еще живых, сохраняющих пока жизнь свою на какой-либо доске или куске дерева. Стон, крики, вопль гибнущих японцев, шум воды, рев валов, завывающие всплески... Тяжело вспоминать об этом; нелегко памяти передать на бумаге все виденное, пережитое! Сознаю, что и десятой доли не скажу того, о чем бы рассказать следовало

много и много...»

По мере того как усиливался прилив и отлив, их мощными потоками фрегат прижимало то к скале Инубусари, то к берегу, несмотря на два отданных якоря. При этом все увеличивалась и скорость вращения. Вскоре «Диана» уже вертелась как волчок, делая в полчаса по сорок полных оборотов! При этом каждый раз береговые скалы проносились в каких-то саженьях от корабля.

«Средств остановить фрегат не было, мы смотрели на приближающуюся скалу и ожидали, что в следующую минуту фрегат об нее разобьется; шум течения, спертого между фрегатом и островом, все увеличивался. Но в трех шагах от грозной скалы фрегат остановился, постоял и через несколько секунд пошел обратно. Провидению угодно было нас спасти; отбоем воды, действовавшим у острова, фрегат отбросило в противную сторону», – вспоминал потом об этих минутах один из участников тех событий.

Спасенная от столкновения со скалой, «Диана» продолжала кружиться по бухте. А мимо носило во все стороны местные джонки с обезумевшими от страха японцами. Одну из них с такой силой бросило на «Диану», что она сломала бом-утлегарь и до того напирала на якорные цепи, что пробила себе борт и затонула. Японцев с нее наши моряки успели вытащить на фрегат. Не успели перевести дух, как «Диана» была таранена еще одной джонкой. Эта повредила борт, но ее тут же унесло куда-то потоком воды.

— Господа, посмотрите на город! Кажется, Симоды больше нет! – прокричал вахтенный офицер лейтенант Можайский, показывая рукой в сторону берега.

Прилив и отлив сменялись с такой быстротой, что в продолжение какой-то полминуты глубина изменялась более чем на сажень. Лотовые, непрерывно мерившие глубину, едва успевали, как заполошные, выкликать число футов. Уже потом командир «Дианы» подсчитает, что наибольшая разность в уровнях малой и большой воды доходила до 5,5 сажени.

Постепенно кружение фрегата стало медленнее, однако очередным приливом «Диану» достаточно быстро потащило к ближайшему берегу. Якоря, цепи которых давно перекрутились между собой, уже не могли удержать корабль на месте. Казалось, фрегат опрокидывает... Команда спасалась на правых сетках, и в этом положении еще была исполнена команда «люки задраить!». Затем воцарилась тишина, и только слышны были слова: «Да будет воля Божья!», «Ребята! Не робейте!» Фрегат лежал на боку и скрипел во всех частях... Это, казалось, продолжалось около минуты... С новым приливом фрегат начал подниматься...

Едва корабль вновь оказался на глубине, на шканцы доложили, что в трюме сильно пребывает вода. Немедленно пустили в ход все помпы. В это время прямо по борту из воды всплыла часть корабельного киля. Спустя час с новым отливом «Диану» опять положило на борт, а с последовавшим после этого приливом продвинуло еще ближе к берегу. Затем к этому даже немного привыкли: отлив – фрегат на боку, прилив – продвигается к берегу. Изменить что-либо в этом зловещей закономерности возможности не было. Люди с тревогой вглядывались во все приближающиеся береговые скалы.

Несмотря на непрерывную работу помп, вода в трюме прибывала с пугающим постоянством – два фута в час. Но и это было еще не все! У «Дианы» вдобавок ко всем повреждениям перебило и оторвало руль. Теперь фрегат стал вообще неуправляем, если бы такая возможность даже у него была. К счастью, отливы и приливы к этому времени стали уже понемногу уменьшаться. Вне всяких сомнений, продлись они еще хотя бы пару часов, участь «Дианы» была бы самой печальной.

Из воспоминаний священника Василия Махова: «В момент начавшегося волнения фрегат, по мере убыли и мгновенной прибыли воды, то опускался, то возвышался; его, как мелкую щепку, брошенную в пучину, начало вертеть, трепать, бить, колотить, снасти трещали, бока лопались, борта наклонялись стремительно то в одну, то в другую сторону. Страшное оцепенение овладело нами! Первым действием моряков было – закрепить пушки, закрыть наглухо все полуборты и люки, призвав к фрегату баркас с нашими же матросами, которые все успели перескочить на фрегат и бросить второй якорь. Но вслед за сим вода с моря сильно нахлынула, схватила водоворотом катера наши и с диким ревом унесла их к городу. Не прошло десяти минут, как унесшийся к городу один-другой поток воды неся уже обратно к морю с величайшею поживою. Бывший на наших глазах город Симода исчез! Над местом, где он был, показался густой туман и в воздухе разлился сильнейший серный запах. Залив покрылся обломками строения городского, масса на поверхности так была сплошна, что можно было ходить по воде... обломки плавающие вертело, коверкало, мешало с илом и несло далее в море. Фрегат силою водоворотов подняло с якорей; начало носить с одной стороны берега к другой и сперва медленно, а потом скорее и скорее вертеть и кружить наподобие мельничного жернова; в полчаса околесило его на одном и том же месте более сорока раз. Мы почувствовали головную боль и многие, обессилев, падали с ног долой. К исходу 11-го часа неслись к фрегату японские джонки и наделали много вреда; они то прибивались, то отбивались, стуча и колотя в бока нашего судна; бывших на них японцев мы звали к себе, бросали для

спасения веревки; но или неловкость их, или самоупрямство были собственной гибелью... Удалось спасти нам старуху японку, которую на обломке дерева поднесло к самому борту фрегата, да еще двух японцев с маленькой джонки. Далее фрегат сильным кружением понесло быстро к каменистой скале, еще момент... и фрегат разбился бы вдребезги; но в самом недалеком расстоянии от скалы он остановился, постоял, покружился и мгновенно двинулся в противоположную сторону. Здесь мы в надежде устоять, присмирить хоть сколько-нибудь его бросили третий якорь и... о ужас, о страшная и грозная для нас минута! Вода схлынула, и фрегат с треском и скрипом повалился на левый бок... Мы схватились за правый борт и повисли над бездной: “Господи, спаси нас! Да будет воля Твоя!” – были последнею молитвой каждого при сей видимой и неизбежной смерти. Одна пушка, оторвавшись с правой стороны борта и катясь на левую, напавал задавила матроса Соболева, матросу Викторову оторвала ногу, а еще трем дала сильные ушибы. Этим только горем мы и поплатились на сей раз. Минут около десяти пролежал фрегат наш на боку, как бы отдыхая от предшествовавшей усталости, для нас это время тянулось годами... Потом вода опять прибыла, фрегат, выправляясь понемногу, стал в прямое, как должно быть, положение и вслед за тем, вертясь и кружась, унесся на середину бухты. Меня, собственно, позвали вниз для исповеди и приобщения святых тайн больных, ушибленных пушкой. Едва я успел исполнить свой долг, как раздался по свистку вызов: “Всех наверх!” Поспешно вскочив на палубу, я увидел, что фрегат опять склоняется на бок. Все потерялись... суетились, скорбели, молились и прощались друг с другом. Иные, раздевшись донага, готовились вплавь спастись. Благословив команду, благословив детей своих, с сокрушенным сердцем исповедал я Богу прегрешения, в страхе и смятении разделся по примеру других и готовился, в случае потопления фрегата, также вплавь искать собственного спасения... Господь помиловал нас от предшествующего пагубного положения! Фрегат действительно наклонило, но гораздо меньше, как в первый раз, подало назад, а потом стрелою двинуло к берегу. Во мгновение ока мы перелетели от одного берега к другому, как бы по воздуху... Вода сильно врывалась в нижние части фрегата: ее выкачивали люди смена за сменой. С 12 часов губительное действие начало стихать, водовороты убавлялись, прибывь и убыль воды делалась посредственнее; до половину первого часа бока фрегата обставляли упорными стрелами, работа эта шла с величайшим трудом для команды и особенным самоотвержением генерал-адъютанта Путятин. Все крайне выбились из сил, все страшно изнемогли...»

Из воспоминаний еще одного очевидца тех далеких событий: «...Вся бухта представляла жалкую картину разрушения. По всему берегу до высоты трех сажен над обыкновенным уровнем моря были разбросаны обломки судов и домов. В Симодэ из 1000 разной величины зданий всего осталось 12 полуразрушенных домов. Часть строений была унесена в море, другая придвинута в подошвам гор... Эти же горы остановили и немалое число джонок, из которых некоторые были занесены на целую милю от берега...»

Офицеры «Дианы» делились впечатлением от пережитого.

— Это удивительно, но при совершенно ясном небе и маловетрие, стоя на якорях, мы едва не потеряли корабль только от колебания моря! – говорил старший офицер Иван Бутаков.

— Удивительно и то, что мы все еще держимся на плаву! – вставил свое слово и лейтенант Можайский.

В четыре пополудни команда во главе с офицерами собралась на молебн. Встав на колени, люди благодарили Господа за избавление от гибели. Многие, молясь, плакали...

Фрегат нуждался в немедленном килевании, но в то же время было очевидно, что никакой возможности для подобных работ в Симодской бухте сейчас просто не имеется, да и в обозримом будущем иметься не будет.

— Остается найти другую ближайшую закрытую бухту! – принял решение Путятин.

Для этого он послал двух офицеров, которые с японскими чиновниками объехали сначала восточный, а затем и западный берег полуострова Идзу. По возвращении они доложили:

— В тридцати пяти милях от Симоды на восточном берегу есть закрытая и вполне удобная для килевания бухта Хеда, а недалеко от нее и еще одна вполне подходящая – Арари!

— Хорошо! – остался доволен вице-адмирал. – При первой благоприятной погоде будем переходить!

С тем, чтобы немного облегчить поврежденный фрегат, с него свезли на берег всю артиллерию, а затем подвели под кормовые пробоины парус, после чего течь уменьшилась в половину. Одновременно на берегу начали изготовление временного руля, исправлялись и гребные суда. При этом вице-адмирал Путятин продолжал и ведение переговоров, которые после трагедии Симоды были перенесены в селение Какисаки. 28 декабря переговоры были окончательно завершены. Однако Путятин оставил для оформления последних дипломатических бумаг капитана 2-го ранга

Посыета и надворного советника Гошкевича.

После этого «Диана» покинула зловещую Симодскую бухту, но облегченная корма теперь сильно затрудняла уклонение фрегата под ветер, поэтому вице-адмирал принял решение разгружать и носовую часть. После проведения этих работ фрегат стал управляться лучше. Появилась надежда достигнуть спасительной бухты, и «Диана» медленно двинулась к Хеде. Однако Путятин боялся за безопасность фрегата, поэтому «Диану» сопровождала нанятая японская джонка с командой из наших матросов, чтобы в случае чего успеть снять личный состав с тонущего фрегата.

Плавание проходило крайне медленно, оно и понятно: «Диана» чрезвычайно плохо управлялась и едва продвигалась вперед. Едва вышли в море, сразу же начались и многочисленные поломки ослабленных частей корабельного корпуса, их старались сразу же устранять.

На траверзе горы Фудзи попали в сильное волнение. Решили переждать. Путятин приказал немедленно спустить стеньги, нижние реи и отдать три якоря. Тем временем волнение становилось все сильнее. Было совершенно очевидно, что еще одного шторма едва державшейся на плаву «Диане» уже не вынести. На шканцах совещались Путятин и Лесовский. Решение их было следующим: в случае ухудшения состояния фрегата, ради спасения команды, немедленно выбрасывать «Диану» на близлежащее песчаное побережье.

А ветер все усиливался, и вскоре в трюм снова стала в большом количестве поступать вода. Команда старалась облегчить корму корабля, непрерывно работали помпы. Таким образом продержались еще двое суток. Поскольку ветер все не стихал, с фрегата были спущены гребные суда, а на берег заведен конец. Однако переправлявшиеся по нему на шлюпке первые шесть матросов едва не погибли в прибрежных бурунах. Перевозку команды на этом прекратили.

Из воспоминаний участника событий: «Ночь провели в непрерывном действии помпами при течи, которую одолевать было уже невозможно. К утру сила ветра несколько уменьшилась, а потому был послан катер для отыскания заводи, удобной для высадки больных и выгрузки вещей... Между тем приготавливали плот из обломков кия, находившихся на шканцах, и, подняв грота и фока-рей, спустили с ростр гребные суда на воду, не надеясь, что фрегат продержится долго на воде, и как, кроме того, ночью переправа людей в бурунах представляла большую опасность, решились свозить команду на берег. Первые свезены больные с медиком, священником и церковною принадлежностью, затем перевезена была казенная сумма со шнуровыми книгами, шканечным журналом и проч.;

нижние чины отправлялись партиями на баркасе и посредством тонких концов вытаскивались через буруны на берег. К 4 часам пополудни окончен перевоз людей благополучно и после того послан был баркас забрать еще несколько вещей, выложенных на рострах; при последней же поездке буруны и ветер усилились до того, что нельзя было снять гребцов с баркаса, и они на нем ночевали, оставаясь вне бурунов. 6 января ветер и зыбь начали утихать, и мы воспользовались этим временем, чтобы свезти несколько ружей, два ящика патронов и часть багажа нижних чинов. В это время вода в трюме подходила под самый кубрик, но фрегат, не имея орудий и весьма малое количество провизии и воды, оседал менее, нежели можно было предполагать».

Из воспоминаний священника Василия Махова: «Приступили к переправе, которая происходила так: медика, четырех труднобольных, мичмана, двух гардемарин и меня со Святыми Дарами – антиминсом, крестом и Евангелием, посадили на адмиральский катер и первыми отправили на берег. Катер долго тянулся по канату, а вблизи берега, будучи подхвачен буруном, стремительно выкинут вместе с нами на берег благополучно. Команду свозили партиями: по шестидесяти человек сажали на баркас, который люди тянули также по канату и, не доплывая до бурунов, останавливались; затем, накидывая под руки веревочную передвижную петлю, подаваемую с берега, каждый поодиночке был таскаем через буруны на берег. Последним переправился с фрегата на берег, при страшно возобновившейся непогоде, вице-адмирал Путятин».

В это время японцы предложили Путятину и Лесовскому отбуксировать «Диану» в бухту Хеда, до которой оставалось еще не менее 18 миль, с помощью джонок. Вице-адмирал дал согласие. Утром 7 января японцы привели к фрегату около сотни джонок и, при установившемся к тому времени почти полном штиле, начали потихоньку тянуть полузатонувший фрегат. Наши помогали им на баркасе и катере. За несколько часов удалось пройти около пяти миль. У русских моряков появилась надежда, что все может еще закончиться благополучно, однако внезапно японцы на джонках разом обрубали буксиры и на всех парусах устремились в ближайшую бухту. Офицеры и матросы с «Дианы» были в полном недоумении. Причины для столь неожиданного бегства, как оказалось, были.

Из донесения генерал-адъютанта Путятина: «...Остановить их (японские джонки. – В. Ш.) не представлялось никакой возможности; впрочем, вскоре выяснилась причина их удаления. Настигший нас минут через десять шквал от зюйда развел быстро сильное волнение, и мы,

находясь в лодке, с трудом успели уйти под парусом в порт Энаро. Ветром фрегат поворотило обратно и понесло к прежнему месту; вскоре мы его увидели опрокинутым сильным буруном, разбивавшимся над его верхним боком. Заход солнца скрыл от нас дальнейшую участь фрегата, и с рассветом мы не видали уже более следов его. Во время этих происшествий все производилось с должным порядком и подчиненностью, и я должен отдать полную справедливость распорядительности командира и усердию всех офицеров».

Команда «Дианы» добралась до бухты Хеда, где приступила к подготовке к плаванию в Россию. Питались сладким картофелем и рыбой с рисом, пили sake и строили шхуну по чертежу чудом уцелевшего журнала «Морской сборник». К этому времени началась Крымская война и в дальневосточные воды прибыла мощная англо-французская эскадра.

Часть команды на построенной шхуне, названной в честь приютившей их бухты «Хедой», дважды счастливо избегнув встречи с англо-французской эскадрой, благополучно добралась до российских берегов. Еще одна часть команды на попутном голландском бриге «Вильям-Рен» также без приключений достигла Николаевска. Остаток команды пытался доплыть до наших берегов на бриге «Грета». Однако на высоте мыса Елизаветы бриг был встречен британским пароходом «Стикс», и всех бывших на нем российских моряков арестовали как военнопленных. Эта часть команды «Дианы» возвратилась на родину только после Парижского мира.

В позднейшие времена истории крушения «Дианы» было посвящено немало научных исследований, публицистических и художественных книг как у нас, так и в Японии. Российский фрегат, названный именем древнегреческой богини охоты, явился своеобразной отправной точкой в установлении дипломатических отношений между Россией и Японией. Созданная для войны и посланная на войну, «Диана» после своей драматичной гибели от подводного землетрясения стала подлинным символом мира и добрососедства между двумя тихоокеанскими державами.

На страже устья Амура

Вскоре после гибели «Дианы» Путятин совсем случайно в своих вещах обнаружил экземпляр журнала «Морской сборник» за 1849 год с чертежами шхуны «Опыт». Повертев журнал в руках, Путятин позвал Лесовского:

— А не попытаться ли нам, Степан Степаныч, сделать шхуну по этим чертежам!

— А чем черт не шутит! – мотнул головой Лесовский. – Руки у нас есть, головы тоже на месте! Справимся!

В тот же день организовали бригаду корабелов. Руководить ею вызвались прапорщик корпуса флотских штурманов Карандашев и мичман Колокольцев. Общее руководство постройкой шхуны осуществлял Лесовский. С самого начала пришлось обратиться за помощью к японцам. Те обещали полное содействие. Строить судно решено было на берегу моря, в деревушке Хеда. И работа закипела...

Лес для шхуны наши матросы рубили в горах, японцы помогали. Делали они это с охотой, но отнюдь не бескорыстно, стараясь научиться у русских всему, что только можно. Вместе с японцами наши гнали смолу, учили их прясть пеньку, вязать тросы, кроить и шить паруса. Дело спорилось. Через четыре месяца шхуна была уже готова. Первый же пробный выход в море показал, что она отлично управляется и хорошо всходит на волну.

— Вполне приличное судно получилось, Степан Степаныч! – поздравил Лесовского Путятин.

— Наши офицеры и матросы на все годны! – ответил тот, улыбаясь.

— Без имени судну нельзя! – мотнул головой вице-адмирал. – Как мыслишь?

— А не назвать ли нам ее «Хедой»? – подумав, предложил Лесовский.

— Что ж, «Хеда» так «Хеда»! – кивнул Путятин.

История с построением шхуны по чертежам, взятым из журнала, не имеет аналогов. Правильно говорил учитель Лесовского адмирал Павел Степанович Нахимов: «Русским морякам больше всего удаются дела невыполнимые!»

«Подвигаемые, – писал один из российских офицеров, – его (Лесовского. – В. Ш.) железной волей, моряки сумели совершить почти невозможное: собственными руками, по весьма приблизительным чертежам и самыми простейшими средствами, они сумели всего лишь за 4 (!) месяца построить вполне приличную мореходную шхуну...»

А время поджимало. На «Хеду» загрузили припасы. Кроме Путятина на «Хеде» ушли назначенный командиром шхуны Колокольцев, капитан 2-го ранга Посьет, подполковник Лосев, мичман Пещуров, прапорщик Семенов, юнкера Лазарев и Корнилов. Вместе с ними четыре десятка наиболее опытных матросов. Шхуна взяла курс на Петропавловск. После двух недель плавания «Хеда» пришла в Авачинскую губу, но наша

Тихоокеанская эскадра уже ушла к тому времени в бухту Де-Кастри. Путятин, не задерживаясь, вышел из Петропавловска. На пути в Де-Кастри, выйдя из пролива Лаперуза, шхуна встретила три английских корабля. Положение было критическое. Заметив шхуну под русским флагом, один из неприятельских кораблей погнался за ней, но попутный ветер помог «Хеде» оторваться от неприятеля. 8 июня, благополучно завершив переход, шхуна отдала якорь в Амурском лимане у Николаевского поста. Там юнкер Корнилов узнал о смерти своего отца на бастионах Севастополя...

Остальная часть команды «Дианы» (8 офицеров, 150 матросов) во главе с капитан-лейтенантом Лесовским и 500 пудов пороха несколько позднее на зафрактованной американской шхуне «Каролина Фут» отправилась в Петропавловск-Камчатский на усиление тамошних наших команд. Но боевые действия на Тихоокеанском театре развивались весьма стремительно, и ни Путятин, ни Лесовский не могли знать последние новости. А они были весьма важными. После блестящего отражения двукратной атаки англо-французской эскадры на Петропавловск командовавший обороной города генерал-майор Завойко (еще один пленец гнезда адмирала Лазарева!), погрузив на суда гарнизон и обывателей, покинул город, скрытно от противника перебазировавшись в Николаевск-на-Амуре.

Поэтому Лесовский, по прибытии в Петропавловск, застал там лишь охранный отряд да местных казаков, которые и сообщили ему об уходе Завойко. Пополнив запасы воды, капитан-лейтенант тут же нанимает американский торговый бриг «Уильям Пенн» с грузом из Америки и устремляется вслед за ушедшим отрядом. Большую часть пути прошли вполне успешно, но уже в Амурском лимане нанятый бриг вылез на отмель (карт тамошних вод еще не было!). Немедленно отстранив растерявшегося партикулярного капитана, Лесовский сам взялся за дело. Чтобы спасти судно, пришлось изрядно потрудиться. И офицеры, и матросы действовали самоотверженно. На своих плечах по грудь в воде они завели тяжелый стоп-анкер.

Затем была встреча с тихоокеанцами. Радость встречи, однако, была омрачена печальными новостями.

Третьей группе диановцев во главе с лейтенантом Мусиным-Пушкиным на зафрактованном бременском бриге «Грета» повезло меньше, чем первым двум. 20 июля около Сахалина их взял в плен английский параксифрегат «Барракуда».

Отдыхать в Николаевске не пришлось. Едва Лесовский закончил свой доклад Завойко, тот похлопал его по плечу:

— Так как ты, Степан Степаныч, безлошадный, определяю тебя командиром сводного берегового экипажа. Заодно будешь командовать и береговыми батареями.

— А где же батарея-то? – подивился Лесовский, оглядев пустые берега.

— Батарею надо построить, а экипаж сформировать! – усмехнулся Завойко. – Так что засучивай рукава.

— Это нам не привыкать! – хмыкнул капитан-лейтенант и принялся за работу.

Рассказанные Завойко новости с Черного моря не порадовали: англичане с французами по-прежнему держат в осаде Севастополь, часть наших кораблей затоплена на входе в Северную бухту, а команды дерутся на берегу, при бомбардировке убит вице-адмирал Корнилов, а защиту города возглавил Нахимов.

И Завойко, и Лесовский многое бы отдали сейчас, чтобы оказаться среди своих боевых товарищей, чтобы вместе с ними плечом к плечу стоять на простреливаемых ядрами бастионах. Но им выпал иной жребий...

В сводный экипаж были сведены команды «Дианы», «Паллады» и «Авроры». Чтобы матросы и офицеры чувствовали себя привычней, каждая из фрегатских команд составила отдельную роту со своими офицерами. Номеров ротам не давали, зачем? Так и звали: Диановская, Палладская да Аврорская... Каждая рота строила свою батарею, а потому и сами батареи тоже получили названия по именам погибших фрегатов.

А вскоре пришло известие о полном самозатоплении Черноморского флота и оставлении нашими войсками южной стороны Севастополя. Как воспринял это известие Лесовский? Думаю, что со слезами на глазах...

Жили дружно, но голодно. Кроме рыбы и икры, есть было нечего.

В конце 1855 года очередной курьер привез указ о производстве Лесовского «за отличие» в капитаны 2-го ранга. Еще одним указом за усердную службу ему был пожалован орден Святой Анны 2-й степени.

Ровно год провел Лесовский в устье Амура в готовности к отражению нападения англо-французской эскадры, которое ожидалось со дня на день. Но союзники так и не появились. С них хватило и петропавловской головомойки.

В конце 1856 года новый курьер привез ему известие об окончании войны, а заодно и указ о производстве Лесовского в капитаны 1-го ранга.

В честь праздника в штабной избе накрыли стол. Праздновали шумно. Палили из пушек. Матросы тоже гуляли от души с песнями и плясками.

— Эко я поднаторел на водах амурских: что ни год, то новый чин! –

смеялся Лесовский, капитанство перворазрядное свое обмывая.

Офицеры шутливо советовали:

— Вы бы, Степан Степанович, еще здесь годика на три задержались, тогда бы в Петербург уж точно полным адмиралом возвратились!

А вскоре по распоряжению Путятина все 52 орудия и навигационные приборы «Дианы» были погружены на «Хеду» и отправлены в дар Японии вместе с самой шхуной. Японцы с благодарностью сей дар приняли. «Хеда» стала первым японским военным кораблем европейского типа. По ее образцу японцы вскоре построили еще три шхуны. Кто бы мог только подумать тогда, что через каких-то полвека благодарные ученики будут безжалостно топить своих учителей в Цусимском проливе...

Повороты судьбы

В начале 1857 года Лесовский вернулся сухим путем через Сибирь в Санкт-Петербург.

— Ты, Лесовский, молодцом! – сказал Александр II, выслушав доклад вернувшегося через Сибирь командира «Дианы». – За службу твою спасибо. Чего бы ты хотел от меня?

— Службы! – только и ответил Лесовский.

— Будет тебе служба, – подумав, объявил император. – Надо флот заново создавать!

Ситуация в Морском министерстве и в самом деле сложилась тяжелейшая. Черноморский флот был полностью уничтожен в Крымской войне, Балтийский уцелел, но его парусные корабли уже безнадежно устарели. Строительство нового парового и броненосного флота только начиналось. Попасть служить на корабли могли очень немногие. Удел всех остальных был сидеть на берегу. Именно поэтому многие офицеры уходили в торговый флот, чтобы не терять навыков настоящей службы.

В апреле 1857 года приказом управляющего Морским министерством капитан 1-го ранга Лесовский был также уволен для службы на коммерческих судах с оставлением в списках флота. Основной целью этого назначения была организация общества пароходства и торговли. Дело это было новое, а потому для Лесовского интересное. С присущим ему напором дядька Степан кинулся в омут новых для него дел. А едва закончил организацию пароходного общества, затем по личному распоряжению генерал-адмирала Константина Николаевича его назначили капитаном Кронштадтского порта. Должность весьма высокая, но и

хлопотная. Теперь Лесовскому предстояло заниматься укомплектованием, вооружением и снабжением многочисленных судов всего Балтийского флота. Дел столько, что и не переделать!

Четыре года трудился Лесовский на кронштадтском поприще. Сам он говорил об этом так:

— Никогда не мечтал заниматься складами да бумагами, но, наверное, надо когда-то и эти галеры пройти!

Служил Лесовский, как и всегда, с тщанием, и начальство это отмечало. В сентябре 1859 года ему был пожалован орден Святой Анны 2-й степени с императорской короной. Еще год спустя за участие в постройке винтового фрегата «Олег» новая награда – годовой оклад жалованья в сумме 1600 рублей серебром, чуть позже орден Святого Владимира 3-й степени.

Затем Лесовского вызвал в министерство вице-адмирал Краббе. Последний был личностью в высшей степени оригинальной. Прославился Краббе своими исследованиями Аму-Дарьи, обладал стратегическим мышлением и был незлобив, слыл заядлым холостяком и большим оригиналом.

О себе он говорил так:

— Ходят разговоры, что я немец. Ну какой же я немец? Отец мой был чистокровный финн, мать – молдаванка, сам я родился в Тифлисе, в армянской его части, но крещен в православие... Стало быть, я – природный русак!

Лесовского он встретил у дверей своего кабинета:

— Вот что, Степан Степанович, согласно высочайшему повелению, надлежит тебе ехать в командировку в Америку с поручением наиважнейшим кораблестроительным. Посмотри, что это у них там за корабли новые мониторы броненосные, какие на них новшества вводят и насколько эти железки могут быть нам полезны. Все рекомендательные письма уже подготовлены. Можешь и жену с собой взять!

— Поручению я рад, так уже начал киснуть среди кронштадтских камней. А жену брать с собой не буду, пусть лучше дома за меня молится!

— Имею я к вам и личную просьбу, – несколько замявшись, продолжил, оглаживая бороду, Краббе.

— Всегда готов быть вам полезным!

— Там у них в Америке нынче весьма популярны пикантные фотографии обнаженных девиц. Не могли бы вы привезти несколько таких альбомов для пополнения моей коллекции.

О том, что старый холостяк Краббе не только любит общество дам

сомнительного поведения, но и давно коллекционирует эротические рисунки, знали все. Но столь откровенная просьба целомудренного Лесовского все же несколько озадачила.

— Конечно же, я обязательно закуплю для вашей коллекции интересующие вас фотокарты! – все же заверил он управляющего Морским министерством.

Слово свое он сдержал, все порученные задания выполнил и альбомы вождеденные для коллекционера Краббе привез.

Вернувшись из Америки, Лесовский стал горячим защитником броненосного флота. Опытный моряк, он сразу оценил все его выгоды.

— Конечно, – докладывал он, – сии бронированные плоскодонки для плаваний океанских непригодны, так как хорошая волна их сразу же на дно отправить. Однако для защиты берегов и войны в заливах мелководных лучшего и не придумать. Если и возрождать нам флот, то делать это следует именно с броненосных мониторов. Только они смогут сегодня надежно прикрыть Петербург и Кронштадт с моря. При этом строить следует не один-два судна, а сразу не меньше десятка!

Тогда же в журнале «Морской сборник» он опубликовал небольшую статью: «Замечания на статью в “United Service Gazette”: о результатах испытания броненосцев».

Мнение Лесовского было авторитетно, и вскоре Россия приступила к выполнению весьма амбициозной программы строительства броненосного мониторного флота. Но и тут в стороне Лесовского не оставили.

— Ты всю кашу с мониторами заварил, тебе ее и расхлебывать! – сообщил дядьке Степану Краббе, с нежностью поглаживая ладонью стопку привезенных Лесовским альбомов с картинками. – А потому назначаю тебя капитаном Санкт-Петербургского порта!

В Санкт-Петербургском порту в то время начиналось строительство мониторов и первых броненосных судов. Организацией их постройки и пришлось заниматься Лесовскому. В июле того же 1863 года за отличие он был произведен в контр-адмиралы и был приписан к свите императора. Однако командовать постройкой мониторов Лесовскому пришлось недолго. Все в одночасье изменили события в Польше.

На пороге новой войны

В 1863 году начался очередной мятеж в Польше. Позже западными, польскими (из-за извечной ненависти к России) и советскими (в силу

классовой теории) историками этот мятеж будет представлен как народное восстание польского народа против гнета российского царизма. Но на самом деле все было далеко не так. Никакого народного восстания против «царского гнета» не было и в помине. А что же было? А было следующее. После отмены крепостного права на всей территории Российской империи польская шляхта, ранее паразитировавшая на эксплуатации своих крестьян, оказалась без привычной кормушки. Главным лозунгом мятежником была полная независимость Польши в границах 1772 года «от можа до можа», то есть от Балтийского до Черного моря, с включением в ее состав территорий, населенных русскими или немцами. Православные же крестьяне должны были кормить оголодавшую шляхту. Кое-какие оставшиеся у них земли привыкшие жить роскошно польские шляхтичи быстро промотали и остались без средств к существованию. Что им было делать дальше? Идти трудиться, но не на тех напали! Выход был один – устроить бузу против России, обвинив ее во всех грехах, и ждать помощи Запада. Именно поэтому «народное восстание» началось весьма странно – с нападений (в лучших традициях американских вестернов!) на поезда с грузом, идущие через Польшу в Европу и обратно в Россию. Многочисленные грабившие поезда банды весьма жестко конкурировали, и нередко между ними вспыхивали настоящие войны. В Польшу были введены войска, поезда взяты под охрану, заодно вырублен весь лес вдоль железных дорог, чтобы исключить опасность нападений. «Восстание» сразу же пошло на убыль. Часть бандитствующей шляхты была перебита, часть переловлена и отправлена на перевоспитание в Сибирь, остальные бежали на Запад, где объявили себя политэмигрантами.

Что касается европейских держав, то польские события были сразу же использованы ими для политического давления на Россию. Им было чего опасаться! После отмены крепостного права и начала полного реформирования госаппарата Российская империя стала развиваться дотоле невиданными темпами. Одновременно русская армия, а за ней и купцы двинулись в среднеазиатские пределы, быстро приближаясь к границам Индии, а русские эскадры активно осваивали Дальний Восток и Тихий океан.

Первым о своей «заинтересованности» в польском вопросе заявил Наполеон III. Одновременно папа Пий IX призывал всех католиков в мире помочь Польше, то есть к новому крестовому походу.

В апреле 1863 года послы трех держав (Англии, Франции и Австрии) вручили российскому вице-канцлеру князю Горчакову три согласованные ноты, требуя для Польши «реформ» и восстановления конституции. Князь

ответствовал послам устно:

— С нашими внутренними делами мы как-нибудь управимся сами... К тому же, полагаю, вам известно, что главные устроители смуты обретаются не в Мазовецких лесах, а в Лондоне и Париже.

Английский посол Нэпир вздернул подбородок:

— Но ведь поляки отстаивают свою свободу!

На что князь небрежно махнул рукой:

— Ах, оставьте эти ваши выдумки! Инсургенты во всеуслышание объявили своею целью восстановление Польши в границах 1772 года, включая Смоленск и Киев... Так что, милорд, не надо газетных лозунгов.

Настал июнь, и послы вручили Горчакову три новые ноты, еще более жесткие. По сути, России навязывался выбор: либо принять диктуемые ей условия, либо новая война со всей Европой... Времени для обдумывания уже почти не было.

Российская армия спешно готовилась к большой войне. Не отставал и флот. На Балтике быстрыми темпами возводили новые укрепления, модернизировали форты Кронштадта. В марте 1863 года была утверждена программа строительства новых броненосных кораблей. Из Англии были отозваны на Балтику стоявшие там в ремонте клипера «Алмаз» и «Жемчуг», которые получили приказ крейсировать у курляндских берегов от Либавы до Полангена, чтобы пресечь доставку оружия мятежникам. С открытием навигации в сторожевую службу к ним присоединился и броненосный фрегат «Генерал-адмирал» под флагом контр-адмирала Ендогурова. Моряки горели желанием послужить Отечеству в столь не простой для него час.

Тем временем в США полным ходом шла Гражданская война. Южные штаты желали отделиться от северных и создать собственную конфедерацию, сохранив рабовладительство. Армия северян терпела поражение за поражением. Появление «Конфедеративных Штатов» казалось реальным. Сопротивление Севера было почти подавлено. У берегов Америки крейсировала англо-французская эскадра, готовая высадить прямо в Нью-Йорк пятитысячный десант.

Канцлер Горчаков был обеспокоен этой ситуацией. Посланнику в США барону Стеклоу он писал так: «Ваша нация явила доказательства политической честности, которая дает вам право на уважение и признательность всех правительств, заинтересованных в мире на море, а начала права восторжествовали бы над силой в международных отношениях, для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества».

В этой ситуации к канцлеру князю Горчакову и прибыл американский посол Баярд Тейлор:

— Президент Линкольн выражает вам свои самые дружеские чувства. Увы, но наше положение ужасно, и мы просим вашей помощи, хотя бы дипломатической.

Горчаков выдержал паузу.

— Мы испытываем к американцам самые теплые чувства. Между нашими державами много общего. Я передам вашу просьбу государю. Думаю, что он примет мое сообщение благосклонно.

Тейлор выразил благодарность Горчакову. Тот пожал руку американского дипломата:

— Нам не нужны Северные и Южные штаты – нас устроят только Соединенные Штаты Америки! Да хранит Бог вас и вашу страну!

После встречи с Горчаковым Тейлор отписал в Вашингтон: «...Только Россия с самого начала поддерживала вас и впредь будет поддерживать... Можете положиться на то, что она не изменит своей позиции. Но мы просим вас разделаться с затруднениями. Не могу выразить вам, как глубоко наше беспокойство, как серьезны наши опасения».

Именно в это время в Царское Село и прибыл управляющий Морским министерством адмирал Николай Карлович Краббе.

Уставший от нескончаемой политической нервозности Александр был визитеру рад. Краббе славился умением рассказать пикантный анекдот, которых знал бесчисленное множество.

Но на сей раз вице-адмиралу было не до фривольных историй.

— Ваше величество, – начал Краббе, – ситуация с Европой такова, что для разрешения кризиса в свою пользу у нас есть единственное средство!

— Какое же? – сразу напрягся Александр II.

— Флот!

– ?!!

Откашлявшись в кулак, вице-адмирал доложил уже обстоятельно:

— На Балтике у нас имеются вполне современные корабли. Нам остается лишь сформировать из них эскадру, тайно вывести ее в Атлантический океан и перерезать английские коммуникации. Одновременно это же сделает на Дальнем Востоке и эскадра Попова.

Англия желает воевать! Пожалуйста! Но только не так, как это видят в Лондоне, а так, как это выгодно нам! Отныне война будет не в Крыму, а на океанских торговых путях, где мы произведем полный погром. Как показал опыт конфедератского крейсера «Алабама», крейсера-каперы могли нанести огромный вред торговле и военному флоту неприятеля.

Посмотрим, кто первый повернет свои оглобли назад! Пойдут ли англичане на такие жертвы ради каких-то поляков!

Александру предложение пришлось по душе.

— Где же будут базироваться наши эскадры?

— В Америке!

— А как отнесутся к этому американцы?

— Президент Линкольн будет счастлив. Наше присутствие не допустит вмешательства Англии и Франции в Гражданскую войну Севера и Юга на стороне последнего. А вот и мои соображения в письменном виде!

В записке Краббе говорилось: «Примеры истории морских войн прежнего времени и нынешние подвиги наскоро снаряженных каперов Южных штатов служат ручательством в том, что вред, который подобные крейсеры в состоянии нанести неприятельской торговле, может быть весьма значителен. Не подлежит сомнению, что в числе причин, заставляющих Англию столь постоянно уклоняться от войны с Американскими штатами, – опасения, возбуждаемые воспоминаниями об убытках, понесенных английской морской торговлей в прошедшие войны с Америкой. Они занимают одно из первых, если не первое место, и потому я позволяю себе думать, что появление нашей эскадры в Атлантическом океане в настоящее время может иметь на мирное окончание происходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в особенности в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской и коммерческой страны».

— Резонно... Резонно... – прочитав записку, кивнул Александр. – Ну с Поповым мне все ясно, но кого поставим на Атлантическую эскадру?

— Думаю, лучше Лесовского нам не найти.

— Это какой же Лесовский, дядька Степан, что ли?

— Он самый, ваше величество. Лесовский уже однажды прорывался на Дальний Восток мимо английских эскадр, имеет опыт океанских плаваний, да и в Америке только что был, знает тамошние особенности.

— Что ж, Лесовский так Лесовский! – кивнул император. – Кандидатура вполне достойная! Подробную разработку планов операций для обеих эскадр я поручаю тебе.

Разработанной адмиралом Краббе инструкцией предписывалось, с одной стороны, провести военную демонстрацию в поддержку правительства президента Линкольна, боровшегося за сохранение территориальной целостности США, а с другой – избежать блокирования наших военно-морских сил в отечественных портах в случае

возникновения военного конфликта с Англией и Францией и, распределив суда эскадры на морских торговых путях, нанести максимальный вред неприятельской торговле, а в случае возможности производить и нападения на слабые места английских и французских колоний.

Вернувшись в министерство, Краббе велел звать к себе Лесовского. Встретил его, по своему обыкновению, в халате и тапках на босу ногу. Так управляющий министерством встречал тех, кого считал своими.

— Придется тебе, Степа, снова ехать в Америку, — сообщил он контр-адмиралу, почесывая волосатую грудь.

— Надо так надо! — пожал плечами старый служака. — Только дождусь первого рейсового парохода.

— На сей раз ждать никого не надо. Вот тебе секретная инструкция, читай.

Прочитав бумагу, дядька Степан поднял на Краббе изумленные глаза:

— А не шибко ли забираем?

— Самый раз! — закинул ногу на ногу Краббе, качая тапок на носке ноги. — Ты-то готов?

— Я? — еще больше удивился Лесовский. — О чем речь, конечно, готов!

— Тогда готовь корабли!

А за день до отплытия старый холостяк дядька Степан неожиданно объявил о своей женитьбе на вдове петербургского купца Софье Александровне Батищевой.

В Андреевском соборе народу набилось битком, всем не терпелось увидеть адмиральскую избранницу... И невеста явилась! Один из офицеров оставил следующее ее описание: «Очень некрасивая собой, подслеповатая, с седым пушком на верхней губе, с утиным носом и с непередаваемым “шармом” саратовской барыни...».

Кто-то из мичманов не смог удержаться и хохотнул в кулак:

— А молодой-то лет шестьдесят, никак не меньше!

— Какие шестьдесят? — возразили ему. — Самое большее — пятьдесят девять!

Медовый месяц Лесовского уместился в одну ночь. Вечером следующего дня на «Невском» уже подняли пары.

— Степушка! — едва донеслось с Петровской пристани до отошедшего катера. — Ангел мой! Береги себя!..

Ответа не последовало. Лесовский жил уже в ином мире...

Полет шмеля над морем

В опере композитора Римского-Корсакова «Сказка о царе Солтане» есть одна из лучших тем – полет шмеля над морем. Шмель – это преображенный царевич Гвидон, и летит он через море скрытно, чтобы узнать тайны мира и отомстить обидчикам своей матери, что и проделывает с блеском. Прибавить к этому следует то, что мичман Римский-Корсаков в 1863 году в чине гардемарина был приписан к клиперу «Алмаз», включенному в секретную эскадру Лесовского. Так же как пушкинскому шмелю, нашим кораблям предстояло тайно пересечь океан, раскрыть тайные помыслы врагов и отомстить им за унижение России. То, что тема шмеля в опере Римского-Корсакова – одна из лучших, конечно же, не случайно, в ней композитор воплотил то, что пережил лично.

В состав секретной Атлантической эскадры включили все лучшее, чем располагал в то время Балтийский флот: 50-пушечные винтовые фрегаты «Александр Невский» (под началом капитана 1-го ранга Федоровского), «Пересвет» (под командой капитан-лейтенанта Копытова), корветы «Варяг» (командир капитан-лейтенант Лунд) и «Витязь» (капитан-лейтенант Кремер) и клипер «Алмаз» при командире капитан-лейтенанте Зеленом.

Уже в Америке к эскадре должен был присоединиться и фрегат «Ослябя», под началом старого соплавателя Лесовского на «Диане» Григория Бутакова. Сейчас «Ослябя» находилась в Средиземном море и должна была оттуда самостоятельно идти в Америку.

Сразу же после разговора с Краббе Лесовский был назначен младшим флагманом Балтийского флота. Дела и обязанности ему, однако, принимать было не велено.

То, что все происходило стремительно и в полной тайне, значительно усложняло подготовку. Экспедиция держалась в строжайшей тайне, о ней не знал даже генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, на тот момент наместник в Царстве Польском. О цели похода не знали даже командиры кораблей. Командам же было объявлено, что корабли следуют на смену судам, крейсирующим у берегов Курляндии. В море они выходили в одиночку и без особой огласки. Флаг-офицером командира эскадры был назначен лейтенант Леня Семечкин, бывший студент и большой романтик. Именно он рассчитал все перемещения кораблей. Все было спланировано исключительно грамотно, а исполнено просто ювелирно. По соглашению с командирами обеих эскадр и с русским посланником в Вашингтоне капитан 2-го ранга Кроун должен был организовать в случае начала войны с Англией доставку на эскадры всех нужных припасов при помощи зафрахтованных судов, на заранее условленных рандеву.

Александр II напутствовал дядьку Степана так:

— Если какой-нибудь командир эскадры, встреченный вами, посмеет сделать оскорбление для чести нашего флага, то вступать немедленно в бой и силой поставить наглеца на место!

Инструктируя своих командиров, Лесовский слово в слово передал им напутствие императора. От себя прибавил:

— Сигнал к началу боя – боевой выстрел с «Невского»! Есть ли вопросы?

Вопросов не было.

В ночь на 18 июля Лесовский перебрался на фрегат «Александр Невский». Адмиральского флага велел не поднимать. Снявшись с рассветом с якоря, «Александр Невский» вышел в море. За ним по одному остальные.

У Ревеля к флагману присоединился фрегат «Пересвет», у Дагерорта – корветы «Варяг» и «Витязь». Последняя встреча состоялась уже в проливе Малый Бельт. Там к эскадре присоединился клипер «Алмаз», а с винтовых транспортов «Артельщик» и «Красная Горка» прямо в море пополнили запасы угля.

Только утром 26 июля, когда корабли находились в походном строю, командам было объявлено, что «Александр Невский» – флагманский корабль впервые сформированной эскадры Атлантического океана, следующей к берегам Северо-Американских Штатов. Сберегая уголь на случай боя или длительного штиля, отряд шел в основном под парусами.

Трудностей хватало. Быстрота и скрытность подготовки имела свою оборотную сторону. Из-за режима повышенной секретности эскадра отказалась даже от доставки свежего продовольствия на корабли. Корабли были плохо снабжены, команды сырые, офицеры не сплаваны, а матросы – сплошь новобранцы. Ветры и туманы изматывали нервы, а недостаток свежей пищи вскоре вызвал цингу.

Каждый командир корабля имел в своем сейфе особый засургученный пакет. Информация, хранившаяся в них, на самом деле была наисекретная! Это были указания относительно рейдерства с указанием районов крейсирования каждому из кораблей. Так, флагманский «Александр Невский» должен был, в случае начала боевых действий, пересечь пути английских судов, направляющихся из Ливерпуля с военными припасами в Южные штаты. «Пересвет» перекрывал пути судов, идущих из Англии в Вест-Индию. Корвет «Варяг» перерезал путь судов, идущих в Южную Атлантику за экватор. Корвет «Витязь» заступал путь ост-индийских судов, от мыса Доброй Надежды до острова Святой Елены, и, наконец, клипер

«Алмаз» должен был сторожить район между экватором и 5° северной широты, перехватывая все суда, следующие из Европы и в Европу.

Разумеется, Лесовский понимал, что в случае войны англичане немедленно вышлют на торговые пути мощные эскадры и начнут погоню за русскими рейдерами.

Лейтенант Семечкин, не зная отдыха, постоянно обеспечивал координацию кораблей эскадры. Лесовскому он говорил так:

— Риск, конечно, огромный, ведь в случае начала войны и встречи с англичанами шансов на победу у нас никаких!

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского! – отвечал Лесовский, зябко поеживаясь на свежем ветру. – Конечно, они нас со временем, быть может, всех и переловят, но погром в их посудной лавке мы устроим первостатейный!

Эскадра на всех парах проскочила Северное море, а затем, обогнув северную оконечность Шотландии, вырвалась в Атлантику. Курс Лесовский проложил максимально в стороне от торговых путей. Несмотря на это, орудия держали в готовности к открытию огня. 24 сентября эскадра бросила якоря на Нью-Йоркском рейде. Там Лесовского уже ждал фрегат «Ослябя», пришедший туда из Средиземного моря, перекрыв все теоретические расчеты. Лесовский с особым удовольствием обнял командира «Осляби» Ивана Бутакова, своего старого и верного соплавателя на «Диане».

— Искренне рад, Иван, что вижу тебя снова! Забудем былые обиды, кто старое помянет, тому глаз вон!

— И я рад, Степан Степанович, что будем снова вместе служить Отечеству!

Из «Обзора заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год»: «Эскадра вышла из Бельта соединенно. При самом входе в Скагеррак встретились сильные противные ветра, упорно дующие в 28 июля по 3 августа. Клипер “Алмаз” значительно замедлял плавание, идя под парусами гораздо хуже других судов эскадры; поэтому начальники эскадры решился оставить его и 1 августа перестал ждать его. Через два дня, когда эскадра штилевала под парусами, увидели вдали клипер “Алмаз”, который 4 августа соединился с эскадрою на назначенном randevу в 100 милях от норвежского берега. Но на другой день он снова отстал от эскадры.

С самого выхода в океан до прохода через Ньюфаундлендскую банку, т. е. 3 сентября, плавание эскадры сопровождалось обстоятельствами весьма трудными и утомительными, с ходом столь несоразмерным, какой

оказался между быстрыми ходаками-фрегатами, далеко уступавшими им в ходе корветами. Трудность эту составляли беспрестанные дожди, перемежавшиеся с густыми туманами. Но, несмотря, однако ж, на эти неблагоприятные условия, эскадра шла соединенно до 26 августа. В ночь с 25 на 26 августа, во время дождя, был сделан сигнал “развести пары”. Но в это время туман все скрыл из вида. На другой день, когда мгла начала несколько редеть, с флагманского фрегата “Александр Невский” увидели, что фрегат “Пересвет” и корвет “Варяг” на своих местах; первый под парусами, с разведенными парами, а второй под парами и без парусов. Но корвета “Витязь” нигде не было видно.

По разлучении с “Витязем”, шли в ордере фронта и 30 августа были застигнуты попутным ветром, с пасмурностью, во время которой корвет “Варяг” в ночь на 31 августа разлучился с эскадрой. На другой день, когда ветер стих, фрегаты оставались под малыми парусами в надежде, что если “Варяг” отстал, то он подгонит. Но ожидания остались тщетными. По прибытии 13 сентября фрегатов в Нью-Йорк, здесь нашли фрегат “Ослябя”, который пришел сюда из Средиземного моря 30 августа. Того же 13 сентября прибыли на рейд корветы “Варяг” и “Витязь”, а 29 сентября и клипер “Алмаз”. До ноября месяца эскадра находилась в Нью-Йорке, где занималась разными судовыми работами, которые оказались необходимы после бурного перехода в Америку».

Одновременно с эскадрой Лесовского в Сан-Франциско была сосредоточена эскадра контр-адмирала Попова в составе корветов «Калевала», «Богатырь», «Рында», «Новик», клиперов «Абрек» и «Гайдамак».

И сегодня военно-морские историки считают трансатлантический бросок Лесовского одной из самых выдающихся океанских операций в истории мирового флота. Если бы дядька Степан более в своей жизни не совершил ничего, то и этого его плаванья было бы вполне достаточно, чтобы имя его было включено в пантеон великих российских флотоводцев.

Итак, первая часть операции была осуществлена блестяще. Теперь оставалось ждать реакции тех, против кого все это затевалось. И реакция последовала!

Спаситель Америки

Кончился июль, за ним август, наступил сентябрь. Из Лондона в Петербург спешил специальный курьер с ультимативной нотой. Экспресс

остановился для смены паровоза в Берлине. В купе неожиданно заглянул секретарь английского посольства.

— Выходите! — хмуро объявил он. — Форин офис распорядился прервать вашу миссию.

— Что произошло?

Вместо ответа дипломат извлек из кармана свежий номер «Альгемайне цайтунг», увенчанный громадной шапкой: «РУССКОГО ФЛОТА В БАЛТИКЕ НЕТ. ОН В АМЕРИКЕ!»

Такого апперкота Англия не получала уже давно. При этом опозорена была не только разведка и дипломатия, но и военно-морской флот. Русских проморгали все. Самое страшное же было в том, что исправить сложившуюся ситуацию было уже невозможно.

Переход эскадры Лесовского был совершен столь стремительно и скрытно, что не только за границей, но и в России узнали о существовании эскадры Лесовского только... из американских газет.

Планировавшаяся ранее высадка англо-французского десанта в районе Нью-Йорка сразу же стала невозможной. Хотя объединенные силы союзников были значительно больше, от прямого столкновения с русской эскадрой они отказались.

Успешный переход нашей эскадры насмерть перепугал и нашего посла в Лондоне барона Брунова.

Испугавшись за исход мирных переговоров с Англией, он слал панические телеграммы вице-канцлеру Горчакову. А тот в свою очередь устраивал сцены Краббе. Но толстокожего Краббе не так-то легко было взять.

— Советую вам поменьше читать английских газет и пить на ночь успокоительные капли!

Разобиженный Горчаков тут же нажаловался Александру II, обвинив Лесовского в... плохой скрытности!

Узнав об обвинении, хитрый Краббе рассказал Александру II парочку свежих пикантных анекдотов, и инцидент был исчерпан.

В служебной же записке управляющий Морским министерством написал так: «Это, быть может, синопские выстрелы были причиной падения Севастополя, но если бы выстрелы эти могли в то время раздаваться в Океане на путях английской морской торговли, то торговое сословие этой страны, имеющее на ход государственных дел то огромное влияние, о котором упоминает барон Брунов, вероятно, столь же сильно восстало против войны с Россией, как оно всегда восставало и восстает против войны с Америкой, несмотря на то что каждый англичанин

ненавидит американца более всего на свете, за исключением разве француза».

Копия записки была препровождена Александру II, на которой тот написал: «Дельно». Повздохав, Горчакову пришлось успокоиться.

Итак, к концу сентября эскадра собралась на рейде Нью-Йорка, готовая вырваться на просторы Атлантики, перекрыв главные британские и французские морские артерии. Но хватало и проблем: по Парижской декларации, к которой присоединилась и Россия, каперство запрещалось, товары нейтральных судов и сами суда были неприкосновенны – за исключением, разумеется, военной контрабанды. На все это наслаивалось то, что американцы активно торговали с Англией и Францией через Атлантику, а также Гражданская война в самой Америке. Этими сложными правовыми аспектами пришлось заниматься флаг-офицеру лейтенанту Семечкину.

Прибытие эскадры адмирала Лесовского в Нью-Йорк произвело огромное впечатление на население города. Морской министр США Уэллес записал по этому поводу в своем дневнике: «Боже, благослови русских!»

Из американских газет: «В четверг между “Янки дудл” и “Русским медведем” совершился братский союз. Они обменялись взаимными приветствиями из уст своих пушек. Они вместе преломили хлеб и пили грог на палубе паровой яхты “Дядя Сэм”. Река Гудзон как бы слилась своими голубыми волнами со студеными водами Невы... Депутация оставила набережную в 11 часов утра. Пароход был украшен американскими флагами. Он не пошел прямо к русской эскадре, но сделал обход около английских и французских судов. Проходя мимо английского “Найла”, оркестр заиграл “Боже, храни королеву”. Но в половине гимна замолчал, вероятно, потому, что на корабле не обнаружено было ни малейшего сочувствия приветствию. Когда яхта проходила мимо французских судов, музыканты уже не хотели проиграть ни одной нотки из “Марсельезы”. Приближаясь к русским судам, пароход поднял русский флаг, и музыканты заиграли “Боже, царя храни”»... «Мы имели удовольствие переехать на “Александр Невский” на катере с сильными гребцами, которые развили свои мускулы в степях Татарии, потому что русских матросов не набирают из прибрежных жителей. Их без различия набирают из крестьян, но тем не менее из них выходят очень хорошие моряки»... Около 2 часов яхта остановилась у пристани. Начался торжественный проезд. Полные народа тротуары окаймлялись войсками. Дома разукрашены флагами. Дамы и дети в нарядных платьях занимали все окна и балконы. Народ с восторгом встречал процессию... Ратуша была

убрана великолепно... Мэр встретил гостей речью: «...Мы видим в вашем Государе Императоре Александре просвещенного правителя могущественной страны, обессмертившего свое царствование одним из благороднейших дел, какие когда-либо занесет на свои страницы история (имеется в виду отмена крепостного рабства. – *В. III.*). В его подданных мы видим мужественный и предприимчивый народ, который идет быстрым шагом по пути прогресса». В Балтиморе также составлена депутация. В резолюции, данной ей, говорится: «...В то время когда другие правительства и народы, близко связанные с нами узами интереса и общим происхождением, материально и нравственно помогают восстанию на Юге, русские благородно предоставили нам неопровержимые удостоверения своего сочувствия и благорасположения...»

Наших моряков встречали как дорогих гостей. Газеты пестрели восторженными публикациями по поводу исторического визита русских в Америку. Многочисленные делегации чуть ли не ежедневно посещали корабли, неизменно выражая уважение и признательность России за поддержку американского правительства в его нелегкой и справедливой борьбе с конфедератами. Популярность русских моряков была настолько велика, что она не обошла стороной даже дамскую моду. Газеты писали, что непременно атрибутами туалетов многих американских модниц стали элементы российской морской формы: кокарды с фуражек, мундирные пуговицы и офицерские аксельбанты.

Лесовского донимали местные репортеры:

— Каковы цели вашего прихода в порты США? Может, это секрет?

— Никакого секрета нет! – отбивался дядька Степан. – Мы пришли с визитом дружбы!

Но ушлые репортеры скептически улыбались. Даже они знали, что перед российской эскадрой поставлена задача проведения военной демонстрации для поддержки федерального правительства США.

— Ваша дружба нам пришлась как нельзя кстати! – говорили они на прощание Лесовскому.

В «Астор-Хаузе» состоялись три банкета в честь русских офицеров. В здании Музыкальной академии был дан «бриллиантовый бал».

Присутствовавший на нем гардемарин Римский-Корсаков писал домой: «Нашу эскадру приняли здесь дружелюбно, даже до крайности... В военном платье на берег и показаться нельзя: не ты будешь смотреть, а на тебя будут. Будут подходить (даже дамы) с изъявлениями своего уважения к русским и удовольствия, что они находятся в Нью-Йорке...»

Перед гостиницей, где жил Лесовский, постоянно толпились горожане,

солдаты, матросы. Однажды, когда к гостинице подошла процессия с оркестром и флагами обеих стран, Лесовский вышел на балкон и произнес по-английски речь, закончив ее словами:

— Я благодарю вас за оказанное гостеприимство и убежден, что мои чувства разделяются моими офицерами, командирами и всем великим русским народом...

Но не все было так безмятежно. Управляющему Морским министерством вице-адмиралу Краббе Лесовский доносил: «...Считаю нелишним успокоить Вас насчет площадной брани, которой осыпает нас одна из здешних главных газет – “Нью-Йорк геральд”. Жена редактора этой газеты, заносчивая и сварливая баба, была у меня на фрегате и жаловалась своему мужу, что она была там оскорблена. Я принял ее сам, водил по фрегату, был с ней столь же вежлив, как со множеством других дам, посещающих фрегат, представил ей секретарей нашего посольства и генерального консула барона Остен-Сакена, которые были у меня в это время... Газета эта есть отголосок английской партии».

Про самого Лесовского распространяли слухи, что он в приступе бешенства откусывает провинившимся матросам уши.

До ноября эскадра находилась в Нью-Йорке. Но корабли не стояли недвижно на рейде. Они активно плавали в американских водах, демонстрируя флаг, обучая команды и изучая новый для себя морской театр. Вначале фрегат «Александр Невский» под флагом Лесовского и с «Пересветом» и корветом «Витязем» отправился в Карибское море и Мексиканский залив, буквально кишатые английскими торговыми судами.

Фрегат «Ослябя», корвет «Варяг» и клипер «Алмаз» были при этом оставлены в портах США. Командование этим отрядом Лесовский поручил капитану 1-го ранга Бутакову. В пути отряд Лесовского разделился. «Пересвет» обошел южные порты Кубы. «Витязь» продемонстрировал Андреевский флаг в Британском Гондурасе, Гаване, порте Рояль на Ямайке, Кюрасао и Картохене. Сам Лесовский на «Александре Невском» посетил северные порты Кубы. При этом испанцы с явным удовольствием снабжали русских углем и продовольствием. Дело в том, что, с одной стороны, наши платили золотом, а с другой – испанцы всегда не терпели англичан.

Корабли отряда Бутакова также не стояли на одном месте, а постоянно перемещались вдоль Восточного побережья США. Они заходили то в крепость Моир, то в Балтимор, то в Аннаполис. Делалось это для того, чтобы англичане не могли внезапно заблокировать эскадру. Не прекращались крейсерства и на английских торговых путях. Когда в апреле 1864 года в Нью-Йорк после крейсерства у Больших Антильских островов

и захода в Гавану возвратился «Пересвет», вместо него к Антильским островам отправился «Варяг».

Русские корабли посетили аванпорт Вашингтона – Александрию. Там Лесовский принял на борту фрегата «Ослябя» государственного секретаря США Сьюарда и супругу президента Линкольна. Сам Линкольн в это время болел.

В знак особого расположения к своим гостям американские власти организовали поездку группы моряков в действующую Потомакскую армию. Русские офицеры во главе с капитаном 1-го ранга Бутаковым были сердечно приняты войсками северян. Затем офицеров эскадры дружески принял главнокомандующий Потомакской армией генерал Мид. После обеда у генерала американские офицеры разобрали русских в свои палатки. В завязавшейся беседе, сообщал один из русских офицеров, федералисты с симпатией вспоминали о капитане артиллерии Раздеришине, который с дозволения нашего Военного министерства служил полгода в Потомакской армии.

В манифестацию дружбы двух народов вылилась и поездка офицеров эскадры к Ниагарскому водопаду. «По дороге, – делился своими впечатлениями один из наших моряков, – из домов и домиков, отовсюду слали нам приветствия, и флаги американский с русским и в городах, и в селах, и в отдельных хижинах, повсюду нам напоминали дружественные международные отношения».

За время пребывания в США наши офицеры и матросы обзавелись многими знакомыми, случались и романы.

Президент А. Линкольн, высоко оценивая значение визита русских кораблей, предложил Лесовскому посетить Вашингтон и другие порты атлантического побережья. Перед уходом из гостеприимного Нью-Йорка офицеры решили собрать по подписке некоторую сумму для передачи в благотворительные заведения города. В своем письме к мэру Лесовский писал: «...Прошу Вас принять прилагаемую при этом сумму 4760 долларов... с целью предложить оную на покупку топлива бедным семействам». Пожертвование было с большой благодарностью принято. «Могу Вас заверить... что граждане Нью-Йорка платят Вам тем же чувством за Ваше дружеское к ним расположение», – писал в ответном письме мэр Нью-Йорка.

А военная и политическая ситуация постепенно менялась к лучшему. Северяне одержали решающие победы над войсками Юга. О военном вмешательстве западноевропейцев не могло быть и речи. Исчез и призрак крейсерской войны России против Англии и Франции. К лету 1864 года и

польский мятеж пошел на убыль.

На глазах начала разваливаться и антирусская коалиция. Первой поспешила уйти в сторону Австрия, предвидя близкую размолвку Англии и Франции и боясь принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала помогать усмирению мятежа в Царстве Польском.

После этого примолкли англичане. Пытаясь «спасти лицо», император Наполеон III предложил созвать конгресс для обсуждения польского вопроса. Но и эта его попытка не была принята уже ни Англией, ни Австрией. Оставшись в одиночестве, Наполеон и сам пошел на попятную. Плюс к этому у Европы появилась новая головная боль: умер датский король Фридрих III, и Пруссия начала претендовать на Шлезвиг-Гольштейн. Дело шло к войне. О Польше как-то все сразу забыли.

Когда напряженность спала, наши начали готовиться к возвращению на родину. Прощаясь с русскими моряками, мэр Бостона сказал: «Русская эскадра не привезла к нам с собою ни оружия, ни боевых снарядов для подавления восстания. Мы в них не нуждаемся. Но она принесла с собою нечто большее: чувство международного братства, свое нравственное содействие».

По возвращении в Кронштадт русские моряки были приглашены в американскую миссию, где посланник США в России генерал К. Клей сказал в своей речи: «...Россия, великая держава Востока, и Соединенные Штаты, великая держава Запада, не имея противоположных интересов, должны руководствоваться законами сближения... Из разности форм правления не следует еще антагонизма... С часа нашего рождения как нации мы всегда были друзьями. Это было в наших общих интересах».

4 июня 1864 года эскадра Лесовского покинула Нью-Йорк и 20 июля стала на якорь на Кронштадтском рейде.

«Кронштадтский вестник» писал 22 июля 1864 года в передовой статье: «Эскадра г. контр-адмирала Лесовского, состоящая из винтовых фрегатов “Ослябя”, “Пересвет” и винтового клипера “Витязь” пришла на наш рейд под парусами 20-го, в шестом часу вечера. Весь переход из Америки эскадра сделала соединенно, не заходя на пути ни в какие порты, в течение 47 дней, проведенных под парусами, за исключением нескольких часов парового плавания при входе в Английский канал и в Большой Бельт. Попутные ветры и маловетрие сопровождали эскадру, и по несколько дней кряду она бежала, делая не менее 200 миль в сутки. Такой переход может поистине считаться прекрасным морским переходом, и наши моряки после приятной, кстати, проведенной зимы в Америке возвратились к нам

бодрыми, здоровыми, веселыми и, главное, сделавшими большой успех в морском деле. На матросов с эскадры весело смотреть: это бравый и чисто морской народ, как будто бы назло тем господам, которые уверяют нас, что русский человек не имеет ни охоты, ни способности к морю».

28 июня смотр Атлантической эскадре произвел Александр II.

— Я доволен состоянием судов и команд! — заявил он по окончании смотра. — Офицеров представить к орденам, матросам по два целковых и двойную чарку! Ваше плавание — это одна из лучших страниц в истории русского флота и уж точно лучшая страница моего царствования.

В тот же день Лесовский был определен в свиту императора.

Не корысти ради

По возвращении в Кронштадт Александр II объявил Лесовскому свою особую благодарность.

На борту фрегата «Ослябя» в Кронштадте был дан торжественный банкет. На нем выступил секретарь американской миссии Генри Берг. Он заявил:

«...Между нами существует дружба, не омраченная никакими дурными воспоминаниями. Она будет продолжаться при соблюдении твердого правила не вмешиваться во внутренние дела друг друга... И тогда больше никто не увидит горящих городов и опустошенных полей, так хорошо нам знакомых сегодня, никто не услышит предсмертных криков жертв эгоистической и жестокой политики. Словом, господа, весь мир поймет, в чем заключается “таинственный союз”, существующий между Россией и Америкой...»

Потом офицеры дружно поднимали бокалы с шампанским и водкой.

Отметим, что многие из подчиненных Лесовского в дальнейшем сделали прекрасную карьеру. Так, командиры «Александра Невского» Федоровский и «Пересвета» Копытов впоследствии дослужатся до вице-адмиралов, командир корвета «Витязь» Кремер станет полным адмиралом и сенатором, командир фрегата «Ослябя» Бутаков — контр-адмиралом, командир клипера «Алмаз» Зеленый — редактором журнала «Морской сборник», а его гардемарин Римский-Корсаков — всемирно известным композитором. О чем это говорит, да о том, что на эскадре (как когда-то на «Диане») Лесовским были собраны действительно лучшие из лучших.

В 1864 году Лесовского буквально осыпали дождем наград: помимо

аренды по 2000 рублей в год на двенадцать лет, ему был пожалован орден Святого Станислава 1-й степени, итальянский орден Святого Маврикия и Лазаря, французский орден Почетного легиона и гессен-дармштадтский орден Филиппа Великодушного.

Затем Лесовский был назначен командиром эскадры в Средиземном море и в качестве еще одной награды зачислен в свиту императора. Во время нахождения Лесовского на Средиземном море ему выпала печальная участь перевозить на фрегате «Александр Невский» умершего наследника престола великого князя Николая Александровича из Ниццы в Кронштадт.

В 1865 году в театре был застрелен Авраам Линкольн, а год спустя произошло и первое покушение на Александра II, к счастью неудачное.

Американцы, находясь еще под впечатлением недавней гибели своего любимого президента, решили, что время для ответного визита настало.

Флагманом для участия в визите был выбран новейший монитор «Миантонамо». Принимающую сторону возглавлял Лесовский.

Как только американские корабли встали на якорь, посланника конгресса от имени императора приветствовал контр-адмирал Лесовский, которого американские моряки прекрасно помнили по визиту русской эскадры в Нью-Йорк.

Американцев пригласили во дворец на официальный прием, американские офицеры в сопровождении Лесовского осматривали дворцы и парки Петергофа. В нижнем парке они встретили героя Севастопольской обороны Тотлебена. Из хроники визита: «Офицеры с почтением и восторгом приветствовали знаменитого инженера... Прощаясь с ним, прокричали ему трижды “Ура!”, которое слилось с неумолкаемым шумом петергофских фонтанов. На Царицыном острове американским гостям показали дуб, выросший из желудя, взятого с дуба, “осеняющего могилу Вашингтона”».

На следующий же день Александр II в сопровождении наследника и великих князей посетил американские суда. Монитор «Миантонамо» салютовал ему из башенных орудий. Так начался первый официальный визит американского флота в Россию. Впереди было знакомство со столицей. Однако до нее, конечно, был Кронштадт с его мощными фортами, доками, морской обсерваторией, богатейшей библиотекой морского клуба, почетными читателями которой стали все американские офицеры. При осмотре арсенала гости были «поражены множеством военных флагов, забранных у неприятеля и свидетельствующих о подвигах русского флота на море». 15 сентября 1866 года американская эскадра снялась с якоря и вышла в Финский залив...

В ноябре этого же года Лесовский был назначен исполняющим должность главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта с оставлением в свите императора. Это была уже должность даже не вице-адмирала, а полного адмирала! Как и всегда, Лесовский трудился не покладая рук. Кроме всевозможных улучшений в морской части, он занимался и городскими делами. Именно при нем в Кронштадте появились водопровод и газовое освещение, новые хлебопекарни и общежития для семейных матросов.

В апреле 1867 года Степану Степановичу был вручен орден Святой Анны 1-й степени, а в январе 1869 года Лесовский был пожаловали в вице-адмиралы и генерал-адъютанты с оставлением в прежней должности и пожалованием прусским орденом Красного Орла.

Из воспоминаний о знаменитом адмирале: «Безупречная рыцарская честность Лесовского породила в свое время во флоте целый ряд анекдотов. По поводу преследования им хищений в порту существует рассказ о том, как он из порта в своих санях много раз вывозил краденые вещи, сам того не подозревая. Его кучер был в сговоре с некоторыми старшинами порта, и всякий раз, когда Лесовский обходил мастерские, в его сани под сиденье клали разные медные вещи, предназначавшимися ими для тайной продажи жидам.

Однажды, когда С. С. разносил у ворот какого-то шкипера, уличенного в краже казенного имущества, и страшно на него кричал, то тот будто ему ответил: “Вы сами вывозите за ворота казенные вещи” – и при этом вытащил из саней 1^{1/2}-пудовую медную рулевую петлю, подав ее Лесовскому. Нечего говорить о том, что кучер и виноватые старшины были в тот же день прогнаны со службы, а сам капитан над портом после этого случая, приезжая в порт, оставлял свои сани на улице, за воротами».

В это время Лесовский (будучи в душе убежденным славянофилом) с удовольствием организует в Кронштадте Славянские обеды для членов высшего общества, проникнутых идеей создания единой славянской империи. Неизменными участниками этих обедов были и вице-адмирал Бутаков со своей супругой, другие адмиралы и флотские офицеры.

Много сил прилагал Лесовский к прекращению неприязни между двумя старыми севастопольцами – контр-адмиралом Поповым и тем же Бутаковым, с которыми, несмотря на свою куда более высокую должность, сохранял ровные товарищеские отношения. К сожалению, помирить двух незаурядных, но упрямых адмиралов ему так и не удалось.

В 1873 году внезапно умерла супруга Лесовского, та самая купчиха.

Детей у них так и не было. Причина смерти Софьи Александровны нам неизвестна. Но на флоте тогда злословили, что мадам Лесовская «почила в бозе» по причине естественной старости.

А ордена продолжали сыпаться на Лесовского, что звезды с неба. За какие-то полтора года он был пожалован австрийским орденом Железной короны, награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, «за отлично-полезные труды по управлению Морским министерством во время отсутствия управляющего Морским министерством адмирала Краббе» ему было объявлено монаршее благоволение с пожалованием шведского ордена Меча, а в начале следующего года дан орден Белого Орла.

Вот так и бывает в жизни: все рядом, смерть и награды, вечное и сиюминутная суета...

Во главе министерства

В 1876 году в жизни Лесовского произошла новая потеря – скоропостижно скончался его непосредственный начальник и близкий друг адмирал Краббе. Когда после смерти к нему на квартиру пришли сослуживцы, они были поражены царившей там спартанской нищетой. У Краббе не было даже люстры, вместо нее с потока свисал ржавый крюк... Личность Краббе не оценена до сегодняшнего дня по достоинству ни потомками, ни историками, а ведь это был далеко не самый худший руководитель нашего военно-морского флота! Да и преемника он себе подготовил достойного. На должность управляющего Морским министерством был назначен вице-адмирал Степан Степанович Лесовский.

— Лучшего главы министерства мне и не надобно! – сказал Александр II, назначая дядьку Степана на высшую военно-морскую должность.

Что касается самого Лесовского, то к своему новому назначению он отнесся довольно равнодушно:

— Что смогу – сделаю, ну а за остальное не обессудьте!

Впрочем, за дело вице-адмирал взялся всерьез. Твердую руку нового управляющего в министерстве почувствовали сразу. Если при Краббе можно было, не исполнив приказания, отшутиться или просто покаяться и это сходило с рук, то теперь такие штучки уже не проходили.

Историк пишет: «В должности управляющего Морским министерством он (Лесовский. – В. III.) являлся ближайшим помощником генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича в его трудах по

организации морского ведомства и по постройке флота».

Начальником своей канцелярии он определил бывшего диановца контр-адмирала Пещурова. Всегда важно иметь при себе человека, в котором ты уверен и которому можешь полностью доверять.

Морское министерство находилось в стадии перманентного реформирования, и скучать не приходилось. Что касается Лесовского, то он работал почти круглосуточно.

— И зачем мне домой ездить? – говорил он Пещурову. – Туда час теряю, оттуда столько же. Да за это время я столько дел смогу переделать! Посему принимаю решение – спать в кабинете на диване, а остальное время использовать для дела!

И снова на Лесовского посыпался очередной орденский звездопад: нидерландский Дубового венка, датский Данеброга и греческий Спасителя, за одно увеличена и аренда до 4000 рублей на двенадцать лет.

— Ордена для парадов, деньги для будущей жены, ежели таковая объявится, мне же приятно лишь внимание к моей скромной особе! – говорил, складывая в коробку новые награды Лесовский, и в словах его не было никакого позерства.

Дружбу водил Лесовский со своим старым сослуживцем еще по лазаревским университетам – вице-адмиралом Григорием Бутаковым. Тот долгие годы командовал Балтийской броненосной эскадрой, держа ее в готовности к войне. Бутаков всегда подкупал Лесовского своей честностью и добродушием. Набивался в друзья к новому управляющему министерством и еще один старый сослуживец по Черному морю – контр-адмирал Иван Шестаков, но Лесовский держался с ним на расстоянии, помня давнюю любовь Шестакова к сплетням и интригам.

В это время на Лесовского начинается и самая настоящая охота петербургских невест. Приз победительнице доставался на самом деле завидный – управляющий Морским министерством всей России! Теперь адмирала упорно зазывали на балы и домашние вечера, с ним как бы случайно сталкивались на улице, его неделями сторожили в Морском собрании. Какое-то время Лесовский мужественно отбивался, но всякому сопротивлению рано или поздно приходит конец. Настал день, пал и Лесовский. Добыча досталась двадцативосьмилетней старой деве Екатерине Владимировне Вестман. Девушка Вестман была пышна собой и не в меру весела. Лесовского она называла, на французский манер, «мой папá» и обожала транжирить деньги. Когда муж пытался деликатно намекнуть, что можно жить и поскромнее, она тут же срывалась в крик:

— А не для того я такая красивая и сдобная за тебя, старика, выходила,

чтобы полушки считать. Жить надо одним днем и жить надо красиво!

«Эх, что-то не везет мне. Первая за копейку готова была удавиться, второй и миллиона на разгул мало! – думал теперь свои нескончаемые думы Лесовский. – Надо было, наверное, вообще, как Краббе, оставаться в холостяцком состоянии! Но что сделано, то сделано!»

В январе 1877 года Степан Степанович был назначен почетным членом Николаевской морской академии, в которую был преобразован офицерский класс, который некогда окончил адмирал.

Немало сил отдал Лесовский на восстановление родного Черноморского флота. Но многого не успел, в 1877 году началась Русско-турецкая война.

Пришлось многое импровизировать прямо на ходу. Черноморцев усилили офицерами и матросами с Балтики. Гвардейским экипажем была укомплектована Дунайская флотилия. С Балтики доставили туда и минные катера для атаки турецких мониторов.

— Ставку будем делать на крейсера-рейдеры и минные катера с шестовыми минами! – объявил Лесовский командующему Черноморским флотом адмиралу Аркасу.

Тот лишь покачал головой:

— А разве у нас есть иные варианты!

Боевые действия показали, что предположения Лесовского оправдались. Действуя по его плану, Черноморский флот, имея несравненно слабейшие силы, чем его противник, смог не только достойно противодействовать, но и наносить весьма ощутимые удары.

Заслуги Лесовского в войне с турками были оценены орденом Святого Александра Невского.

Порой адмиралу приходилось заниматься и не слишком приятными делами. Так, вскоре после победного боя парохода «Веста» участник боя лейтенант Рождественский написал пасквиль на своего командира капитан-лейтенанта Баранова, обвиняя его в подтасовке фактов. Разразился скандал. Разобравшись в ситуации, Лесовский однозначно принял сторону Баранова. Сам факт доноса на своего командира привел адмирала в изумление:

— Что же это за офицер, который строчит подметные письма на своего командира? Такого мерзавца надо стереть в порошок!

Но «стереть в порошок» Рождественского Лесовскому не дали. У пасквилянта нашлись влиятельные покровители. Единственно, что удалось Лесовскому, – это спровадить «правдолюбца» в Болгарию. Пройдут многие годы, и именно Рождественский впишет в историю отечественного

флота его самую трагическую и позорную страницу – цусимскую. И как знать, если бы «стер в порошок» тогда бесчестного лейтенанта морской министр, может быть, и не было бы Цусимы...

Русско-турецкая война наглядно продемонстрировала преимущества мореходных броненосных кораблей.

— Настала пора строить океанский броненосный флот, а не мониторы, век которых уже кончается. Надо строить мореходные броненосцы и для Черного моря! – убежденно говорил он и великому князю, и императору.

Однако лишь 20 мая 1882 года на особом совещании в Морском министерстве получила одобрение двадцатилетняя судостроительная программа, в соответствии с которой для Черного моря предполагалось построить восемь броненосцев 1-го ранга. Лесовский и его единомышленник Григорий Бутаков настойчиво выступали за усиление Черноморского флота. Оба считали, что по своей мощи он должен быть как минимум равным турецкому. «Россия не должна играть на море той слабой роли, как в последнюю Русско-турецкую войну», – говорилось в решении совещания.

Летом 1879 года генерал-адмирал Константин Николаевич и управляющий Морским министерством вице-адмирал Лесовский совершили плавание на новейшем круглом судне «Вице-адмирал Попов» по Черному морю. Оба признали судно более чем удовлетворительным.

— Судно действительно неплохо, но уж слишком специфично, а потому дальше все же лучше строить обычные мореходные корабли! – высказал свое мнение великому князю Лесовский.

Тот был с ним согласен.

После долгих канцелярских проволочек в 1874 году была принята новая форма одежды для матросов, в комплект которой впервые вошла и ныне знаменитая тельняшка. За тельняшку дружно стояли вместе с Лесовским адмиралы Бутаков и Беренс. А потому, читатель, когда ты увидишь черно-белую флотскую тельняшку, вспомни о том, что появилась она во многом благодаря упорству нашего героя.

В один из дней к Лесовскому обратился бывший подчиненный по «Диане» капитан 1-го ранга Можайский. Предложение Можайского повергло адмирала в шок. Шутка ли, тот предлагал летательный аппарат с крыльями, хвостом и мотором.

— Я начал строить аппарат на свои средства, – рассказывал Можайский. – И надеюсь это осилить. Но двигатели для аппарата мне не осилить. Их надо заказать на заводе, и это обойдется не менее чем в пять тысяч рублей.

— Рад, Саша, твоим успехам, – почесал затылок вице-адмирал. – Признаюсь честно, я очень удивлен твоему намерению применить газовый двигатель. Хотя не знаю, как это будет выглядеть.

Лесовский обещал помощь Можайскому. И слово свое сдержал. Он самолично написал письмо министру финансов с просьбой о выделении суммы в пять тысяч рублей, но получил вежливый отказ.

Можайский пришел к своему бывшему командиру вторично.

— Больше мне надеяться, кроме вас, не на кого, Степан Степанович! – грустно сказал он. – Часть денег я нашел, но надо еще две с половиной тысячи.

И Лесовский пишет новое письмо министру финансов: «...Ввиду действительно важных в военном отношении результатов, которые можно ожидать от успешного разрешения вопроса о воздухоплавании, я снова обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбой не отказать в испрошении капитану 1-го ранга Можайскому 2500 рублей из сумм Государственного казначейства».

На этот раз ответ пришел довольно быстро. Можайского вызвали в Морское министерство, где и выдали просимую сумму. Разумеется, было бы неправильным говорить, что Лесовскому мы обязаны приоритетом в создании первого аэроплана, но то, что он реально помог в создании первого аэроплана, – это точно.

Вспомнил Лесовский и о своем толковом флаг-офицере Семечкине, который к этому времени уже успел побывать флаг-офицером у Лихачева и Бутакова, наблюдал за постройкой кораблей в США, утраивал таможенную флотилию на Балтике и коммерческий флот на Черном море.

Теперь он снова забрал капитан-лейтенанта Семечкина к себе. Тот поведал адмиралу о своем увлечении составлением планов крейсерской войны против Англии. Тема эта была близка обоим, и Лесовский велел Семечкину заняться этим делом основательно.

Семечкин предполагал, что нарушение английской морской торговли должно было подорвать мощь Англии. Ей грозили экономический кризис, безработица, голод, революция. Британия должна была лишиться подвоза хлопка из США и Вест-Индии и шерсти из Австралии, не говоря уже о русском хлебе. Англия оказывалась на пороге гибели. Предполагалось, кроме того, закупить для крейсерской войны несколько американских быстроходных пароходов.

В это время снова обостряются отношения с Англией, и инициатива Лесовского с Семечкиным Александра II весьма заинтересовала. Капитан-лейтенант незамедлительно получил высочайшую аудиенцию и

был назначен руководителем экспедиции по закупке океанских крейсеров-рейдеров.

Из хроники событий: «Было решено построить в США три крейсера, а в Балтийском море снарядить для дальнего плавания фрегат “Князь Пожарский”, корвет “Аскольд” и клипер “Джигит”. Балтийские суда должны были покинуть Кронштадт одновременно, после чего “Пожарский” шел в испанский порт Виго, а корвет и клипер – в норвежский Берген. С известием о начале войны корабли приступали к операциям.

План был разработан крайне подробно. В “день X” “Аскольд” и “Джигит” направлялись в “крейсерский круг А” к северо-западу от английских берегов, находились там двое суток, после чего медленно продвигались бы к югу и в “день X+16” оказывались у Азорских островов. Там же в результате оказывался “Князь Пожарский” после перехода через “крейсерский круг Б” и “крейсерский круг В” у юго-западного побережья Британских островов. Одновременно три крейсера из Америки, спустя сутки после “дня X”, шли к Азорам через “крейсерские круги” “З” и “В”, либо, если успевали изготавиться ранее, шли сперва в испанские порты и уже оттуда приступали к операциям. После трехдневной стоянки в бухте Понта-Кабьера отряд должен был вновь разделиться: часть судов отправлялась на операции в “крейсерском круге Ж” (мыс Доброй Надежды – Ла-Манш), часть – в “Л” (Англия – Нью-Орлеан), часть – “Г” (Гибралтар – США) и т. д. Далее план был расписан столь же подробно – с точками randevу, зонами операций, портами заправки. После долгих операций корабли вновь собирались вместе у Азор на сто двадцатый день после начала войны, после чего “Аскольд” и “Джигит” уходили в Индийский океан, а остальные оперировали еще некоторое время в Атлантике, затем “Пожарский” перемещался в южную часть Тихого океана. Была четко разработана система опознавания “свой – чужой” в случаях встречи с транспортниками с углем и провизией для эскадры».

Одновременно Семечкин получил от Лесовского инструкцию, которая предписывала ему купить и снарядить в США три крейсера, организовать агентуру в портах, условиться с командирами о местах randevу и заправок и установить связь с командиром русской Тихоокеанской эскадры контр-адмиралом бароном Штакельбергом. К письму прилагался аккредитив на 1,7 миллиона долларов.

Узнав о миссии Семечкина, английские агенты, не жалея денег, массово скупали все пароходы, годные для переоборудования в крейсера. Но Семечкину тем не менее удалось купить три корабля: «Стэйт оф Калифорния» (позднее крейсер «Европа»), «Колумбус» («Азия») и

«Саратога» («Африка»). Пароходы были переоборудованы в соответствии с новыми задачами, после чего на них установили крупновские пушки. Все было готово к началу крейсерских операций, когда на Берлинском конгрессе отношения Лондона с Петербургом нормализовались и надобность в рейдерах отпала.

В 1876 году в связи с Балканским кризисом Лесовский выступил с заявлением о немедленном увеличении флота. Для Балтики он считал необходимым иметь восемь броненосцев типа «Петр Великий», что уравнивало наши силы с Германией, а на Черном море для превосходства над турками построить еще десять таких броненосцев. На всю программу Лесовский отводил восемнадцать лет, оценивая затраты в 60 миллионов рублей. Понимая, что обычный государственный бюджет этого не осилит, Лесовский просил о ежегодных экстраординарных кредитах.

На созванном императором совещании канцлер Горчаков, как всегда, призывал не нервировать англичан, военный министр Милютин называл флот «бездонной бочкой» и требовал денег для армии, а министр финансов Рейтерн печалился об отсутствии денег.

— Вам надо сократить океанские плавания, а на сэкономленные деньги и строить новые корабли!

— Я плавания сокращать не буду. Да, мы построим корабли, но к этому времени потеряем моряков! Такой флот и даром никому не нужен! — уперся Лесовский, и барон Рейтерн отступил.

По-прежнему спорили, какой флот строить. Лесовский до хрипоты доказывал:

— Когда в конце турецкой войны в Мраморное море вошла броненосная эскадра вице-адмирала Хорнби, нам нечего было ей противопоставить. Надо срочно строить океанский броненосный флот! При этом флот должен быть сбалансированным по классам кораблей и их численности

Пока спорили, любимец великого князя Константина вице-адмирал Попов протасил проект постройки несуразных круглых судов для Черноморского флота. Лесовский, Бутаков и Посьет были категорически против, но их не послушали. Попов требовал построить десятки круглых судов. Сошлись пока на двух. Как показало время, «поповки» были весьма неудачны, и к продолжению их строительства более уже не возвращались.

Отметим, что, когда в 1879 году Лесовский обращался к С. А. Грейгу с представлениями об ассигновании на броненосное судостроение экстраординарного кредита в 6 миллионов рублей, тот высказался отрицательно, фактически похоронив всю броненосную программу.

Но Лесовский не сдавался. Он снова и снова доказывает необходимость строительства мореходных броненосцев.

Когда в 1878 году началось очередное обострение отношений с Англией, на Балтике для обороны побережья срочно пришлось строить 100 малых миноносков и 50 примитивных подводных лодок Джевецкого.

— Мы опять хватаемся за вилы, когда враг уже в сених. Не лучше ли еще у плетня пристрелить его из берданки? – говорил он.

Лесовского слушали, соглашались, но дело так и стояло на месте.

Волновали управляющего Морским министерством и вопросы Дальнего Востока. Еще в 1871 году главную базу Сибирской флотилии перенесли из Николаевска во Владивосток, но его надо срочно укреплять. Задумались об этом лишь в 1876 году. Шли споры, а не перенести ли порт в бухту Тихая.

В конце 1879 года Лесовский подготовил проект о том, что Россия должна иметь на Дальнем Востоке военно-морские силы, не уступающие японским. Решение должно было вот-вот принято Александром II, но вышло иначе.

Обычный порядок вещей нарушило небывалое доселе в России событие. 5 февраля 1880 года народоволец-террорист Халтурин взорвал резиденцию императора Зимний дворец. Заряд был заложен прямо под столовой самодержца и взорван в то время, когда император обычно обедал. Александра и его семью спасла случайность – опоздание принца Александр Гессенского, без которого императорская семья не села за обеденный стол. При взрыве погибло много обслуживающего персонала и солдат Финляндского полка. В столице было введено особое положение, и императору стало не до проекта Лесовского.

И снова океан

Тем временем в большой политике происходили серьезные перемены, и не в лучшую сторону. Зашевелился дотоле дремавший Китай. Дело в том, что в 1878 году с завершением завоевания китайской армией Цзо Цзунтана ранее отделившегося от Китая Синцзяна встал вопрос о возвращении ему Россией Илийского края, занятого русскими войсками еще в 1871 году. Александр II был не против вернуть край Китаю, но оговаривал это рядом условий. Китайская сторона в свою очередь требовала скорейшего вывода русских войск из Кульджи.

Переговоры завершились подписанием в сентябре 1879 году

Ливадийского договора. Но Пекин договор признать отказался. Возглавлявший китайскую делегацию на переговорах Чун Хоу был арестован и приговорен к казни. В провинции Хэйлунцзян концентрировалось огромное войско императрицы Цыси. Сторонник военного конфликта министр Цзо Цзутан считал, что китайский флот превосходит по силам русскую эскадру. Китай в тот момент располагал пятнадцатью боевыми судами, но в основном деревянными канонерками малого тоннажа. Помимо этого из Англии в ближайшее время должны были подойти несколько современных кораблей береговой обороны. Впрочем, уровень подготовки команд оставлял желать много лучшего. Как всегда, тут как тут оказались англичане. В Сингапуре готовилась к военным действиям английская эскадра. Война назревала нешуточная. А войск для отражения агрессии у нас было на Дальнем Востоке кот наплакал.

— Сегодня, как никогда, нужна демонстрация морской силы! – заявил Лесовский императору. – Ведь мы так и не смогли пожать плоды победы в турецкой войне, когда английский флот встал на Босфоре. Теперь у нас есть шанс отыграться!

Именно поэтому для усиления нашего военного присутствия на Дальний Восток начала срочно снаряжаться эскадра с Балтики. Для похода на Тихий океан были определены почти все боеспособные корабли. Отметим, что если ранее там мы держали лишь небольшие отряды корветов и клиперов, то на сей раз впервые отправлялась эскадра, способная к ведению масштабных боевых действий.

С 1877 года на Тихом океане уже находился отряд контр-адмирала Штакельберга (корвет «Баян», клипера «Гайдамак» и «Всадник»). В 1878 году к ним присоединился новый клипер – [«Крейсер»](#), а еще год спустя клипер [«Джигит»](#). Однако в начале 1879 года «Баян» вернулся на ремонт на Балтику.

В октябре того же года с Балтики вышел отряд капитана 1-го ранга Новосильцева в составе крейсера [«Азия»](#), клиперов [«Разбойник»](#) и [«Наездник»](#). Затем из Кронштадта под флагом контр-адмирала [Асланбегова](#) двинулся на Дальний Восток самый мощный корабль российского флота – броненосный фрегат [«Минин»](#).

Приказ идти в Тихий океан также получил и находившийся в Средиземном море броненосный фрегат [«Князь Пожарский»](#). Полным ходом спешили на Тихий океан крейсера [«Африка»](#) и «Забияка», клипера [«Пластун»](#) и [«Стрелок»](#). Усиленно готовился к отправке броненосный фрегат [«Генерал-адмирал»](#). Кроме боевых кораблей в состав эскадры вошли и вооруженные пароходы [Добровольного флота](#) «Москва»,

«Петербург» и «Владивосток», ставшие вспомогательными крейсерами-рейдерами. Помимо этого эскадре подчинили и Сибирскую флотилию: клипера «Абрек» и «Гайдамак», канонерские лодки «Морж», «Соболь», «Горностай», «Нерпа», транспорты «Японец», «Маньчжур».

Разумеется, первым делом встал вопрос: кто возглавит наши военно-морские силы на Тихом океане? Вопрос первостепенный, так как от деловых качеств командующего, от его профессионализма, политического чутья и решимости зависело очень многое, если не все.

Командовавший в тот момент отрядом кораблей на Дальнем Востоке контр-адмирал Штакельберг был слишком молод, а ведущих туда первый отряд пополнения контр-адмирал Асланбегов не годился по другим причинам. Во-первых, он совершенно не знал дальневосточные воды. А во-вторых, не отличался большим умом, за что имел в военно-морских кругах вполне заслуженное прозвище Бум-бум-эфенди.

Первым должност командующего Тихоокеанской эскадрой великий князь Константин предложил вице-адмиралу Шестакову, слывшего интеллектуалом и либералом. В тот момент Шестаков являлся военно-морским атташе сразу в нескольких европейских странах, но фактически безвылазно уже несколько лет отдыхал в Ницце. Лесовский ему телеграфировал. Однако Шестаков сразу же категорически отказался, ссылаясь на болезнь жены. В свое оправдание он позднее писал: «Едва ли бы собрали у китайских берегов нужную силу, если бы не было наскоро приобретенных в Америке по случаю Восточной эскадры крейсеров и не подоспел на выручку Добровольный флот. Из таких лоскутов составили эскадру, назначенную действовать в 15 тысячах миль от своих портов, на глазах завистливых иностранцев, против государства с 400-миллионным населением». Но никто и не утверждал, что плавание на Дальний Восток будет легкой прогулкой. Однако на то они и адмиралы, чтобы воевать на морях, а не сибаритствовать на курортах.

Затем должность командующего Тихоокеанской эскадрой предложили вице-адмиралу Чихачеву. Но Чихачев тоже отказался, заявив, что не верит в успех столь сложного предприятия.

Великий князь Константин упал духом. Было похоже, что адмиралы решили дружно бойкотировать задуманную операцию.

И тогда огонь взял на себя дядька Степан. Константину Николаевичу он сказал напрямую:

— Ежели нет желающих взвалить на свои плечи тихоокеанскую ношу, то я готов подставить свои!

— Но ты же, Степан Степаныч, мой морской министр, и я не имею

морального права убирать тебя на более низкую должность. К тому же на кого ты оставишь министерство в разгар реформ?

— Должностями сочтемся после, сейчас главное – дело. Лучше меня кандидатуры вам, ваше высочество, все равно не найти. Я за неделю подготовил к кругосветному плаванию «Диану», я за три дня подготовил эскадру в Америку и потом скрытно привел ее в Нью-Йорк, кому, как не мне, собрать на краю света морской кулак, наконец, я, как управляющий министерством, в курсе всех политических стратагем.

— А кто же возглавит министерство? – поинтересовался Константин.

— Лучше Пещурова не найти. Он прекрасно работает как первый помощник, справится и с моей должностью, ну а что всего контр-адмирал, так это дело поправимое!

Буквально на следующий день решение великого князя Константина и Лесовского было утверждено императором.

Один из современников адмирала писал: «Отказ от этой должности (должности управляющего Морским министерством. – В. Ш.), по-видимому, был принципиальным и, во всяком случае, свидетельствует, что Лесовский не принадлежал к числу ординарных честолюбцев». Согласитесь, что по собственной воле перебраться из теплого министерского кресла на продуваемый океанскими ветрами ходовой мостик способен далеко не каждый!

В те дни в Петербурге только и говорили:

— Вот и у нас свой Диоклетиан выискался!

Но Лесовский вовсе не желал заниматься выращиванием капусты, уподобляясь знаменитому римскому императору. Он вновь заступил на передний фронт защиты Отечества, теперь в ранге начальника морских сил России в Тихом океане. В уважение заслуг Лесовского Александр II оставил его членом Государственного совета. На словах он обещал, что по возвращении Лесовскому будет возвращена его прежняя должность. Но опытный адмирал на эти обещания не обольщался, прекрасно осознавая, что больше в министерском кресле ему не сживать. Пока он будет штормовать в океанах, в столичных коридорах многое изменится, и однозначно не в его пользу. Но разве об этом сейчас речь?

Ввиду срочности переброски корабли отправлялись на Тихий океан небольшими отрядами и в одиночку, по мере готовности. Командирам Лесовский ставил конкретную задачу – к лету 1880 года собраться в портах Японии и во Владивостоке.

Готовясь к отъезду на Дальний Восток, Лесовский назначил своего любимца Семечкина командиром новейшего клипера «Опричник» с

производством в капитаны 2-го ранга. Но здесь вице-адмирала ждало горькое разочарование. За время пребывания в США Леня Семечкин вкусил власть денег и стал больше бизнесменом, чем офицером. Сейчас он задумал большой коммерческий проект и отказываться от него не собирался. В этой ситуации Семечкин повел себя крайне непорядочно. Вначале он забросал Лесовского письмами, что клипер нельзя отправлять в Тихий океан, потом достал врачебное заключение о своем нервном переутомлении и фактически дезертировал с корабля. Поведение бывшего флаг-офицера стало ударом для Лесовского, всегда нелегко разочаровываться в тех, кому ты верил и доверял... Отныне бывшего любимца он вычеркнул для себя навсегда. Предательство Лесовский не прощал. Забегая вперед, скажем, что Семечкин в своем бизнесе так и не преуспел, а обратно на флот его не приняли.

На эскадре Лесовского служил в качестве секретаря адмирала «по военно-сухопутным сношениям» известный писатель и публицист [В. В. Крестовский](#), описавший плавание в своих записках. Личность Крестовского сама по себе весьма интересная. Нам он известен прежде всего популярным телевизионным сериалом «Петербургские тайны», поставленным по его роману «Петербургские трущобы». Он объездил всю Россию, а его репортажами с Русско-турецкой войны зачитывались все от мала до велика. С войны Крестовский вернулся штабс-ротмистром и кавалером пяти орденов, причем все пять с мечами, то есть за фактическое участие в боях. Лесовский давно интересовался творчеством Крестовского и, когда был назначен командовать эскадрой на Тихий океан, предложил известному писателю и публицисту отправиться вместе с ним в качестве секретаря по «военно-сухопутным сношениям». Крестовский с радостью согласился. Итогом его плавания с Лесовским станет двухтомный труд «В дальних морях и странах», который донес до нас немало интересного о том тяжелейшем плавании.

Отметим, что старшим артиллерийским офицером на крейсере «Африка» в тот момент являлся лейтенант В. Ф. [Руднев](#), будущий командир легендарного крейсера «Варяг». Впоследствии Руднев, в память о своем плавании в эскадре Лесовского, напишет очерк «Кругосветное плавание крейсера “Африка” в 1880–1883 годах».

Назначенные в плавание корабли спешно готовились, вооружались, опробовали машины, приняли запасы. 31 мая на Большом Кронштадтском рейде великий князь Константин Николаевич в сопровождении Лесовского и Пещурова провели смотр фрегатов «Светлана», «Генерал-адмирал», клиперов «Стрелок», «Пластун», «Забияка» и крейсера «Африка». Уже на

следующий день «Африка» и «Забияка» покинули Кронштадт, через несколько дней и остальные.

Пришло известие, что дальневосточные начальники серьезно обеспокоены уязвимостью Владивостока и рассматривают вопрос о переносе порта в залив Святой Ольги.

— Каково ваше мнение, Степан Степанович? – спросил Константин.

— Пока сказать ничего не могу. На месте выясню и телеграфирую! Но Владивосток пока оставлять никак нельзя.

Вице-адмирал сразу принялся за дело. Перво-наперво он отправил шифрованную телеграмму контр-адмиралу Штакельбергу, чтобы тот, приняв команду над броненосными фрегатами «Минин», «Князь Пожарский», клиперами «Джигит», «Наездник», «Разбойник», «Абрек» и крейсером «Азия», прикрыл Владивосток от возможного нападения китайцев.

Вторая телеграмма полетела контр-адмиралу Асланбегову, корабли которого еще шли на Дальний Восток. По замыслу Лесовского, крейсера «Африка», «Европа», «Забияка» с клиперами «Пластун» и «Стрелок» должны были собраться в Сингапуре, дожидаться там зафрахтованных судов с грузами и отконвоировать их во Владивосток.

3 июля Лесовский покинул Петербург. Из воспоминаний секретаря В. Лесовского – писателя и журналиста В. Крестовского: «Проводить С. С. Лесовского собралось на станции много родственников, друзей, знакомых и все, кто принадлежал к флоту из лиц, находившихся в Петербурге. Начальствующие и нена начальствующие лица флотской службы присутствовали здесь в полной парадной форме. С. С. Лесовский отъезжал в дальний путь вместе со своей супругой Екатериной Владимировной, которая предполагала жить в Нагасаки, где, в случае нашей войны с Китаем, ей предстоял нелегкий подвиг – учредить временный госпиталь и руководить всем делом этого учреждения, в каком у нас, конечно, ощутилась бы настоятельнейшая надобность, так как русский госпиталь, в то время уже существовавший в Нагасаки, по размерам своим не мог вполне удовлетворять требованиям военного времени. С этой целью при Екатерине Владимировне отправлялась туда же Георгиевской общины сестра Стефанида, которая еще на театре последней нашей войны в Болгарии успела хорошо ознакомиться с обязанностями сестры милосердия».

Почему в столь дальнее и трудное путешествие отправилась жена Лесовского, мы не знаем. Возможно, дама захотела увидеть мир и почувствовать себя женой большого начальника, так как во всех портах

адмирала, как морского министра России, неизменно принимали по высшему разряду. А может быть, причина было более банальной. Наслушавшись рассказов о любвеобильных японских гейшах и временных женах, которых покупали себе на время стоянки в японских портах наши офицеры, молодая адмиральша решила обезопасить себя от возможных неприятностей и держать ситуацию под контролем.

Что касается госпиталя в Нагасаки, то в случае необходимости его устройства заниматься им должна была та самая, предусмотрительно взятая в поездку сестра Стефанида. Что касается мадам Лесовской, то она должна была лишь столь гуманное дело олицетворять.

До вверенной ему эскадры Лесовский, со своим штабом и с супругой, добирался так: от Петербурга до Одессы поездом, от Одессы до Александрии пароходом «Цесаревич», от Александрии до Суэца снова поездом, от Суэца до Нагасаки французским пассажирским пароходом «Пей-Хо».

В то время как Лесовский торопился как можно скорее попасть на Дальний Восток, в далеких песках Средней Азии генерал Скобелев готовился к походу на неприступный дотол Геок-Тепе, а вместе с ним и отряд моряков во главе с капитаном 2-го ранга Степаном Макаровым. Россия выходила к своим геополитическим границам...

В Нагасаки командующий эскадрой появился ровно спустя два месяца после своего отъезда из Петербурга.

Из воспоминаний секретаря Лесовского, писателя и журналиста В. Крестовского, о прибытии вице-адмирала в Нагасаки: «Сегодня наш адмирал отдал свой первый приказ по эскадре следующего содержания: “Высочайшим повелением я назначен главным начальником морских сил на Тихом океане. Вступая в исполнение должности, предписываю командиру крейсера “Африка” сегодня вечером поднять мой флаг, о чем, по вверенной мне эскадре, объявляю”.

В тот же день в помещении главнокомандующего, на крейсере “Африка”, происходило совещание высших чинов эскадры, на котором присутствовал и наш посланник в Японии К. В. Струве. Между прочим, адмирал отдал распоряжение, чтобы для наиболее удобных и быстрых сообщений с нашим поверенным в делах в Пекине были назначены два военных стационара: клипер “Наездник” в Шанхай и крейсер “Забияка” в Чифу.

В шесть часов вечера, по спуске флага, у С. С. Лесовского на верхней палубе “Африки” был сервирован обеденный стол, к которому приглашены К. В. Струве, барон Штакельберг, командиры наличных русских военных

судов и некоторые другие лица. Кормовая часть палубы была в виде палатки очень изящно убрана флагами и роскошно освещена парой электрических ламп Яблочкова. Но особенно эффектен был вид этой кормы снаружи, с воды, уже темным вечером, когда мы возвращались с “Африки” на берег по неподвижной глади залива. Разноцветные стены палатки, освещенные изнутри электрическим светом, сквозившим в их щели, отражались в воде длинными радужными полосами вперемежку со столбами белого света. Эффект игры этого отражения, в данной обстановке, при такой роскошной декорации, какую представляет собою вся здешняя природа и в особенности при этой теплой, глубоко-синей и прозрачной ночи, был необычайно, волшебным прекрасен.

1 сентября. В восемь часов утра, при подъеме флагов, на бизань-мачте “Африки” впервые развился флаг главноначальствующего русских морских сил в Тихом океане. Вслед за этим с флагманского судна был сделан салют пятнадцатью выстрелами в честь японской нации. Ответ на него последовал немедленно же с 8-орудийной японской батареи, расположенной на берегу за Децимой, в самой пяте залива. При этом салюте на флагштоке батареи был поднят русский военный флаг. Засим все русские и японские военные суда вместе с английским корветом “Comus” салютовали, пятнадцатью выстрелами каждое, флагу главного начальника нашей эскадры. Гром выстрелов, разносимый горным эхом по соседним скалам и ущельям, походил на гром небесный, столь долги и эффектны были перебаты рокочущего звука благодаря условиям местности».

Долго задерживаться в Нагасаки Лесовский не стал. На «Африке» он первым делом поспешил в Чифу для встречи с адмиралами европейских эскадр в дальневосточных водах. Важно было выяснить их настроение, будут ли они в случае войны вести себя нейтрально, или же следует ждать враждебных действий. Накоротке встретился с английским вице-адмиралом Ричардом Куту. Англичанин дал понять, что ни во что вмешиваться не будет.

— Сэр, мое правительство надеется на мирный исход! – поджал он Лесовскому на прощание руку.

— Мое тоже! – принял рукопожатие дядька Степан.

С французским контр-адмиралом Дюперре повидаться не удалось, тот укатил в Пекин.

Затем Лесовский снова вернулся в Нагасаки, чтобы пообщаться с японским морским министром вице-адмиралом Еномото, а также заняться отправкой провизии и угля на зиму во Владивосток. Наскоро обсудил с Еномото российско-китайские дела и получил заверения в нейтральности

Японии.

Что и говорить, в самое короткое время Лесовскому удалось собрать в единый кулак внушительную силу: два броненосных фрегата, четыре вспомогательных крейсера, шесть клиперов. Такой военно-морской силы в дальневосточных водах Россия не имела еще никогда!

Прибыв в Нагасаки, Лесовский объявил:

— Перво-наперво мы должны обезопасить Владивосток!

«Африка» шла максимальным ходом, и весь переход занял каких-то четыре дня. В заливе Золотой Рог командующего приветствовали залпами стоявшие на якорях корабли отряда Штакельберга.

С пришедших кораблей уже полным ходом сгружали 9-дюймовые нарезные пушки и 11-дюймовые мортиры для береговых батарей, морские мины и даже шесть малых миноносок. Миноноски доставили из Одессы прямо на палубах пароходов Доброфлота «Москва» и «Петербург». Не хватало складов, и имущество хранили под открытым небом. Матросы эскадры днем и ночью воздвигали укрепления. Когда поздней осенью эскадра ушла на зимовку в Японию, Владивосток уже был надежно защищен как с берега, так и с моря.

Во Владивостоке Лесовский встретился с командующим войсками Приморской области генерал-майором Тихменевым, вместе обсудили ситуацию и наметили план совместных действий. Флот брал на себя морскую оборону Владивостока и отвлечение китайской армии к побережью Желтого моря демонстрациями в Печилийском заливе, а также конвоирование транспортов с подкреплениями, когда те будут.

— Каковы наши сухопутные силы и что реально имеют китайцы? — спросил вице-адмирал местного военачальника.

— У нас в крае 12 тысяч штыков и 28 пушек, у китайцев более 40 тысяч. Сейчас наши войска сосредоточены в готовности в Благовещенске, Хабаровске и в селе Никольском, но их явно недостаточно для надежного прикрытия границы.

Лесовский увлеченно водил карандашом по карте:

— Самым оптимальным я считаю атаки на китайские порты.

— Почему? — не уловил адмиральской мысли Тихменев.

— Это отвлечет китайцев от нападения на Приморье и удержит их флот у своих портов.

— Это было бы просто замечательно! — заулыбался бородатый генерал.

— Если китайский флот прорвется к Владивостоку, то вы должны продержаться до моего подхода. Помимо всего прочего, если к нам придут новые войска, я планирую и высадку десанта восточнее Пекина

для удара по коммуникациям армии Ли Хунчжана.

Для удобства управления Лесовский разделил эскадру на два отряда. Первый отряд возглавил контр-адмирал Штакельберг. Второй отряд – под началом контр-адмирала Асланбегова.

Свой флаг Лесовский держал на крейсере «Африка». Разумеется, адмирал понимал, что это плавание для него, скорее всего, уже последнее. Именно поэтому дядька Степан особо много времени возился с молодыми лейтенантами и мичманами. Приглашая их к себе на обед, между борщом и отбивной он старался поведать им как можно больше о том, что хотел оставить в памяти этих молодых ребят.

— Мы свое в веке девятнадцатом уже отвоевали! – говорил он, качая седой головой. – Вам же придется воевать в веке двадцатом, и войны те будут войнами машин, а значит, куда более тяжелыми и кровавыми. Перенимайте у нас, стариков, все, что может вам пригодиться, лишних знаний не бывает!

О настроении на эскадре в тот момент сохранилось свидетельство одного из мичманов: «Состав эскадры казался очень грозным, мы не только не боялись войны, но ждали ее с радостью, будучи уверены в своей силе и опытности наших руководителей». Что ж, эскадра верила в своего командующего и готова была смело идти в бой под его флагом!

Ветераны последнего плавания Лесовского оставили о нем занятные воспоминания. Вот одно из них. Клипером «Стрелок» командовал добрейший капитан 2-го ранга Андрей Карлович Деливрон, а клипером «Пластун» – свирепый капитан 2-го ранга Полянский. Оба клипера состояли в отряде младшего флагмана. Сам будучи весьма крутого нрава, Лесовский демонстративно благоволил командиру «Пластуна», считая Полянского образцом требовательности. Деливрона же, наоборот, считал либералом и мямлей. На командирских совещаниях Лесовский не уставал повторять свою любимую фразу:

— На флоте лучше иметь мягкий шанкр, чем мягкий характер! Берите пример с Полянского!

Это вызывало в командирской среде постоянные насмешки над Полянским, который на них очень нервно реагировал.

Однажды Лесовский дал Деливрону и Полянскому почти одинаковые поручения по доставке корреспонденции в примерно равноудаленные от места базирования эскадры порты. Предполагалось, что по времени корабли должны вернуться одновременно. Когда расчетное время истекло, один из клиперов, выполнив свою задачу раньше, показался вдалеке от входа на рейд.

Флаг-офицер тотчас доложил об этом обедавшему в своем салоне Лесовскому. Узнав о приходе клипера, тот промокнул усы салфеткой и одобрительно кивнул:

— Отлично! Это, разумеется, «Пластун»!

— Сейчас выясню, ваше превосходительство!

Поднявшись на шканцы, флаг-офицер обозрел приближающийся клипер в подзорную трубу и, опознав в нем «Стрелок», спустился к адмиралу вторично:

— Ваше превосходительство! На рейд входит «Стрелок»!

Ответом ему был негодующий взгляд командующего:

— Я же сказал вам, что это «Пластун»! – Адмиральский кулак с силой опустил на дубовую столешницу. – Не смей утверждать то, что я знаю лучше вас, а будете упорствовать, посажу под арест!

Тем временем клипер вошел на рейд и поднял позывные «Стрелка». Почесав затылок, флаг-офицер в третий раз спустился к Лесовскому. На этот раз он был мудрее.

— Ваше превосходительство, – доложился лейтенант, – «Пластун» вошел на рейд, но поднял позывные «Стрелка»!

— Так-то лучше! – примирительно буркнул в ответ Лесовский и мотнул головой. – Гарсон, подавай десерт!

Ну а как относились к Лесовскому рядовые офицеры эскадры? Вообще, именно отношение офицерской молодежи к своим командующим во многих случаях дает наиболее объективную картину характеров этих адмиралов, уровень их реального авторитета среди подчиненных. Как оказалось, у нас есть весьма любопытное свидетельство. В 1909 году в Петербурге была издана книга «Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 годах», подписанная литерой «Р». На самом деле автором книги являлся мичман, а потом и лейтенант Руднев, будущий командир легендарного крейсера «Варяг». Любопытно, что крейсером «Африка» в том плавании тоже командовал человек, вписавший впоследствии свою страницу в историю России, – капитан-лейтенант Алексеев, в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов адмирал и наместник на Дальнем Востоке. Из записок Руднева видно его отношение к командующему эскадрой адмиралу Лесовскому. Так, о прибытии Лесовского на борт «Африки», которую адмирал избрал своим флагманским кораблем, он пишет следующее: «30 августа пришел в Нагасаки адмирал Лесовский со своим штабом, перебрался на крейсер “Африка”, который гордо поднял флаг уважаемого адмирала при громком салюте стоящих на рейде...»

А вот как он описывает перенос Лесовским своего флага с «Африки»

на крейсер «Европа»: «Адмирал начал делать визиты, и сейчас же пошли заседания, комиссии и другие скучные вещи, по крайней мере, с точки зрения нас, стремившихся на берег. Заседания причиняли нам беспокойство, и потому мы были рады приходу крейсера “Европа”, который принял к себе весь штаб, а с ним и комиссии. Жаль только было расставаться с любимым адмиралом».

В портах Лесовский засиживаться не любил, а предпочитал всему на свете свежий морской ветер и бесконечность океана. По этой причине он всегда старался как можно больше находиться в море, причем невзирая на штормовую погоду, которую он считал лучшей школой выучки для флотской молодежи.

В начале октября Лесовский отправился вместе с Тихменевым в Никольское. Там адмирал с генералом осмотрели войска и укрепления, провели совещание с местными начальниками, уточнили места высадки предполагаемого десанта.

— Нам надо обязательно блокировать Печилийский залив, а затем атаковать важнейшие китайские порты и уничтожить тамошние арсеналы. Но блокада портов однозначно раздробит силы эскадры. Придется что-то выбирать! — качал головой Лесовский у карты китайского побережья. — Когда из России подойдут транспорты с войсками, у Сингапура их встретят мои корабли и отконвоируют к месту высадки десанта.

Одновременно деятельный вице-адмирал начал создавать угольные станции. Первую станцию — у Сингапура, вторую — недалеко от места предполагаемого десанта и, наконец, третью — на полпути между первыми двумя.

Автор исследования «Морская политика России 80-х годов XIX века» Р. В. Кондратенко пишет о плане обороны Лесовского так: «В письме С. С. Лесовского изложен, пожалуй, первый достаточно реальный план действий российских морских сил против Китая. Он выглядит скромнее предложенного адмиралом в августе, но в большей мере учитывает действительные возможности Восточно-Сибирского военного округа и Тихоокеанской эскадры. Поэтому, несмотря на последующую смену лиц, стоявших во главе Морского ведомства, основные идеи этого плана получили дальнейшее развитие и учитывались при выработке морской политики России на Дальнем Востоке вплоть до конца XIX века».

В тревожные октябрьские дни 1880 года вице-адмирала более всего волновал вопрос доставки подкреплений из России. Шифрованной телеграммой он извещает своего преемника Пещурова об энергичных приготовлениях Китая к войне, просит ускорить отправку десанта

желательно до начала боевых действий, чтобы эскадра не отвлекалась на конвойные дела, требуя присылки восьми тысяч солдат.

Понимая всю сложность обстановки на Дальнем Востоке, Морское министерство сразу же начало готовить к отправке 16 пароходов. Министерство финансов выделило на переброску войск 250 тысяч рублей. Но у Александра II были сомнения, пропустят ли нас через Босфор и Суэц англичане.

А Лесовский тем временем уже договаривался в Японии о снабжении кораблей своей эскадры продовольствием и о ремонте в японских портах.

А в ноябре напряжение стало спадать. Возобновились переговоры с китайцами.

Из-за раннего похолодания Лесовский покинул Владивосток и 13 ноября ушел с основной частью эскадры в Японию. Но самый обычный переход (сколько их было на его веку!) оказался для дядьки Степана роковым.

Вот как описывает тайфун, в который попал крейсер «Европа», и трагедию с Лесовским участник событий, секретарь командующего эскадрой В. Крестовский в своей книге «В дальних водах и странах»: «Когда мы шли еще по проливу Босфор Восточный, сила северного ветра уже равнялась шести баллам. В исходе четвертого часа, пройдя мимо маяка на острове Скрыплева, взяли курс на юго-запад и поставили паруса: марсели, брамсели, кливер и фок, с которыми крейсер при 56 фунтов пару и 56 оборотах винта имел от $12\frac{1}{2}$ до 13 узлов ходу.

Уже с полуночи начало нас значительно покачивать. К часу ночи 14 ноября порывы ветра стали налетать все чаще, а в половине второго сила его достигла десяти баллов при направлении от NNO. Около двух часов ночи вызвали, наконец, наверх всех офицеров и команду, чтоб убрать паруса. Но при уборке лопнули шкоты и гитовы, и одним сильным напором ветра сразу вырвало оба брамселя.

Та же участь постигла и грот-марсель, взятый на гитовы: закрепить его не представлялось уже никакой возможности, так как шторм к этому времени достиг полной своей силы (12 баллов), а реи и снасти покрылись слоями льда. Люди полезли было по вантам, но ноги их соскальзывали с обледенелых выбленок, и заоченелые пальцы лишь с крайним трудом могли держаться за снасти. Все усилия не привели ни к чему, и эти паруса так и остались у нас трепаться клочьями по воле ветра. Уже с вечера мороз доходил до 15° , а теперь он все более крепчал: вся палуба, весь мостик, поручни, борты, стекла в рубке – словом, все, что было снаружи,

покрылось льдом, слои которого нарастали все толще и висели со снастей большими сталактитовыми сосульками. Иногда ветер срывал их, и они с дребезгом разбивались о встречные предметы при падении или как головешки летели через судно в море. Студеные волны то и дело хлестали через палубу, а шпигаты затягивало льдом: поминутно приходилось расчищать их, чтобы дать сток воде, переливавшейся с борта на борт. Снежная завихруха и замороженные брызги неистово крутились в воздухе, били в лицо, коя его как иголками, и залепляли глаза. Наверху почти ничего не было видно, – черное небо, черные волны и масса мятущихся снежинок... Ветер и море слились в один непрерывный лютый рев, мешавший различать крики командных слов и приказаний. Судно швыряло с боку на бок и сверху вниз как щепку; при этом обнажавшийся винт каждый раз начинал вертеться на воздухе со страшною быстротой, наполняя все судно грохотом своего движения и заставляя трепетно содрогаться весь его корпус. Налетающие валы с шумом, подобным глухому пушечному выстрелу, сильно ударяя в тот или другой борт, напирала на его швы, вследствие чего все судно скрипело и стонало каким-то тяжким продолжительным стоном, точно больной человек в предсмертной агонии. И это его кряхтенье и стоны наводили на душу тоску невыразимую... Вода в большом количестве проникла в жилую палубу и с плеском перекачивалась из стороны в сторону по коридорам и каютам. Люки закрыли наглухо, и потому внизу была духота: воздух спертый, дышится трудно... Диваны в кают-компании гуляли из угла в угол, посуда звенела и билась, офицерские и иные вещи, чемоданы, саки, коробки срывались и падали со своих мест, швырялись по полу... Держаться на ногах почти не было возможности, в особенности мне, как человеку непривычному, да и привычные-то люди наполучили себе достаточно ссадин, шишек и ушибов, между которыми иные оказались весьма серьезными. Степень крена наглядно показывали висячие лампы: угол их уклона в сторону от вертикальной линии достигал сорока градусов.

Между тем мы продолжали идти с попутным штормом под фор-марселем, фоком и кливером. Лесовский находился наверху на мостике. Вдруг большая волна, быстро и сильно накренившая судно на бок, послужила причиной того, что адмирал, не удержавшись на ногах, упал грудью на поручни, окружающие наружные края мостика. Ушиб был значителен, и хотя нашего почтенного адмирала упростили сойти вниз в его каюту, тем не менее, едва успев оправиться, Степан Степанович через полчаса опять уже был на верхней палубе. Но надо же быть несчастью! Громадный вал, вкатившийся с кормы, вдруг подхватил его на себя и

бросил вперед на несколько саженей к грот-мачте. При падении адмирал ударился правым бедром об окованный медью угол одного из ее кнехтов. Когда к нему подскочили, чтобы помочь подняться, он уже не мог встать на ноги и держаться без опоры, не мог даже слегка коснуться о палубу правую ступней. На руках перенесли его в капитанскую рубку и позвали флагманского доктора В. С. Кудрина, который вместе с судовым врачом Преображенским, осмотрев ушибленное место, нашел перелом правой ноги в верхней части бедровой кости. Адмирала уложили на койку и наложили повязку; но более существенной помощи невозможно было ему подать, пока продолжалась эта неистовая буря, и можете представить себе то горестное впечатление, которое произвел этот несчастный случай на всех находившихся на судне».

Вечером 16 ноября истерзанная тайфуном «Европа» без шлюпок, без парусов и с вышибленным гака-бортом вошла в Нагасакскую бухту и бросила якорь в виду российского консульства. Адмирала в тот же вечер перевезли на берег и поместили в доме, занимаемом его супругой. На следующий день, утром, на ногу ему была наложена гипсовая повязка находящимися в Нагасаки нашими флотскими врачами под руководством доктора Кудрина. Лесовский тут же заявил, что чувствует себя уже настолько хорошо, что мог даже заниматься служебными делами, принимая доклады и делая соответствующие распоряжения. Однако на самом деле перелом бедра был очень тяжелым, и лечение предстояло весьма трудное и долгое. Об этом Кудрин честно сказал вице-адмиралу, прибавив, что лучше всего лечиться в Европе у квалифицированных врачей.

— А иначе? — мрачно поинтересовался закованный в гипс Лесовский

— Иначе вы навсегда останетесь недвижимым! — вздохнул в ответ Кудрин. — Перелом, прямо скажу, тяжелейший. Для выздоровления при самом благоприятном раскладе нужен минимум год, да и то хромать придется весь остаток жизни! С корабельной же службой вы, судя по всему, уже распрощались навсегда!

— Хорошо, я подумаю! — буркнул Лесовский и отвернулся к стене.

В тот же день дядька Степан отправил две телеграммы. Первую — в Петербург, извещая о случившемся с ним происшествии, вторую — во Владивосток с приказанием контр-адмиралу Штакельбергу срочно прибыть в нему в Нагасаки.

Когда Штакельберг прибыл, Лесовский, приподнявшись на подушках, велел ему принимать команду над эскадрой:

— Видишь, Олаф Романович, в каком я положении. Посему, как старший после меня по чину, бери власть в свои руки. А я, кажется, свое

отплавал!

К последнему причалу

В феврале 1881 года Россия и Китай наконец-то подписали компромиссный [Петербургский договор](#), уладивший проблемы Илийского края. Но корабли оставались в японских портах до весны 1881 года, ожидая ратификации договора цинским правительством.

3 мая китайцы наконец договор ратифицировали. По этому поводу 25 мая Лесовского перевезли на «Европе» из Нагасаки в Йокогаму, где его встретил новый японский морской министр Кавамура. То было время безоблачных отношений между Россией и Японией, а потому и адмиралы встречались, как старые добрые друзья. Из Йокогамы Лесовский перебрался в Эдо, где 26 мая его посетили князья императорского дома, министры и иностранные дипломаты. 3 июня состоялась аудиенция у микадо, где вместо дядьки Степана присутствовал уже определенный Лесовским в свои преемники Штакельберг. Он же представлял Лесовского и на параде войск, и на прощальном обеде. Оба последних мероприятия были данью уважения японского правительства лично Лесовскому не только в соответствии с его официальным статусом, но и в память его давнего плавания на «Диане». Именно об этом говорил на прощальном обеде министр Кавамура. Впрочем, к такому радушному отношению к русским морякам японцев подталкивала и внешнеполитическая ситуация.

19 мая 1881 года Лесовский вместе с женой на «Европе» навсегда покинул Нагасаки. На прощальном обеде офицеры эскадры наговорили дядьке Степану так много добрых слов, что суровый моряк чуть не прослезился.

Из воспоминаний В. Крестовского: «Вскоре после полудня на “Европе” начали разводиться пары. В половине второго прибыл на крейсер лоцман, американец Смит, который взялся провести наше судно по водам Внутреннего Японского моря. Полчаса спустя трапы и тенты были убраны, а еще через полчаса, ровно в три часа дня, “Европа” снялась с якоря. Машине дан был малый ход вперед.

На рейде в это время стояли “Князь Пожарский”, “Стрелок” и “Пластун”. По мере нашего к ним приближения каждое из этих судов высылало своих людей на ванты, откуда они встречали и провожали нас криками “ура” и маханием шапок. Проходя мимо, С. С. Лесовский прощался с командой каждого судна отдельно и благодарил за усердную

службу. Хор музыки на нашей палубе играл наш народный гимн, а команда “Европы”, тоже стоя на вантах и отвечая троекратным “ура” на каждое прощание своих товарищей, матросов “Пожарского”, “Стрелка” и “Пластуна”, побросала, наконец, в воду свои старые шапки. Это стародавний обычай, всегда соблюдаемый нашими матросами при первом шаге возвращения в отечество из дальнего плавания. Разные японские бедняки, существующие “рейдовым промыслом” и провожавшие наше судно в своих “фунешках”, заранее зная из прежних опытов, что им предстоит пожива, взапуски бросились вылавливать плавающие шапки.

День стоял прелестный, солнечный, с легким освежающим ветерком от SW, и настроение у всех было радостное, потому что это в самом деле был наш первый шаг на пути возвращения в Россию, как вдруг наш флаг-капитан А. П. Новосильский, стоявший на мостике, сдержанным голосом заметил:

— Флаг... Боже мой!.. Флаг за кормою!

Мы обернулись. Действительно, наш судовой флаг почему-то вдруг спустился со своего места и полоскался в воздухе, медленно падая в воду. Хотя его успели поймать еще на пути падения, тем не менее многие лица омрачились. Падение флага считается дурною приметой. Но тут же нашлись и утешители, которые разъяснили, что хотя такая примета и существует, но она действительна лишь в том случае, если судно отправляется в бой; тогда это значило бы, что ему придется либо спустить свой флаг, либо погибнуть; но так как мы отправляемся не в бой, а пока только в Йокогаму, благодарить микадо за радушное гостеприимство, оказанное русской эскадре, то вся примета состоит в том, что с матроса, находившегося при флаге, следует взыскать за ротозейство, а впрочем, никто, как Бог, Его святая воля!.. На этом все и успокоились».

Последняя морская кампания старого флотоводца подошла к своему концу. Плавание эскадры Лесовского стало впечатляющей демонстрацией военно-морской мощи России на самых дальних ее рубежах. Вскоре на Балтику двинулась и основная часть эскадры. Ее повел Штакельберг. Над оставшимися на Дальнем Востоке кораблями принял команду контр-адмирал Асланбегов. Так как ситуация с Китаем нормализовалась, Морское министерство сразу стало уделять Тихоокеанской эскадре куда меньше внимания.

Кульджинский кризис уходил в прошлое... Но Петербургу было над чем задуматься. Конфликт выявил слабость наших войск вдоль границ Китая и на Дальнем Востоке. Надо было как можно быстрее заселять дальневосточные области и развивать их.

В конце 1881 года генерал-адмирал сформировал комиссию для обсуждения вопроса о будущем составе флота. В состав комиссии вошли управляющий Морским министерством Пещуров, главный командир Кронштадтского порта адмирал Козакевич, наиболее авторитетные российские адмиралы Бутаков, Лесовский, Попов, Перелешин и Шестаков.

Залечивая ногу во французском городе Люшоне, Лесовский не успевал к заседанию комиссии, поэтому он участвует в работе комиссии заочно, присылая в ее адрес записки по обсуждаемым вопросам.

Перелом ноги на самом деле оказался настолько сложным, что о полном выздоровлении не было и речи.

— Как бы хуже не стало! – только и говорили лечащие врачи.

Вернувшись в Петербург, Лесовский говорил об устройстве угольных станций в океане по пути в Тихий океан, занимался планированием Босфорской десантной операции.

По-прежнему кипели споры вокруг того, какой флот и где строить. В декабре великий князь Алексей Александрович неожиданно выступил против броненосцев. Лесовскому и Пещурову едва удалось его уговорить не принимать скоропалительных решений.

— Я понимаю, что наша промышленность еще не готова к строительству большого океанского флота! А посему надо пока строить корпуса кораблей дома, механизмы пока придется закупать в Европе. Там они лучшего качества и дешевле наших.

На встречах с Пещуровым и другими адмиралами Лесовский не устал повторять:

— Наши морские силы слабы, и мы с трудом можем решать с их помощью внешнеполитические задачи. Меня очень волнует быстрый рост германского флота, который уже держит постоянную броненосную эскадру на Средиземном море. Морская мощь Германии – это прямая угроза Петербургу. На Черном море нам необходимо обязательное превосходство над турками. Что касается Дальнего Востока, то мне кажется, что, несмотря на сегодняшнюю опасность Китая, скоро нам придется еще столкнуться с Японией, и исход столкновения непредсказуем.

Это было, по существу, его политическим завещанием новым поколениям военно-морских руководителей России. Последнее, что он сделал в своей жизни.

Чтобы подбодрить ветерана, император Александр III вернул его в Государственный совет. Лесовский, будучи человеком дисциплинированным, на совещания приезжал, но вид его был печален. Госсовет он не любил и не без основания называл «прибежищем

инвалидов». После смерти в мае 1881 года своего друга адмирала Бутакова он чувствовал себя одиноко.

— Теперь и я никому не нужный береговой кнехт! – с грустью говорил Лесовский о себе знакомым. – Все у меня уже в прошлом, впереди только ожидание смерти!

В конце 1881 года Лесовский стал полным адмиралом. В это время он формально возглавлял комиссию по пересмотру Морского устава. Но сломанная нога все больше давала о себе знать. Передвигаться теперь Лесовский мог только с помощью костыля. Всегда деятельный и энергичный, Лесовский терзался откровенной беспомощностью. Это выводило его из себя. Порой доходило до слез, и адмирал, матерясь, швырял свой костыль, чтобы потом упасть самому. Помогая адмиралу, теперь его всегда сопровождали два матроса.

Начались и другие осложнения. Как это обычно бывает, беда не приходит одна. Больной старый муж начал тяготить молодую жену, и дома все чаще начали возникать скандалы. Мадам Лесовская попрекала мужа отсутствием средств, рыдая, кляла свою несчастную судьбу, закатывала истерики, била посуду. Дома царил настоящий ад. Старый адмирал теперь старался подольше задерживаться на службе или в Морском собрании, где вечерами читал журналы и просматривал газеты. Все чаще начал он жаловаться и на сердце. Глядя на изможденного и искалеченного флотоводца, кронштадтцы сокрушенно качали головами:

— Дядька Степан состарился в море, как чайка!

Его пытались приободрить, но он только отмахивался:

— Пришла пора одевать деревянный бушлат!

К 1884 году, когда стало совсем плохо, Лесовский был вынужден подать в отставку. А через месяц после выхода в отставку его не стало.

Он ушел из жизни, полностью исполнив свое предназначение.

Провожавшие его в последний путь бывшие соплаватели подняли на поминках тост:

— За нашего дядьку Степана, навсегда ушедшего в океан!

Вскоре после смерти адмирала его молодая вдова, недолго тоскуя по почившему мужу, снова вышла замуж, на сей раз уже за какого-то престарелого купца. При этом, будучи женщиной весьма расчетливой, она посчитала, что причитающаяся пенсия за умершего мужа маловата и хорошо бы ее увеличить. По этой причине вдова Лесовского отписала письмо на высочайшее имя, в котором укоряла Александра III в забвении заслуг усопшего. Ознакомившись с письмом, Александр, знавший о новом замужестве мадам Лесовской, искренне возмутился:

— Это не мы, а она слишком быстро забыла своего супруга!

И в прошении категорически отказал.

А потом адмирала надолго забыли. Что ж, не он первый, не он и последний! Память о Лесовском хранит лишь Дальний Восток, где именем флотоводца названы мыс и залив на Сахалине.

Не так давно в одном из псевдоисторических изданий я нашел довольно уничижительную характеристику Лесовского как адмирала, который ни разу в своей жизни не сделал боевого залпа, но почему-то считался боевым флотоводцем. Да, судьба сложилась для Лесовского так, что ему действительно не пришлось встретиться с врагом в открытом бою. Но разве в том его вина? Не он ли отчаянно прорывался на «Диане» сквозь океаны, обложенный со всех сторон английскими эскадрами? Не он ли был готов стоять со своими матросами насмерть в устье Амурского залива, покажись там противник? Не он ли, наконец, не пролив ни капли крови, выиграл для России ДВЕ ВОЙНЫ! Много это или мало?

Из рода Бутаковых

Если ехать по дороге из Костромы в Галич, то недалеко от Судиславля вам встретится село Антипино. Если же от Антипина свернуть вправо, то через несколько километров у речушки Мезы вы увидите маленькую, почти заброшенную деревушку Пчелкино. Когда-то, более двух веков назад, здесь стояла небольшая усадьба – родовое имение мелкопоместных дворян Бутаковых. Ныне от него не осталось и следа. Казалось бы, о чем речь, мало ли подобных усадеб навсегда сгинуло, не оставив о себе ни памяти, ни следа! Но Пчелкино достойно нашей памяти, ибо именно здесь началась морская династия, давшая России десятки офицеров и адмиралов.

Героем нашего повествования является всего один представитель этого славного рода – Григорий Иванович Бутаков. Потомкам он запомнился уже в чинах адмиральских: седая раздвоенная борода, строгий взгляд, тяжелые витиеватые эполеты. Именно этот портрет помещают в многочисленных книгах и в учебниках морской тактики. Но ведь так было не всегда...

В морском корпусе

Григорий Бутаков родился 27 сентября 1820 года в Риге в семье морского офицера. Вскоре после его рождения отец Иван Николаевич был назначен командиром линейного корабля «Царь Константин», ушедшего в Средиземное море. Иван Бутаков отличился в боевых делах у Крита и при блокаде Дарданелл. Когда его сослуживца и друга Михаила Лазарева назначили командовать Черноморским флотом, тот вспомнил о Бутакове и забрал к себе в Николаев. Вскоре Иван Бутаков становится контр-адмиралом и получает под начало бригаду линейных кораблей. Карьера сложилась вполне успешно, и службу свою Иван Николаевич закончил в вице-адмиральских эполетах. Счастливо сложилась и семейная жизнь. Жена подарила Ивану Николаевичу пятерых сыновей и семь дочерей, так что в доме Бутаковых всегда было шумно. Так как Иван Николаевич служил честно и семья существовала исключительно на его жалованье, жили небогато, зато дружно. Что касается маленького Гриши, то домашние звали его на малороссийский манер – Грицко.

Судьба второго сына в семье контр-адмирала Ивана Бутакова была предрешена еще до его рождения. Разумеется, только военно-морская стезя. А потому, когда Григорий появился на свет, его матушка

относительно будущего младшего сына иллюзий не питала. Все так и оказалось: в 1831 году отец отвез одиннадцатилетнего сына в Петербург в Морской корпус. В корпус он пришел с прекрасным домашним образованием, знанием французского и немецкого.

Впрочем, молодой кадет одиноко себя там не чувствовал. На старшем гардемаринском курсе в это время учился его старший брат Алексей, который стал и советчиком, и защитником. Это было весьма нелишне, так как нравы в Морском корпусе царили весьма суровые. Драки со сверстниками и зуботычины от старших были делом настолько обыденным, что никому и в голову не приходило жаловаться.

Морским корпусом командовал в то время кругосветный мореплаватель адмирал Иван Крузенштерн. Кадеты его, однако, не любили, обзывая «колбасой».

Вот как вспоминал о нравах Морского корпуса в те годы однокашник Бутакова будущий адмирал Иван Шестаков: «Сечение разделялось на три разряда: келейное, при роте и при собрании целого корпуса. В приказах директора не означалось число ударов, а как бог на душу положит, так и драли. Мне, например, 11-летнему, дали двести ударов за грубость, но моя доля не столь еще была плачевна. Были аматеры, секшие без счета с циничными приговорками... Не двигаться, как труп, не спускать ни малейшего стога, так, чтобы при всеобщем безмолвии раздавался единственно свист лозы, считалось молодежеством и давало право на некоторое уважение товарищей. Мудрено ли, что при бессердии воспитателей воспитанники скоро теряли подогревающий душу огонек семейной нежности и сами превращались в юных спартанцев. Побои и калатушки раздавались неумолчно в часы досуга, и большая или меньшая степень выносливости без жалоб служила мерой нравственной силы и вела к повышению в той же, разумеется, сфере, т. е. избитый в свою очередь избивал других. Так действовал в корпусе закон возмездия... Образовательная сторона оставила во мне благодарные воспоминания...»

Когда же через год старший брат выпустился мичманом, то Гриша уже пообвыкся. Тогда же отец привез в корпус и младшего Ивана. Теперь уже и Грише пришлось взять под свое крыло младшего брата. Семейственность Бутаковых в корпусе исключением не было. В ту пору служили родами и три-пять братьев, одновременно служивших на флоте, было обычным делом.

Из однокашников Бутакова свой след в истории оставили адмирал Бутаков и будущий основатель знаменитого завода Путилов.

Конечно, отправленным в детском возрасте за тридевять земель от

дома мальчишкам было тоскливо вдали от родительской ласки. Большим счастьем было наличие каких-нибудь родственников в столице, чтобы хоть иногда почувствовать себя в домашнем уюте. Мальчишкам Бутаковым повезло. В Петербурге тогда служил брат отца контр-адмирал Александр Николаевич. К нему все племянники в выходные дни и бегали. Дядюшка был хлебосол и племянников любил. Впрочем, не обходилось и без инцидентов. Об одном из них откровенно поведал в своих воспоминаниях на склоне лет и сам будущий адмирал.

У дядюшки было весьма забавное хобби. Он любил обклеивать морскими ракушками шкатулки, картинные рамы и тому подобное. Затем Александр Николаевич покрывал ракушки лаком, и получались весьма милые поделки, которые он при случае дарил друзьям. Сын дядюшки и соответственно двоюродный брат Гриши Коля (тоже кадет Морского корпуса), подражая отцу, так же обклеил ракушками коробку от лото. Показанная в корпусе коробка вызвала настоящий фурор и всеобщую зависть. Сообразительный Гриша тут же помог брату Коле выгодно продать коробку кому-то из кадет побогаче. Карманные деньги пришлись мальчишкам по душе. Прикинув возможные перспективы, братья наладили ракушечный бизнес. Брат Коля воровал из ящика на чердаке все новые и новые ракушки, обклеивал ими разную ерунду, после чего уже брат Гриша успешно продавал «морские изделия» товарищам. На вырученные деньги дворовый мальчик Ваня покупал обоим сладости. Все шло как нельзя лучше, но в один из дней дядюшка полез на чердак за ракушками и с удивлением обнаружил, что их там почти не осталось. Первым взялись за мальчика Ваню. После первой же розги тот рассказал о Коле, который берет ракушки и всегда при деньгах. Взялись за Колю. Тот держался дольше, но после второй порки тоже во всем сознался. После этого взялись и за Гришу. Ему досталось более всех, так как брат Коля обвинил во всем двоюродного брата. В довершение всего дядя обнаружил и пропажу денег в своем кабинете, виновником пропажи он также объявил племянника, о чем известил письмом его отца.

Иван Николаевич был взбешен поведением сына. Произошла весьма эмоциональная переписка. Гриша был убит горем. Еще бы! Отношения с дядей были испорчены, брата Колю он отныне презирал, что касается отца, то лучше и не говорить. Впоследствии Григорий Бутаков вспоминал: «Слово “воровать” поразило меня, и чтобы доказать, что я не воровал, я рассказал, что гривенник, на который Ванюшка побежал купить леденцов, я не украл, а получил за раковину, которую взял на чердаке...как заброшенную вещь. ...И в корпусе всегда был честным, потеряв платок,

никогда не сводил у другого, даже за потерянную пуговицу готов был всегда отдать несколько булок и сам не есть, нежели потихоньку отвинтить у другого. Сын дяди, Коля, вел себя подло... Я едва ли когда прощу ему, хотя не стану никогда и мстить! Об этом... я говорил Ивану Шестакову (однокашник Бутакова. – В. Ш.), когда он хвалил мне Колю, “да, он добрый человек и хороший малый”, но есть вещь, которую я ему никогда не прощу!»

Старший брат гардемарин, как мог, успокаивал безутешного Гришу:

— Обещаю тебе, что в первом же дальнем вояже куплю попугая, которого дам матросам, чтобы те обучили его ругаться по-баковому. А потом попугая сего вручим тетушке Александре Ивановне. То-то криков будет, когда попугай с ней заговорит!

План мести Грише понравился, и он долго еще мечтал, как они с Алексеем вручат тетушке веселую птицу.

Впоследствии, став уже сам офицером и помня о своих злоключениях, Бутаков всегда посылал учившимся в корпусе младшим братьям Володе и Михаилу деньги, чтобы те ни в чем не нуждались.

Незадолго до выпуска из корпуса был исключен Иван Шестаков, повздоровивший с одним из офицеров-воспитателей. Шестаков вообще отличался неуживчивым характером и друзей не имел, за исключением Бутакова, который, по своему добродушию, многое прощал своему склочному товарищу.

В январе 1836 года Григорий Бутаков окончил Морской корпус и был выпущен в мичманском чине. По списку старшинства, составленному в зависимости от успеваемости, он окончил курс 33-м из 56. Это говорит, что учился Гриша Бутаков весьма средне и ничем выдающимся среди своих соучеников не отличался. Впрочем, ему легко давались иностранные языки, и он с удовольствием их изучал.

После окончания корпуса молодой Бутаков попадает на фрегат «Венус», следующую кампанию плавает на фрегате «Александр Невский».

Что произошло дальше, вполне понятно. Зачем молодому офицеру служить на промозглой Балтике, когда у него дом и родители в Николаеве? Экая проблема – перевести мичмана! Отец обратился к Лазареву, тот подмахнул письмо. На Рождество 1838 года Григорий Бутаков уже был в объездах домочадцев.

Иван Николаевич Бутаков, занимавший в то время должность командира Дунайских портов и 3-й бригады 5-й флотской дивизии, был много лет дружен с Михаилом Петровичем Лазаревым. По традиции каждое воскресенье Бутаков-старший обязательно отобедал в доме у

Лазарева. Там за очередным обедом, скорее всего, судьба Григория Бутакова и была решена.

Боевое крещение

Адмирал Лазарев был не только выдающимся моряком и талантливым флотоводцем, он обладал еще одним уникальным качеством – умением воспитывать и обучать своих подчиненных так, что они на всю оставшуюся жизнь оставались продолжателями его взглядов на все стороны жизни флота. Десятилетиями Лазарев «ставил на крыло» новые и новые поколения молодых флотских офицеров, вкладывая в них свое сердце и душу. Именно так формировалась знаменитая лазаревская школа, не имевшая себе равных в истории отечественного флота.

Именно в ту пору Лазарев занимался воспитанием и выдвижением нового поколения своих учеников. Старшие: Нахимов, Корнилов, Истомин, Завойко, Путятин – уже давно встали на ноги. Теперь пришел черед младших. Как формировался корпус лазаревских любимцев? Во-первых, адмирал лично следил за службой каждого флотского офицера, быстро определял наиболее перспективных, на которых обращал больше внимания и занимался их продвижением. Ко всему прочему Лазарев сохранял товарищеские отношения со многими своими бывшими сослуживцами, которые зачастую присылали ему своих отпрысков с рекомендательными письмами. Отпрысками адмирал занимался особо, так это были сыновья его друзей. Однако и здесь он, прежде всего, определял профессиональную годность юношей, а затем или оставлял их в покое, или же, наоборот, приближал к себе и организовывал службу так, чтобы подающий надежды молодой офицер мог достаточно быстро пройти по всем основным ступеням восхождения к адмиральским вершинам, получив и всесторонний опыт и соответствующие знания. Особо отметим, что никакого снисхождения лазаревские любимчики не имели, шкуру с них драли в три раза больше, чем с обычных офицеров, но овчинка, как говорится, стоила выделки. Некоторые ломались и сходили с дистанции, остальные быстро росли в чинах и должностях.

На момент прибытия Бутакова в Николаев там имелась целая плеяда молодых лазаревских любимцев. В нее вошли Степан Лесовский (без отцовской протекции), Александр Попов (сын адмирала), Иван и Николай Шестаковы (сыновья сослуживца Лазарева по Балтийскому флоту). Все ребята толковые и в службе ревностные. От иных, впрочем, несколько

отличался Шестаков, но не знаниями и лихостью особой, а способностью связвить в отношении товарища, стремлением выставить себя в лучшем свете, чем иные. После отчисления из корпуса отец определил его юнкером на Черноморский флот, а затем, благодаря протекции Лазарева, он стал и мичманом. Прямодушный Лесовский Шестакова на дух не переносил и доверчивому Бутакову посоветовал:

— Ты, Гришка, от Ваньки-Каина держись подальше. Помяни мое слово, придет час, и продаст он тебя со всеми потрохами за рупь с полтиной!

— Да ты что! – отмахивался от него Бутаков. – Шестаков мне друг. Он сам мне в том клялся, и я ему верю.

— Ну, верь-верь, попомнишь еще мои слова! – махнув рукой, отходил Лесовский.

Служба на Черном море Грише Бутакову виделась не слишком обременительной. Как и каждый мичман, он мечтал прежде всего о заграничных плаваниях. Там было меньше рутины, много впечатлений и повышенное жалованье. В письме отцу Григорий практично замечал: «Если меня пошлют на шхуне за границу, у меня есть талисман, которым немногие обладают: я буду нужен своему командиру как драгоман (переводчик. – В. Ш.), если он сам не силен в языках (в чем я почти не сомневаюсь), и вообще, как офицер, знающий языки».

Но у адмирала Лазарева были на молодых мичманов иные взгляды. Один из современников отметил еще один важнейший прием работы адмирала Лазарева с офицерским составом: «Адмирал Лазарев сумел обставить завидными условиями службу на Черном море и этим привлечь туда цвет нашей морской молодежи. Лазарев не жалел ничего, чтобы лучше обставить жизнь наших моряков...»

Первое назначение было не из приятных – на линейный корабль «Силистрия», но с исполнением обязанностей младшего флаг-офицера при самом Лазареве. Лазарев специально взял к себе мальчишку, чтобы присмотреться к нему поближе, выйдет толк или нет. Младший флаг-офицер – это и адъютант, и секретарь, и порученец, и штабист в одном лице. В голове надо всегда держать массу информации, быть легким на подъем, но при этом не забывать и об учебе, так как Лазарев при каждом удобном случае любил экзаменовать.

Очень скоро мичман Бутаков убедился, что состоять флаг-офицером у Лазарева – это не портфель с бумажками носить за начальником. Сначала отправился с адмиралом на пароходе в Севастополь, а затем на «Силистрии» в Керчь. Там на корабль погрузили десант для доставки на

кавказское побережье.

В те годы Черноморский флот, в отличие от Балтийского, находился в состоянии постоянной боеготовности. И дело не только в том, что на Черном море плавали не три месяца, как на Балтике, а круглогодично. И не только плавали, но и воевали. Если русская армия вела многолетнюю войну с горцами на Кавказе, искореняя процветающую там работоторговлю и разбой, то Черноморский флот охранял кавказское побережье от английской и турецкой военной контрабанды и высаживал десанты при совместных операциях с армейцами. Помимо этого флот содержал и цепь приморских укреплений, так называемую Черноморскую береговую линию. Поэтому Лазареву приходилось постоянно держать от Анапы до поста Святого Николая, что располагался у самой турецкой границы, целую эскадру, именуемую между собой моряками Кавказской, или Абхазской. Служба на крейсировавших кораблях была весьма тяжелой. Частые штормы, постоянная готовность к бою, болезни, отсутствие свежей пищи не вызывали радости у назначенных в крейсерство, но служба есть служба.

В 1838 году было принято решение высадить ряд десантов войск для усиления цепи укреплений Кавказской береговой линии. Когда корабли Лазарева с десантом 12 мая 1838 года подошли к устью реки Туапсе, адмирал отправил Бутакова к командующему войсками на кавказском побережье генералу Николаю Раевскому (сыну героя 1812 года и другу Пушкина) для согласования действий.

Вначале огнем артиллерии были уничтожены укрепления черкесов в долине реки, а сами они отогнаны в горы. После этого пошел на шлюпках десант. Высадкой руководил Владимир Корнилов, командовавший тогда тендером «Луч». Горцы контратаковали, но были отбиты. Бутаков тоже участвовал в высадке. Ожесточенные бои продолжались трое суток, пока черкесы не были отброшены далеко в горы. Едва горцев выбили из их аула, на его месте сразу начали строить укрепление, названное Вельяминовским.

На следующий день линейные корабли двинулись в Севастополь. Лазарев же отправил Бутакова на тендер «Луч», который с отрядом судов оставался при войсках, начавших постройку нового укрепления. Почему адмирал так быстро избавился от своего нового флаг-офицера? По-видимому, он и брал-то к себе Бутакова, чтобы посмотреть, что тот собой представляет. Составив себе мнение о мичмане, он и отправил его служить на тендер. Эти маленькие быстроходные суда служили и для разведки, и для посылок, и для доставки пассажиров, а потому в портах почти никогда не стояли. «Лучом» командовал тогда лейтенанта Панфилов. Так судьба свела впервые двух офицеров, которым предстоит вместе

пройти огонь и воду.

Будем откровенны, первые впечатления командира о прибывшем к нему под начало мичмане были не слишком лестны.

Из воспоминаний офицера «Луча» Г. И. Филлипсона о начале службы Бутакова на тендере: «Юноша, недавно выпущенный из Морского корпуса, довольно вялый, с тоненьким, почти детским голоском. Ему часто доставалось от его энергичного командира, который за глаза называл его “гунявы” и ничего путного не ждал в будущем. Признаюсь, и я о нем имел то же мнение...»

Однако вскоре и командиру «Луча» Панфилову и лейтенанту Филлипсону пришлось изменить свое отношение к мальчишке-мичману с тонким голосом.

30 мая у кавказского побережья начался сильнейший шторм. Оставшиеся у Туапсе пароход «Язон», бриг «Фемистокл», два тендера и девять транспортных судов оказались в критическом положении. Якоря не держали, канаты рвались, как нитки, и, несмотря на все усилия команд, вскоре все 13 судов были выброшены штормом на берег. При этом «Луч» отнесло в сторону от наших аванпостов, за реку Туапсе. Прижимной ветер не давал возможности суденышку удалиться от берега, а потом и вовсе выбросил его на отмель. Теперь корпус «Луча» стали разбивать волны. Неподалеку выбросило и бриг «Фемистокл». Видя, что для его судна все кончено, Панфилов приказал всем кидаться вплавь и добираться до берега кто как может. Сам же последним покинул беспомощное судно, неся на плечах больного матроса.

Но на берегу обессиленных моряков поджидала новая напасть – горцы. Давно наблюдая за гибнущим судном, они теперь, почуяв наживу, бросились на берег. Хлестал дождь, и стрелять черкесы не могли, тогда они бросились «в шашки». Началась отчаянная рукопашная. Наши отбивались обломками весел и... камнями. Есть свидетельство, что «мичман Бутаков схватил весло и, размахивая им, бросился вперед, за ним устремились остальные». Поразительно, но, получив отпор, черкесы отхлынули, а потом, завидев выброшенный вдалеке на отмель бриг «Фемистокл», кинулись туда.

Остаться на берегу было опасно, черкесы могли вернуться в любой момент. И Панфилов повел свое почти безоружное воинство к реке. Однако перейти бурлящий поток Туапсе было нереально. Сзади же снова набегали черкесы. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не помощь оказавшихся на противоположном берегу солдат. Вскоре команда «Луча» была переправлена на другую сторону реки и оказалась в безопасности.

Шторм выбросил на берег в тот день целую эскадру из тринадцати судов. Большими были и потери в людях. Что касается «Луча», то его потери были минимальны: трое погибших и несколько раненых. Что касается Бутакова, то и при переправе на берег и при драке с горцами он вел себя весьма храбро, быстро и четко исполнял все приказания Панфилова.

Из доклада Лазарева: «Бедствие, постигшее мелкие суда наши на рейде Туапсе, есть одно из тех происшествий, которые случаются чрезвычайно редко и которые превосходят почти всякое вероятие. По действию, которое буря имела на суда наши, снабженные и управлявшиеся наилучшим образом, видно, что ураган свирепствовал с необыкновенной жестокостью и что огромное волнение, отражавшееся от берегов, кипело, как в котле. Оно, по-видимому, вливалось в таком количестве, что не успевало уходить в открытые порты и тяжестью своей подавляло суда вниз так, что не успевало уходить в открытые порты и тяжестью своей подавляло суда вниз, так что они не могли с необыкновенной легкостью подыматься на волнении...»

Это был самый настоящий форс-мажор, или, как говорили на русском флоте, «непреодолимые морские препятствия». А потому офицерам и матросам выдали деньги за погибшее имущество и наградили.

По возвращении в Севастополь Бутаков был награжден сразу двумя орденами. За участие в высадке десанта знаменитой «клюквой» – орденом Святой Анны 4-й степени, который носили не на мундире, а на эфесе сабли. И орденом Святого Станислава 3-й степени и окладом годового жалованья за храбрость при крушении «Луча». Что ж, начало службы было многообещающим. Еще и года не служа на Черноморском флоте, Бутаков уже побывал в двух серьезных передрягах. Теперь он был уже не желторотым юнцом, а понюхавшим пороха офицером.

Интересно, что мужественное поведение Григория под Туапсе было по достоинству оценено в его семье. Отец был, несомненно, рад, что сын его не опозорил, а вел себя в непростой обстановке весьма достойно. Помимо этого авторитет Григория признали и братья, и прежде всего старший Алексей. Иначе трудно объяснить его письмо Григорию из Кронштадта, где он советуется, просить ли ему отца о переводе на Черноморский флот. Любопытен и ответ младшего брата: «...как бы ни приятно было мне, чтоб ты служил в одном со мною флоте, не советую, если могу советовать, переходить сюда. Трудно, почти невозможно ужиться почти со всеми командирами, через которых можно бы выбраться на ветер. Все они чудные моряки, каких от души желаю более русскому флоту, но капризны,

вздорны, дерзки до Чрезвычайности, и, правду сказать, почти нельзя обращаться с “черноморами” иначе, как с матросом, потому что как редки минуты истинного счастья для человека, так редки здесь образованные люди. далее, зачемпустишь ты на ветер репутацию, которую ты заслужил в том флоте и которая даром достается, да не нашему брату».

Не будем искать в письме гриши бутакова неприятия им черноморских порядков и нелюбви к командирам. просто старший брат попросил совета у младшего, и тот, преисполненный собственной значительности, пишет ему ответ, пытаясь казаться и мудрым, и остроумным.

В морях твои дороги

А затем последовало назначение, о котором Бутаков мог только мечтать, – на шхуну «Ласточка», готовящуюся к плаванию в Грецию в распоряжение нашей миссии. Это значило, что свой экзамен Лазареву мичман сдал с оценкой «отлично» и отныне адмирал берет покровительство над ним.

Жил Гриша Бутаков, если не считая каждую копейку, то уж считая каждый рубль, это точно. Семья была большая, сестры на выданье. Их родителям надо было и учить, и одевать, и в свет выводить, где бы они могли найти подходящую партию. Что касается сыновей, то они должны были крутиться сами. Пока в Севастопольском адмиралтействе вооружали «Ласточку», Григорий проводил свободное время в Морской библиотеке, читал книги на английском и итальянском. Любопытный мичман был замечен посещавшими библиотеку старшими офицерами. Поэтому вскоре по предложению Корнилова Григория выбрали в ревизионную комиссию библиотеки. Там же в комиссии трудились и другие птенцы гнезда Лазарева – Лесовский, Попов и Шестаков.

Завидуя Бутакову, Шестаков говорил откровенно:

— Хорошо тебе, Гриша, и мир посмотришь, и прибавку к жалованью получишь.

— Хочу книг себе прикупить, там, говорят, они дешевле, чем у нас.

Переход в Эгейское море прошел без неожиданностей. Служба при миссии была не столь трудна, как у берегов Абхазии. Служба на «Ласточке» дала Бутакову хорошую практику, расширила кругозор. Домой он вернулся заметно возмужавшим и с чином лейтенанта, да и библиотеку пополнил редкими в России изданиями.

По возвращении из Средиземного моря Бутаков крейсировал у берегов

Кавказа на фрегате «Флора». Затем две кампании отслужил на транспорте «Кубань», снова вернулся на «Флору». Затем новое назначение, уже на шхуну «Вестник», но не вахтенным начальником, а старшим офицером.

Затем временно командовал тендером «Струя». Это была последняя проверка перед самостоятельным назначением. Можно представить, как старался Бутаков. Именно в это время он предложил некое усовершенствование для брашпиля. Лазарев оценил инициативу «птенца» по достоинству. Сам усовершенствованный брашпиль велел пометить в зале моделей Николаевского адмиралтейства, чтобы побудить и других офицеров думать. В июне 1844 года, после двухлетней подготовки, шхуна «Вестник» наконец-то ушла в Средиземное море. На этот раз Бутаков добывал в Неаполе и Ливорно, в Риме и на Мальте, снова плавал в Архипелаге. На этот раз Бутаков познакомился с новыми портами и службой на иностранных флотах. После возвращения он в 1845 году крейсеровал у берегов Абхазии на фрегатах «Флора» и «Сизополь».

Осенью 1846 года в жизни Григория Бутакова произошло событие особое – он стал командиром судна. И пусть это был крохотный тендер «Поспешный», все равно это было его первое судно! Но Григорию не повезло. В первом же плавании он посадил свой тендер на мель в Днепровском лимане. Но и это не все. Как раз в это время ударили морозы, за какие-то сутки стал лед. Пришлось лейтенанту во главе своей команды топтать по льду до самого Кинбурна за помощью. Лазарев к происшествию отнесся весьма спокойно: жертв не было, а судно Бутаков спас.

На вопрос Бутакова-старшего, что теперь будет с его Гришей, Лазарев лишь похлопал старого друга по плечу:

— Ничего страшного, первый блин, он ведь всегда комом!

Следующей весной он вызвал лейтенанта к себе:

— Готов ли ты, Гриша, к новой работе?

— Готов, ваше превосходительство, хоть в Китай плыть!

— Ну, в Китай, положим, плыть без надобности, а вот по Черному морю наплаваешься вдоволь! – усмехнулся Лазарев.

Лазарев давно уже хотел всерьез заняться черноморской гидрографией и уточнить изрядно устаревший атлас. Основную часть работы выполнил известный черноморский гидрограф капитан 1-го ранга Егор Манганари, но побережье от Дуная к Босфору еще нуждалось в уточнении. Для начала Лазарев договорился с турками, которым был обещан исправленный атлас. Работа по описанию побережья была поручена сразу двум Бутакову и Шестакову. Итак, два сына двух сослуживцев адмирала были определены на гидрографические работы. Конечно же, именно их Лазарев выделил из

сотен черноморских офицеров совсем не случайно. Это был шанс не только прекрасно изучить Черное море, но и вырваться вперед перед своими ровесниками. Возможно, адмиралу было любопытно и соперничество двух его «птенцов»: кто из них окажется лучше? Главное, что каждому из них был даден в подчинение тендер, и, таким образом, они отныне приобщались к капитанскому сословию. Бутаков получил под команду тендер «Поспешный», а Шестаков – «Скорый».

Перед тем как уйти в море, обоим пришлось детально ознакомиться с нюансами гидрографической съемки. Мудрый Манганари внушал:

— В нашем деле главное – тщательность и точность. Поспешность и скорость у нас не приветствуются!

Целых три года Бутаков не вылезал с морей. Впрочем, все это время он был предоставлен самому себе, над ним не было никаких начальников, и никто никуда от главного дела его не отвлекал. В зимнее время Бутаков, как всегда, много писал.

К 1849 году относится и первая публикация Бутакова в сентябрьском номере журнала «Морской сборник» статьи «Командир тендера. Несколько слов о тендерах и управлении ими». В статье Бутаков изложил собственный опыт командования тендером, наблюдения, причем в присущем ему хорошем литературном стиле: «Такой “куттер”, а по-нашему тендер, должен быть боек, ловок и легок, как мысль: вечно готовый пуститься к указанной цели, обреченный на всегдашнюю деятельность, т. е. в минуты отдыха в море он обязан быть настороже и по первому приказу вспорхнуть, как птица! Разделавшись с портом, тендер выходит рейд, но не для того, чтобы красоваться, как яхта, или ожидать посетителей (его могут даже и не заметить), а для того, чтобы быть готовым ежеминутно сорваться с цепи и лететь, куда толкнет его воля начальника». Вопреки устоявшимся мнениям, Бутаков доказывал, что на таком судне можно сниматься с якоря на желаемый галс, предлагал и свой способ ставить паруса в рекордные сроки.

Шестаков, в отличие от своего товарища, показал себя не с очень хорошей стороны и быстро охладел к нудному и долгому гидрографическому труду. В первую же кампанию он умудрился посадить на мель свой тендер, а потом все оставшееся время его ремонтировал. На следующий год объявил себя больным и уехал поправлять здоровье на воды. Бутакову же пришлось делать работу и за себя, и за своего хитромудрого товарища. Впрочем, он по причине своей добродушности в обиде не был. Наградой за трехлетнюю работу стали Святая Анна 3-й степени и чин капитан-лейтенанта. Увы, стояла осень 1850 года, последняя

осень тяжелобольного Лазарева. Работу Бутакова принимал уже ставший начальником штаба флота Корнилов, работой он остался вполне доволен. В следующий год гидрографический департамент Морского министерства издал «Лоцию Черного моря с 36-ю литографированными планами портов». Если бы в своей жизни Бутаков сделал лишь это, то и тогда его имя должны были помнить потомки.

Получил Бутаков награду и от императора Николая – перстень с бриллиантом. Эту награду он ценил весьма высоко всю свою жизнь. На одной из последних своих фотографий Бутаков запечатлен в полной адмиральской форме при всех регалиях, на пальце правой руки хорошо различим массивный перстень – его первая персональная императорская награда.

Помимо основной службы Бутаков в это время много пишет. В 1845 году он переводит с английского книгу «Взгляд на гавани, доки, судоходство и пр. Соединенных Штатов Северной Америки». Тогда же он начинает сотрудничать с «Морским сборником». Так много, как Бутаков, тогда никто не писал. Лейтенант был просто одержим сочинительством. За какие-то два года – четыре статьи. Среди них «О компасе с наклонной стрелкой» и «Об управлении тендерами», переводит с английского чрезвычайно полезную для корабельных офицеров брошюру «О свойствах тросов и цепей».

Литературная деятельность поощрялась Лазаревым, который всегда любил думающих офицеров. Однако не все было так просто. Дело в том, что он имел столь неразборчивый почерк, что и сам порой не мог прочитать написанное несколько дней назад.

Начальник штаба флота вице-адмирал Хрущев, отловив лейтенанта, совал ему под нос его же рапорта:

- Это что у тебя за ракушка?
- По-моему, это литера «буки».
- А может, литера «веди»?
- А может, и «веди», – вздыхал Бутаков, – я уже и сам не упомяну!
- А мне каково в твоих иероглифах бродить! У меня что, дел иных нет!

Дошло до того, что раздраженный бутаковскими каракулями Лазарев издал приказ о разборчивости в письме офицеров. И хотя в приказе конкретной фамилии не указывались, всем было понятно, о ком речь.

Делать нечего, пришлось Бутакову за свои деньги нанимать толкового писаря, который в его почерке разбирался и мог все бутаковские закорючки переписать набело.

Историк пишет: «...Первое пятнадцатилетие своей службы – возраст, важнейший относительно сформирования характера и привычек, – Григорий Иванович провел преимущественно на палубе, усваяя строгие порядки лазаревского флота и то практикуясь в искусстве парусного плавания, то занимаясь составлением лоции. Эта школа, так сказать литературно-строевая, вполне соответствовала характеру и наклонностям Григория Ивановича, привязала его к военно-морской службе, сделала из него замечательного искусного моряка и в то же время не мешала развитию в нем любви к книге и кабинетным занятиям».

К этому времени Бутаков стал достаточно популярен на Черноморском флоте как эрудит и интеллектуал, знаток иностранных языков и человек прекрасно разбирающийся в технике. Да и характер у него был незлобивый и спокойный. Всем было очевидно, что впереди у Григория Бутакова блестящая карьера и, может быть, даже адмиральские эполеты. По этой причине в дом его родителей зачастили николаевские кумушки, предлагая на выбор своих дочерей.

Мать Каролина Карловна с кумушками соглашалась:

— Конечно, конечно, пора бы уж нашему Гришеньке и семьей обзавестись. А там, глядишь, и детки пойдут!

Но суровый Иван Николаевич был категорически против:

— Нечего Гришке голову бабами забивать. Пусть пока службу правит, а за подол невесту еще поймать успеет!

Командуя «Поспешным», Бутаков пишет статью «Еще о тендерах в управлении ими», которую опубликовал в «Морском сборнике» в № 6 за 1851 год. Статья не осталась незамеченной. Ее прочитал император Николай, и статья ему весьма понравилась. В марте 1851 года Бутаков был назначен командиром строившегося в Англии парохода «Дунай». Капитан-лейтенанту предстояло ехать в Англию, где принять новый пароход и привести его в Николаев. Такое назначение считалось весьма почетным, и Бутаков был им очень горд. Ехал в Англию Бутаков сухим путем. По дороге он завернул в Вену, чтобы навестить там умирающего от рака адмирала Лазарева, но не успел. Буквальное за день до приезда Бутакова Лазарева не стало. Пришлось в Вене задержаться и заниматься отправкой тела своего учителя в Севастополь. В Англии была встреча с Иваном Шестаковым и сыном первого русского кругосветчика Платоном Лисянским, которые тоже занимались приемкой английских пароходов. Снимать решили одно жилье на всех, чтобы излишне не тратиться.

В сентябре начались ходовые испытания «Дуная» на Темзе. Бутаков нервничал из-за осадки парохода, которая значительно превышала

контрактную. Дело в том, что «Дунай» предназначался для буксировки наших канонерских лодок на Дунае, а на реке осадка порой имеет решающее значение. На запрос капитан-лейтенанта из Николаева пришел быстрый ответ: пароход принимать и как можно скорее перегонять его домой. Вечерами, коротая время, Бутаков умудрился написать и статью о компасах для британского морского журнала.

А затем было нелегкое плавание на суденышке водоизмещением каких-то 260 тонн. Почти весь переход Бутаков провел на мостике, но зато пароходик привел в Николаев целым и невредимым. Корнилов остался доволен. По приходе сразу же последовало назначение командиром брига «Аргонавт», но вскоре заболел командир «Дуная», и Бутакова вернули на пароход.

Все это происходило в преддверии посещения Черноморского флота императором Николаем. Император, осмотрев войска Южной армии, прибыл в Николаев, а оттуда на пароходофрегате «Владимир» в Севастополь, где и состоялся смотр линейного флота. Черноморцы показали себя с наилучшей стороны, и Николай остался доволен состоянием флота. Положил он глаз и на командира «Владимира» капитан-лейтенанта Аркаса, которому тут же вручил эполеты капитана 2-го ранга и отправил служить в Гвардейский экипаж. Если Аркас случившемуся был несказанно счастлив, то Корнилову предстояло теперь решать задачу, кого ставить на «Владимир». Впрочем, думал он недолго.

— Лучшей кандидатуры, чем Бутаков, нам не найти! — заявил он главному командиру Черноморского флота и портов Берху. — И опыт командирский имеется, а главное, что уже командовал пароходом, так что освоится быстро.

Берх не возражал.

А неумный Бутаков тем временем писал письма с предложением внедрить на флоте компас с наклонной стрелкой.

— На кой ляд нам эта стрелка наклонная? — пожимали плечами друзья-товарищи. — Нам и обычная годится.

— Как вы не понимаете, что новая конструкция позволит уменьшить рыскание стрелки и упростит работу с компасом! — горячился Бутаков.

— Ты бы, Гришенька, лучше о делах насущных думай, а об улучшениях компасов путь у начальства голова болит, на то оно и поставлено! — отмахивались от него друзья.

Впрочем, порой Бутаков серьезно рисковал своей карьерой, сочиняя весьма злые памфлеты. Так, в одном из таких памфлетов, сохранившемся в архиве, он писал об итогах императорского смотра Черноморского флота:

«Полубуйтесь, как по сигналу прислать вооруженные гребные суда они слетятся к борту флагманского корабля! Как мало им нужно время на вооружение, как быстро они при спуске готовы сделать выстрел! Зачем вам знать, что эти корабли выстроены не из дерева, а из репы, хотя за них заплачено, как будто они деревянные! Зато ядро неприятельское, пробивая репу, не губит людей осколками и щепами!» Надо думать, что, попади такие письма в чужие руки, Бутакову бы не поздоровилось, но все обошлось, корреспонденты его были людьми надежными и порядочными.

3 декабря 1852 года Григорий Бутаков стал командиром «Владимира», судна, которое вскоре прославит его на всю Россию. Значительно улучшилось и денежное содержание, так как на пароходах офицеры в то время получали более высокие оклады, чем на парусных судах. Сам же пароходофрегат вошел в состав 5-й флотской дивизии, начальствовал которой вице-адмирал Нахимов. Наступало время великий потрясений.

На мостике «Владимира»

Однако сразу заняться «Владимиром» у Бутакова не получилось. С февраля по май 1853 года он находился при посольстве князя Меншикова в Константинополе, отправившегося туда на пароходе «Громоносец». Сопровождавший посла вице-адмирал Корнилов взял с собой Бутакова, помня его знание Босфора, Константинополя и турецкого языка. Пока Меншиков вел переговоры, Корнилов с Бутаковым на пароходе «Бессарабия» сплавали в Смирну и Афины, чтобы освежить в памяти берега Босфора и Дарданелл, а заодно и оценить мощь приморских укреплений.

Сами переговоры шли очень напряженно и результатов не дали. Поддерживаемые англичанами и французами, турки отказались идти на уступки русской стороне. Тогда Меншиков пошел ва-банк и предъявил ультиматум, который правительство султана отвергло. После чего Меншиков демонстративно покинул Константинополь.

Через месяц русские полки вступили в дунайские княжества, а англо-французский флот, поддерживая турок, вошел в Дарданеллы. Война становилась почти неизбежной...

Пароходофрегат «Владимир» являлся на тот момент одним из лучших ходовых Черноморского флота, а потому в портах особо не застывался, носясь с различными поручениями по всему Черному морю.

Только с конца марта по середину ноября 1853 года на счету

«Владимира» было 242 ходовых дня, то есть у команды и командира не было ни одного полного якорного дня, не говоря уже о сходах на берег.

В августе Корнилов объявил «Владимир» репетичным судном эскадры. За этим назначением стояло многое! Репетичное судно – это судно, от которого зависит четкость передачи приказов в море, а потому в репетичные назначались всегда самые исполнительные командиры с самими отработанными командами.

К удовольствию Корнилова, Бутаков на «Владимире» увлекался не только маневрами с машиной, но и плаванием под парусами. Старым парусникам это было особенно приятно.

На «Владимире» новый командир сразу запретил и мордобой, и телесные наказания. Он был категорическим противником такой практики. Офицерам своим внушал:

— Пора отменить линьки совсем как вредные по последствиям своим для здоровья и ограничить меру исправительными наказаниями!

Команда отвечала на такое отношение обожанием и любовью.

Не забывал Бутаков и о воспитании подчиненных, причем делал это порой весьма оригинально. Из шканечного журнала «Владимира»: «2 июня “Владимир” стрелял в цель ядрами. По окончании пальбы в 10 кабельтовом расстоянии все гребные суда были посланы перебуксировать щит к буйку, поставленному в 6 кабельтовых. Лишь только они удалились от парохода на несколько кабельтовок, пальбу в щит ядрами возобновили через головы гребцов для укрепления их нервов перед войною. Не быв преуведомленными об этом, шлюпки, после второго ядра, бросились вправо. Тогда, с прежним возвышением орудий, пустили им туда через головы ядро. Они бросились влево. Пальба повторилась влево. Тогда они взяли прежнее направление к щиту и уже не уклонялись от летевших еще несколько времени через головы их ядер».

В августе «Владимир» участвовал в учебной атаке Севастополя, которую предпринял с эскадрой Корнилов. Пароходы «Владимир» и «Грозный» шли между двумя колоннами парусников и поддерживали баркасы, с которых высаживали десант под выстрелами береговых батарей.

В сентябре вместе с другими кораблями «Владимир» перевозил войска на Кавказ. Пароходофрегат доставил тысячу солдат Литовского полка. Высадка на рейде Анакрии была непростой, «Владимир» лишился якоря. Тем не менее флот при помощи пароходов успешно провел высадку и вернулся в Севастополь.

В начале сентября к Дарданеллам подтянулись британская эскадра вице-адмирала Дундаса и французская вице-адмирала Ласюсса. Флаг

британского командующего развевался на 20-пушечной «Британии», флаг французского на 112-пушечном «Вилле де Париж». Вскоре после этого авангарды союзников вошли в теснины Геллеспонта и бросили якоря в Мраморном море. Контр-адмирал Лайонс демонстративно поставил новейший винтовой 90-пушечный «Агамемнон» вблизи Константинополя. Орудийные порты линейного корабля были открыты. Это было уже вызовом, ибо в Лондонской конвенции о проливах утверждалось, что «проход через проливы Дарданелл и Босфора постоянно остается закрытым для военных иностранных судов, пока Порта находится в мире». Теперь у султана исчезли последние сомнения в том, что англичане и французы не оставят его один на один с Россией.

А сведения из Турции приходили одно тревожнее другого: на азиатской границе турки собирали большое войско, был объявлен и сбор местного ополчения-редифа. Наконец, в конце июля в Константинополь прибыла отборная египетская дивизия, еще одна была на подходе. Султан обратился к Англии и Франции, прося их добиться отвода русских войск из дунайских княжеств. Англо-французская эскадра по-прежнему стояла на якорях у Дарданелл.

Султан Абдул-Меджид нервно перебирал кипарисовые четки:

— Готов ли ваш флот пойти через проливы, если русские большой силой появятся у Босфора?

Послы закивали утвердительно:

— Мы в беде вас не оставим!

Абдул-Меджид, горестно вздохнув, произнес:

— Не будем торопиться, пусть на Дунае соберется все наше войско, тогда и нападем!

Российскому послу в Англии барону Бруннову было объявлено, что в случае атаки турецких портов русским флотом союзные эскадры сразу же вступят в Черное море.

Именно в это время на Черном море был потерян один из лучших пароходов Новороссийской экспедиции «Еникале». 17 октября этот пароход под началом капитан-лейтенанта Дандри следовал обычным рейсом из Севастополя в Ялту. В 4 часа 45 минут он неожиданно выскочил на каменную гряду у мыса Киркенес. Погода была ясной и тихой. Авария явилась результатом оплошности вахтенного штурмана и безответственности офицеров, призванных его контролировать. После столкновения пароход своим ходом пришел в Алупку и встал носом на мель. Пассажиров на гребных судах свезли на берег, а затем прибывший к месту аварии военный пароход «Грозный» доставил их в Керчь. На помощь

же потерпевшему аварию «Еникале» пришел пароходофрегат «Владимир» с такелажниками и водолазами. Всеми работами руководил капитан-лейтенант Бутаков. Носовую пробоину забили снаружи сосновыми клиньями и проконопатили паклей с замазкой. До 29 октября успели заделать люки, выгрузить груз и некоторые части машин, когда в полдень ветер с зыбью развел большое волнение. От ударов волн на пароходе сломались мачты и дымовые трубы, а затем разломило носовую и кормовую оконечности. Пароход «Еникале» погиб. Корнилов, узнав о потере «Еникале», был очень зол.

— Передай Дандри, что пусть теперь не показывается мне на глаза! – в гневе заявил он своему адъютанту Железнову. – Я так рассчитывал пополнить «Еникале» и без того не слишком сильный пароходный отряд!

В октябре нападением на пост Святого Николая на кавказском побережье и на Дунае стрельбой по нашим пароходам началась война, вошедшая в историю как Крымская.

23 октября вице-адмирал Корнилов наконец-то собрал все пароходы. Не выдержав ожидания подготовки эскадры Новосильского, вице-адмирал решил выйти в море с пароходным отрядом, чтобы лично осмотреть турецкие берега. Свой флаг он поднял на пароходофрегате «Владимир».

— Прикажете загрузить на выделенные в поход пароходы антрацит! – велел он командиру Севастопольского порта вице-адмиралу Станюковичу. – Он дает мало дыма, а при рекогносцировке это будет немаловажно!

— Увы, английского антрацита из-за прекращения поставок весьма немного и я могу обеспечить им только один пароход! – ответил Станюкович.

— Тогда грузите антрацит на «Владимир»! – мрачно кивнул Корнилов. – Он пойдет под моим флагом!

После этого, не теряя времени, он вышел в море, имея под началом помимо «Владимира» пароходы «Громоносец», «Одесса» и «Херсонес» – практически все, чем располагал на тот момент Черноморский флот. Курс отряда был проложен на Сулин.

Высокий и худой, болезненный и бледный, он бывал порой излишне нервозен, но подчиненные этот недостаток ему прощали, памятуя о необыкновенной работоспособности начальника штаба флота. Мало кто знал, что на самом деле здоровье Корнилова желало много лучшего, он быстро утомлялся, хотя никогда и не показывал виду. В такие минуты вице-адмирал старался остаться один и хотя бы несколько минут отлежаться на диване, чтобы потом снова кинуться в гущу дел. Вот и

сейчас он работал просто на износ, не жалея ни себя, ни других.

Выйдя в море, Корнилов передал на «Херсонес» запечатанный сургучом конверт с инструкцией для эскадры Нахимова. В инструкции Корнилов просил Нахимова при получении первого известия о выходе турецкого флота в море немедленно следовать вдоль азиатского берега к Босфору, чтобы отрезать отступление неприятельскому флоту. Сам же он предполагал с прибывшей из Севастополя эскадрой атаковать турок в лоб. «Если же Вам удастся предупредить Севастопольскую эскадру и застать неприятеля на якоре под его крепостями, то блокировать его до соединения, – заканчивал Корнилов свое послание, – и тогда, с Божьей помощью, может повториться знакомое вам Наваринское сражение!»

«Херсонесу» было велено оставаться при отряде и, только получив приказ начальника штаба флота, идти на поиски эскадры Нахимова.

24 октября утром Корнилов подошел к Сулину. Вскоре недалеко от берега был усмотрен дым.

— Править на сближение! – велел вице-адмирал.

Обнаруженный пароход оказался австрийским купцом, шедшим из Триеста в Сулин. Вызванный на борт «Владимира» капитан был весьма напуган обилием эполет и пушек. Однако несколько рюмок водки «от Бутакова» быстро привели его в чувство, а кошелек с золотом развязал язык. После этого австриец весьма охотно сообщил, что англо-французский флот стоит на якорях в Бейкосе, причем ходят слухи, что часть его пока и вовсе осталась в Галлиполи. Что касается турок, то они так и не покидали Буюк-Дере, хотя там якобы уже собрана особая эскадра для отправки в Батум.

— Известия весьма важные, но, увы, полностью доверять австрийскому капитану мы не можем, а потому вперед! – решил Корнилов. – Курс зюйд-зюйд-вест!

Перестраиваясь по обстоятельствам то в боевой, то в походный порядок, пароходы продолжили свой дерзкий рейд. Сам Корнилов, используя хороший ход «Владимира», отсутствие дыма при антраците и прикрываясь парусами, то и дело подходил вплотную к турецким берегам. Таким образом, им были осмотрены все заливы и рейды вплоть до Босфора.

26 октября пароходы подошли к Босфору. Дул сильный норд-ост, разогнавший крутую волну. Пароходы прилично валяло. Разойдясь в разные стороны, командиры пароходов внимательно осмотрели предпроливные воды. Они были пустынные.

— До пролива тридцать миль! – доложил штурман, определившись по

берегу.

— Григорий Иванович! – повернулся вице-адмирал к Бутакову. – Что у нас с барометром!

— Барометр быстро падает! – доложил командир «Владимира». – Да и уголь уже со дна бункеров выгребаем! Так что ничего хорошего нам не светит!

Настало время принятия решения.

— От Сулина до Босфора мы не нашли ни одного турецкого судна, – вслух резюмировал Корнилов, пряча лицо от соленых брызг. – Похоже, что турецкий флот действительно все еще стоит в Буюк-Дере!

Первые известия о намерениях турок были сообщены одним из пароходов, вышедшим за несколько дней до этого из Константинополя. Удалось выяснить, что английская и французская эскадры стоят в Босфоре перед самым выходом в Черное море. Помимо этого торговый капитан сообщил, что в Босфоре собирается и некая эскадра для Батума. Узнав эти важные новости, отряд Корнилова продолжил плавание к югу и 25 октября миновал мыс Калиакра, Варну, Бургас и Сизополь. На следующий день пароходы уже приблизились к выходу в Босфорский пролив. Это было рискованно, но Корнилов любил рисковать.

Составив письма с итогами рекогносцировки, Корнилов отправил одно в Одессу Меншикову на «Громоносце», а второе в Севастополь на «Херсонес». Сам же, оставив за собой в пяти милях «Одессу», чтобы та не выдавала его шапкой дыма, направился на «Владимире» в горло Босфора. В четвертом часу дня он обнаружил маяки, а между ними множество купеческих судов, среди которых вскоре выявил отряд турецких крейсеров – пять фрегатов, корвет и пароход. «Владимир» подошел к крейсерам почти на пушечный выстрел, приведя их в «большую суету и недоумение». Вдалеке в дымке были едва видны три больших парохода, тянущие на буксирах какие-то парусные суда, которые по величине рангоута можно было принять за фрегаты. Дело шло к боевому столкновению, но налетевший с северо-востока шквал и наступавшая темнота заставили вице-адмирала повернуть назад на соединение с «Одессой». «Тут я видел, – отметил впоследствии Корнилов в своем донесении, – какое преимущество имеют сильные пароходы, и скорбел о нашем в этом отношении недостатке».

В это же время «Одесса» обнаружила вдалеке сразу два турецких корабля, пароходофрегат и бриг, лежавшие на пересечении ее курса.

Подходящий к концу уголь заставил адмирала отказаться от randevu с эскадрой Нахимова. «Владимир» развернул свой форштень на

Севастополь.

— Конечно, хорошо было бы повидаться с Павлом Степановичем и приободрить его, но реально мы не можем сообщить ему ничего любопытного. Да, турки уже выглядывают из пролива, но пока не более, а потому берем курс на Севастополь! – подумав, принял решение Корнилов.

— Наращивание турками значительных сил у Босфора, похоже, можно считать доказанным! – обратился к Корнилову адъютант лейтенант Железнов.

— Судя по всему, турки все еще лелеют мечту о кавказском десанте! – вздохнул Корнилов, отдавая зрительную трубу Железнову. – Надо бы сразу сообщить Нахимову!

— У нас угля едва до Севастополя дошлепать! – подал голос капитан-лейтенант Григорий Бутаков.

— Будем пока держаться под парусами! Может, еще и приз какой-нибудь перехватим!

Был у вице-адмирала и свой пунктик. Корнилов буквально бредил увеличением состава Черноморского флота за счет взятых в плен неприятельских судов. Даже в наставлении командирам кораблей он писал недвусмысленно: «...Если бы счастье нам благоприятствовало, и мы бы встретили неприятеля, то с помощью Божией офицеры и команды судов, со мной отплывающих, вполне воспользуются случаем увеличить наш флот новыми кораблями». Больше всего мечтал начальник штаба о приобретении пароходов, которых Черноморскому флоту так не хватало. Именно поэтому все командиры кораблей и судов имели от него негласное указание по возможности стараться захватывать противника в плен. В преддверии возможных призов, которые надо будут вводить в боевой строй, Корнилов приказал очистить доки от давно стоявшего там безнадежно старого линейного корабля «Султан-Махмуд» и такого же древнего фрегата «Агатопль». Команды матросов ломали старые суда и освобождали доки.

Три дня спустя с «Владимира» обнаружили турецкую эскадру, вышедшую из Босфора. Правда, далеко от пролива турки уходить не рисковали, а держались под прикрытием своих береговых батарей. Но главным было то, что они все же начали высовываться, а это значило, что рано или поздно, но пролив они покинут!

— Значит, турки все же рискнули выбраться из своей норы! Это даже к лучшему. Возможно, что мы сможем покончить достаточно быстро! Поворачиваем на Севастополь! – велел обрадованный Корнилов командиру парохода.

Над черными трубами «Владимира» взметнулась шапка дыма. Форштевень пароходофрегата разворачивался на норд-ост.

28 октября «Владимир» с «Одессой» бросили якоря в Севастопольской бухте и сразу приступили к погрузке угля. Смелая разведка Корнилова имела важное значение для всех последующих событий.

Что касается «Херсонеса», то в тот же день, разлучившись с «Владимиром», увидел в два часа пополудни к северу от себя эскадру в шесть вымпелов, которую принял за эскадру Нахимова. «Херсонес» немедленно поворотил к «Одессе», чтобы предупредить ее об этом, но за мрачностью погоды на «Одессе» не заметили сигнала. Между тем «Херсонес» обнаружил на зюйде еще одну эскадру: три корабля, фрегат и пароход под турецкими флагами. Вскоре эту эскадру обнаружила и «Одесса». Желая предупредить об обнаружении противника Нахимова, «Херсонес» взял было курс на встречу с Нахимовым, но недостаток угля и усиливавшийся норд-остовый ветер принудил его также вернуться в Севастополь.

Адъютант начальника штаба флота лейтенант Жандр с тоской глядел на близкий, но недостижимый сейчас для него Севастополь. Где-то там в нагромождении домов был один, в котором он так желал бы очутиться больше всех иных желаний.

Утром 29 октября с подъемом флага на «Великом князе Константине» подняли и сигнал: «Государь ожидает усердной службы, а Россия всегдашней славы своего оружия».

Эскадра вышла в море утром 29 октября. Флаг-начальник штаба флота поднял на «Великом князе Константине». Командир дивизии контр-адмирал Новосильский свой флаг держал на «Трех святителях», а его младший флагман контр-адмирал Панфилов на «Двенадцати апостолах».

С рассветом 29 октября эскадра под флагом Корнилова в составе шести линейных кораблей, двух пароходов и брига взяла курс к мысу Калиакра, где он предполагал нахождение турок. Едва корабли отошли от берегов Крыма, как сразу же попали в полосу сильных шквалов. На подходе к мысу Калиакрия началась и хорошая болтанка. Ветры были противные, а потому в непрерывных лавировках эскадра продвигалась медленно. От нетерпения Корнилов не мог находиться в своей каюте и все время вышагивал взад-вперед по шканцам, приводя в трепет вахтенных офицеров.

Более всего Корнилов опасался за ветеранов эскадры «Двенадцать апостолов» и «Три святителя». Хотя и ремонт прошли своевременно и освидетельствованы как вполне годные к плаванию в открытом море, но

кто знает, что может наделать длительный шторм? По этой причине он всю ночь не мог заснуть, мучая себя всевозможными предположениями.

2 ноября ветер продолжался с сильными порывами, с дождем и градом, но к вечеру погода смягчилась, равно как и волнение.

Эскадра ложилась на курс к мысу Калиакра, а пароходофрегат «Владимир» рванул вперед, чтобы успеть осмотреть Балчик, Варну, Сизополь. Кто знает, не отстаиваются ли где-нибудь там загнанные штормом турки?

Следуя за «Владимиром», начальник штаба флота велел готовить корабли к бою. Трудно сказать почему, но в скорой встрече с турками Корнилов был уверен. Своим командирам он уже отписал подробную инструкцию будущего сражения: «Если открою неприятеля в Балчике или Варне, намерен атаковать его; для сего заранее изготовить пеньковые канаты с кормы... каната потребуется до 75 сажень...»

Наконец, в отдалении со стороны Варны прозвучали два пушечных выстрела. Неужели турецкая эскадра?

— Поднять сигнал «Изготовиться к бою», — сразу распорядился Корнилов, сам уже лихорадочно обдумывая, как ему атаковать обнаруженных турок.

Но тревога оказалась ложной. «Владимир» слишком близко подошел к крепости и был для острстки оттуда обстрелян. Никаких турецких судов в Варне обнаружено не было.

На пределе своих машин «Владимир» проскочил по другим портам, но везде картина была та же. Ни в Балчике, ни в Сизополе турок не было.

Когда же со встречного купеческого судна сообщили, что совсем недавно три турецких парохода ушли из Константинополя в Трапезунд, терпению Корнилова пришел конец. Не выдержав, он пригласил к себе Новосильского.

— Вот что, Федор Михайлович, — сказал он Новосильскому, — я перебираюсь на «Владимир» и иду на ост гляну Нахимова, чтобы его предупредить. Если не найду, иду в Севастополь. Ты же также бери курс ему навстречу. Если найдешь раньше меня, передай ему линейных кораблей, а с остальными возвращайся в Севастополь!

— Хорошо! — кивнул никогда ничему не удивляющийся Новосильский.

На «Владимир» просигналили: «Подойти к борту и принять адмирала». Бутаков, лихо срезав корму «Константину», подошел почти вплотную к флагманскому линкору. С «Константина» спустили адмиральский катер. Под трели боцманских дудок и барабанный бой в него спустился Корнилов с неизменным Железновым. Спустя несколько минут

начальник штаба флота и его адъютант были уже на палубе пароходофрегата. Взбивая плицами шквальную волну, «Владимир» быстро оставил эскадру далеко позади себя.

А в воздухе все отчетливее пахло надвигающейся грозой. Все шло к скорой войне. Что касается турок, то они намеревались активно обороняться на рубеже Дуная, а на Кавказе наступать на Грузию и Армению, с одновременной высадкой в тылу наших войск севернее Сухума целого армейского корпуса, который должны были поддержать черкесы во главе с Шамилем. Христиан Закавказья предполагалось вырезать. Затем предполагался поход к низовьям Волги и Дона, а если повезет, то и высадка десанта в Крыму. Так что аппетиты у турок были весьма немалые!

Бой с «Перваз-Бахри»

Отделившись от эскадры контр-адмирала Новосильского, «Владимир» под флагом начальника штаба Черноморского флота, описав дугу по Черному морю, взял курс на встречу с эскадрой Нахимова. 5 ноября с рассветом «Владимир» подошел на вид Анатолийского берега против Пендераклии. Море штормило, и «Владимир», зарифив паруса, едва выгробал паровой машиной против ветра.

Спустя несколько минут впередсмотрящий прокричал:

— Вижу паруса шести судов и отдельно дым парохода!

Эскадра была едва видна на горизонте, и определить ее принадлежность было невозможно.

Капитан-лейтенант Бутаков спустился к отдыхавшему в каюте Корнилову.

— К зюйду вижу паруса! Предположительно шесть вымпелов! – конкретизировал он увиденное.

— Никак Павла Степаныча нашли! – обрадовался Корнилов, выйдя наверх и беря из рук адъютанта подзорную трубу.

Он велел принести к себе карту и вместе со штурманом долго прикидывал по ней что и как. По всем выкладкам получалось, что сейчас «Владимир» находится в районе крейсерства Нахимова.

Наведя на обнаруженный дым зрительную трубу, Корнилов сразу понял, что это турецкий пароход, но какой именно – из-за дальности и плохой видимости разглядеть было пока невозможно. Вице-адмирал ударом сложил тубус зрительной трубы.

Увы, кто может знать что-нибудь наперед. Уже позднее станет

известно, что Корнилов не предполагал, что находится около Пендераклии, а ошибочно из-за шторма считал себя у мыса Керемпе, где и должен был крейсировать Нахимов.

— По обсервации мы в районе Амастро! Но открывшийся в тумане мыс напоминает Пендераклию, хотя из-за дымки вполне может быть и Амастро!

— Если это Амастро, то обнаруженная нами эскадра – нахимовская, которая находится там, где и должна находиться – к осту от Амастро. Ну, пароход, скорее всего, – это наша «Бессарабия», которая и должна быть сейчас при Нахимове.

— А если открывшийся мыс не Пендераклия?

— Тогда и этот пароход не «Бессарабия»! У Пендераклии «Бессарабии» делать нечего!

— «Бессарабия» имеет всего двести двадцать сил, против наших четырехсот, так что особого труда догнать ее не будет! – высказал свое мнение Бутаков.

Корнилов пытался разглядеть рангоут и трубу парохода. В дымке они все еще плохо просматривались.

— Неужто в самом деле «Бессарабия»? Эка жалость!

— К эскадре мы всегда подойти успеем, так что правьте на пароход! – обернулся он к Бутакову.

— Лево руля! – скомандовал тот. – Рулевой, править на дым!

— Есть лево руля, править на дым! – отозвался скороговоркой рулевой унтер-офицер, с силой вращая тяжелое штурвальное колесо.

Минуло еще три четверти часа, когда стало очевидно, что на пароходе заметили преследователей. Незнакомый пароход резко изменил курс, направившись к берегу.

— Кажется, нас заметили!

— И приняли за турок, ишь, к берегу повернули!

— Пора идти на пересечку? – посмотрел на вице-адмирала командир пароходофрегата.

— Конечно! И поднимите опознавательные флаги! – велел Корнилов.

Прошло несколько томительных минут. Убегающий пароход никак не реагировал на запрос.

— Почему не отвечают! – хмурился Корнилов. – Поднимите русский флаг!

Когда флаг подняли, на пароходе произошло какое-то оживление.

— Кажется, поднимают ответный! – сказал, не отрываясь от зрительной трубы, адъютант Железнов.

— Это турецкий флаг! Это турок! – не сговариваясь, выкрикнули через несколько мгновений Железнов с Бутаковым.

— Ну, что я говорил! – хмыкнул, повеселев, Корнилов. – Не зря, значит, гнались. Командуйте, Григорий Иванович, к бою! – велел он Бутакову. – Турок не должен от нас уйти!

Пуская густые шапки дыма, «Владимир» лег на пересечку курса неизвестному пароходу. Однако последний внезапно развернулся и, дав полный ход, пошел в отрыв.

Вице-адмирал опустил зрительную трубу:

— Нам представилась удача пополнить флот еще одним пароходом! И мы своего шанса не упустим! Правьте на дым! И прибавьте хода!

«Владимир» начал быстро сближаться с неизвестным пароходом, и к восьми утра были уже видны его рангоут и труба. Пароход, преследуемый «Владимиром», начал попеременно менять свой курс, то направляясь к берегу, то удаляясь в море.

Когда на нашем пароходе были в четверть десятого подняты рангоут и Андреевский флаг, неизвестный пароход принял вызов. Он поднял турецкий флаг и повернул прямо на «Владимир».

— Ого! – обрадовались наши. – Турки-то нынче как осмелели – сами в драку лезут! Придется проучить!

Тем временем турки, наконец, разобрались, кому они бросили вызов, и прыти у них поубавилось. «Владимир» явно превосходил их и в мощности машины, и в силе оружия. Капитан турецкого парохода резко изменил курс, но было уже поздно. Всем было ясно, что боя не избежать.

Спустя час «Владимир», дрожа всем корпусом, как в лихорадке, уже настигал беглеца. Кочегары падали от изнеможения. Давление пара держали предельным, и стрелка манометра дрожала давно на красной отметке.

— Турецко-египетский пароход «Перваз-Бахри»! – безошибочно определил Григорий Бутаков. – Предупредительный под нос!

Выстрел... и первое ядро легло у форштевня неприятельского судна. Это был сигнал остановиться! Однако предупреждение действия не возымело. Напротив, «Перваз-Бахри» пошел в отрыв.

— Второй предупредительный! – хладнокровно скомандовал Бутаков. – Постараемся по возможности избежать кровопролития!

На второй выстрел неприятельский пароход отвечал полновесным бортовым залпом. Неприятель ответил на это залпом всего борта, но все ядра перелетали через наш пароход. Так начался первый в мировой истории бой паровых судов – бой, навсегда вошедший в летопись

русской морской славы!

Опытным глазом Корнилов сразу оценил вооружение противника. На «Владимире» было на одно орудие больше, кроме того, он имел и три бомбических 68-фунтовых орудия, так что сила его залпа была значительна. Однако бой есть бой, и во время его случается всякое...

Наш огонь, не в пример туркам, отличался меткостью, и уже один из первых снарядов сбил с турецкого парохода флагшток с флагом, который скоро, впрочем, был заменен другим.

Стараясь нащупать слабые места противника, Бутаков с первых минут сражения непрерывно маневрировал. Вице-адмирал Корнилов, полностью доверяя командиру пароходофрегата, в ход боя не вмешивался. Командир «Владимира» распоряжался как на учениях, успевал следить за всем.

— Виктор Иванович! — кричал он в упор артиллерийскому офицеру Борятинскому. — Пора бы уж перейти на поражение!

Словно в ответ на недовольство командира, очередной снаряд «Владимира» сбил на турецком судне флагшток с флагом.

— Вот так и продолжайте! — махнул рукой артиллеристам Бутаков.

Окутываясь клубами черного порохового дыма, два парохода медленно крутились один подле другого. Умело уклоняясь от «Перваз-Бахри» и нанося ему в то же время ощутимые удары, Григорий Бутаков быстро определил, что вражеское судно не имеет орудий ни на носу, ни на корме. Капитан-лейтенант тотчас велел развернуть два 68-фунтовых орудия в нос и занял позицию в кильватер противнику. Теперь русские ядра продольным огнем буквально вычищали палубу турецкого парохода, производя в ней огромные разрушения. Сам Григорий Бутаков, зорко следя за действиями турецкого капитана, предусмотрительно пресекал все попытки вывести «Перваз-Бахри» из-под огня.

Турки сражались отчаянно, но русские моряки противопоставили им великую решимость и мужество. Не сразу, но постепенно наши стали одолевать.

Сам Бутаков вспоминал впоследствии о своих действиях так: «Увидев, что противник мой не имеет кормовой и носовой обороны, я направил два 68-фунтовых орудия по направлению своего бушприта и стал держать ему в кильватер, уклоняясь понемногу в одну и другую сторону, чтобы удобнее было наводить одну и другую по очереди. Когда же он, чтобы иметь возможность навести свои бортовые орудия, старался принять направление поперек моего курса, я уклонился в ту же сторону и громил его пятью орудиями своего борта».

К одиннадцати часам утра турецкий пароход уже потерял все шлюпки,

рангоут, дымовая труба зияла пробоинами. Ответный огонь с «Перваз-Бахри» начал быстро слабеть.

— Неприятель выдыхается! – оглянулся на Бутакова стоявший рядом Корнилов. – Нужен решающий удар!

— Вперед полный! – мгновенно отреагировал командир судна.

Под форштевнем «Владимира» вскипела пена. Пароходо-фрегат сближался с турецким судном вплотную. В упор пущенным ядром был буквально разорван пополам адъютант Корнилова лейтенант Железнов. Лейтенант на минуту спустился вниз, чтобы взять саблю на случай возможного абсордажа, но едва успел вновь подняться на мостик, как был убит. Кровью павшего адъютанта обрызгало стоявшего рядом Корнилова. Тот, глянув на обезображенное тело, лишь перекрестился:

— Господи, прими его душу!

И тут же вновь обратился к Бутакову:

— Григорий Иванович! Нельзя ли поторопиться с развязкой! Этак мы на помощь к Павлу Степановичу не успеем!

Командир пароходофрегата обернулся:

— Думаю, еще пару-тройку хороших залпов и турок будет наш!

— Хорошо, – кивнул вице-адмирал. – Вы капитан, вы и командуйте боем дальше!

Сойдясь борт в борт, противники перешли на картечь. Падали убитые и раненые, но Бутаков упорно гнал «Перваз-Бахри» перед собой, по-прежнему поражая его из всех орудий.

Около полудня точным попаданием с «Владимира» был тяжело ранен капитан египетского парохода. С мостика русского судна видели, как он пытался подняться на ноги. В это время новое ядро полностью снесло капитанский мостик «Перваз-Бахри». Надо отдать должное капитану-египтянину, который дрался со всей отважностью.

С гибелью своего капитана турки практически прекратили сопротивление. Два других офицера, как выяснилось, погибли еще раньше. Теперь турки помышляли лишь о бегстве. Бой вступил в заключительную фазу.

О финале боя вице-адмирал Корнилов писал в своем донесении: «В 13.45 мы были уже от него на расстоянии не более кабельтова и действовали несколько минут носовыми орудиями – все наши ядра ложились в корпус парохода, – потом, положив “вдруг влево”, легли на параллель ему на пистолетный выстрел и сделали залп, причем он спустил флаг и остановил машину. А мы пробили “дробь”».

На «Перваз-Бахри» поползло вверх Андреевское полотнище. Увидев

это, Григорий Бутаков выхватил саблю:

— Ребята, там поднимают русский флаг! Спасибо за службу!

Матросы ответили дружным «ура».

Общие потери противника были за сорок человек. Наши составили три матроса и лейтенант Железнов.

Офицер «Владимира» Виктор Борятинский так отметил эти незабываемые минуты в своем дневнике: «Мы тогда были совсем близко от неприятеля, и я, к великому удивлению, вижу турок. Сидящих на палубе и курящих трубки среди трупов... Мы посылаем сперва туда легкую шлюпку с лейтенантом Ильинским, чтобы овладеть пароходом, а потом два баркаса для своза к нам пленных. Первый турок, поднявшийся к нам на “Владимир”, кажется, полагал, что ему отрубят голову. Лицо его выражает смертельный испуг, но и покорность судьбе. Наш командир Бутаков, хорошо знающий турок, их успокаивает, отводит отдельную каюту офицерам... остальную турецкую команду на бак».

Из воспоминаний капитан-лейтенанта Бутакова: «В несколько секунд пролетевшей сквозь дымовую трубу, а потом между мной и адмиралом картечной пулей убило на кожуховой лодке адъютанта его Железнова в грудь навылет; под ногами моими, под площадкой, упал простреленный в голову картечью горнист, у носовой пушки тяжело ранило в голову командора, и на юте еще двух. В то же время упал на площадке гонимого парохода, простреленный в бок, капитан его, но скоро опять поднялся. Новые выстрелы осwirепелых при виде крови матросов наших и – вскоре неприятельский капитан скрылся, раненный второй пулей, а вслед за ним опрокинуло ядром площадку, на которой он так храбро распоряжался. Еще несколько ядер в расстоянии 50 саж., и неприятельский огонь прекратился, а вслед за тем и наш. Машины остановились, и вышедший на ют старик лоцман спустил свой флаг при восторженных “ура” нашей команды. Кроме лоцмана, не было в этот момент никого на палубе; но затем начали показываться из фор-люка команда и офицеры. Я закричал, чтобы командир приехал, но лоцман ответил, что он убит и шлюпки нет.

Посланные овладеть призом нашли на нем страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, рангоута и перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, членами человеческими, ранеными, кровью и каменным углем, которым была завалена его палуба, чтобы иметь большой запас! И внизу лопнуло несколько бомб. В носовой каюте разорвало ядром офицера, спустившегося тушить пожар, причиненный бомбой. Ни одной переборки, которая была бы цела! И все обрызгано кровью и мозгами! Бока, кожухи, будка избитые!

Паровая и дымовая труба как решето! Две половины перебитого у воды руля едва держались вместе! От грот-мачты отщеплено в двух местах более $\frac{3}{4}$ толщины ее, и она едва держалась! В фор-стенъ-такелаже нашли череп... Не забуду никогда момента, когда на пленном пароходе подняли наш флаг, я закричал команде, указывая в ту сторону: “Ребята! Там поднимают русский флаг!” Нужно было слышать, каким единодушным “ура” мне ответили. “Поздравляю!” Новое “ура”. “Спасибо!”

Замечательнее всего, что этот трехчасовой бой был слышен в то же время тремя эскадрами, которым раскаты грома бомбических орудий дали мысль, что происходит генеральное сражение, а они связаны по рукам и ногам безветрием и не могут принять участия. Одна из эскадр была вице-адмирала Нахимова, другая – та, которую вице-адмирал Корнилов оставил под флагом контр-адмирала Новосильского и которую быстро приблизил попутный ветер, и третья, турецкая, которую искал взятый пароход, и оказалось, что командовавший ею Гуссейн-паша не только также слышал эти выстрелы, но с салинга его видно было, что бой происходит между двумя пароходами.

К концу боя нашего задул мягкий ветерок, а когда пленных перевезли на “Владимир” и наша стрелковая партия заняла караул у крюйт-камеры и по всему пленному пароходу, а партия, назначенная по расписанию к заделыванию пробоин, хлопотала вокруг взятого парохода, чтобы привести его в состояние продолжать путь, с салинга закричали, что видны две эскадры! Одна была к стороне берега, другая несколько ближе первой к нам. Пленные показали, что у них в море две эскадры. Которая же наша из видимых? Это сделалось самым интересным вопросом. Имея в руках избитый приз и своих людей, утомленными продолжительной работой у тяжелых орудий, не обедавшими (до шести часов вечера) и не евшими ничего с шести часов утра. Когда я спустился в каюту доложить об этом Корнилову, он лежал усталый на диване. “Что бы вы сделали, если бы меня не было здесь?” – спросил он. “Пошел бы к ближайшей и, опознав ее, действовал бы, смотря по тому, чьей она окажется”. – “Так и делайте”».

Из воспоминаний лейтенанта Баратынского: «Подойдя к призу, мы узнали, что едва державшиеся вместе обе половины руля его отломились совсем одна от другой и что он с невероятным трудом правит посредством руль-штенкелей. Мы взяли его на буксир и воспользовались этим временем, чтобы послать туда нашего медика, только что кончившего операцию и перевязку своих и перевезенных с приза раненых, в числе которых был старший офицер пленного парохода. Медицинские пособия

были необходимы на последнем, тем из его команды, которые по причине слишком тяжелых ран и увечий не были перевезены на «Владимир». Большая часть из них не дожили до прибытия в Севастополь, хотя оставленный при них негр-лекарь мичманского чина очень усердно и ловко занимался их ранами и не без причины пользовался их доверием.

Вместе с медиком нашим съездили туда двое из пленных офицеров, чтобы привезти товарищам своим платья, подушки и одеяла, а комиссар египетский был послан привезти для своей команды белых сухарей и рису, так как пища русских матросов не шла им в горло. Что касается до офицеров, они прекрасно пообедали за столом нашего адмирала».

Корнилов в донесении князю Меншикову об этом бое писал: «Капитаны, офицеры и команда парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался как на маневрах; действия артиллерии были и быстры, и метки, чему лучшим доказательством служат разрушения, ими произведенные на неприятельском судне».

Тем временем пересаженная на борт аварийная партия уже забивала пробоины и откачивала воду из египетского парохода. Как ни торопились, но ход пленник смог дать только через три часа.

На «Владимире» тем временем допрашивали пленных. Вскоре было выяснено, что пароход шел из Синопа в Пендераклию, куда доставлял какие-то важные письма. Что было написано в письме, знал лишь погибший капитан. По слухам же, в Синопе вот-вот ожидают большую эскадру с Босфора. В Пендераклию же «Перваз-Бахри» спешил не просто так, а чтобы встретить там фрегаты Осман-паши.

Новость Корнилова встревожила. Судя по всему, события начинают развиваться стремительно, и дорога каждая минута, а он здесь застрял с призом, который теперь надо тащить в Севастополь.

Наконец двинулись. И сразу новость – вдалеке обнаружены сразу две эскадры. Первая на юге, вторая на западе. Одна из них была явно нахимовской, то другая могла быть только турецкой.

После недолгого совещания было решено идти на турок, начать с ними перестрелку, а потом отходить, наводя на Нахимова.

Но чем ближе «Владимир» подходил к неизвестной эскадре, тем больше сомнений оставалось, что это турки. Уж слишком четко держались корабли в строю, уж слишком туго был обтянут такелаж.

Наконец взглядывавший до боли глаз в зрительную трубу Бутаков оторвался от нее:

— Головным, ваше превосходительство, «Константин», за ним в

кильватере «Три святителя» и «Двенадцать Апостолов». Остальных еще не различить.

Сомнений не оставалось: перед Корниловым была эскадра контр-адмирала Новосильского.

— Курс на эскадру! – велел Корнилов.

— Ваше превосходительство! – деликатно прокашлялся Бутаков. – У нас угля в обрез до Севастополя!

— Как-нибудь дотянем! – отмахнулся Корнилов. – Надобно Федора Михайловича предупредить, что турки ожидаются у Пендераклии.

Вскоре сигнальщики увидели многочисленные паруса.

— Несомненно, это эскадра! – заключил Бутаков, наведя на них подзорную трубу. – Но чья?

Обнаруженная эскадра оказалась своей. Это был Новосильский.

Когда в пятом часу вечера «Владимир» подошел к эскадре Новосильского, он был встречен криками «ура». Корнилов приказал Бутакову обойти все суда и продемонстрировать первый приз в только что начавшейся войне. Это вызвало еще больший восторг у офицеров и матросов эскадры.

Корнилов предупредил Новосильского о присутствии в море турок, указал ему наиболее вероятное место нахождения Нахимова. Кроме того, Новосильскому было приказано усилить, если потребуется, эскадру Нахимова двумя двухдечными кораблями, а самому со 100-пушечными следовать на пополнение запасов в Севастополь.

С «Перваз-Бахри» тем временем спешно перегружали уголь на «Владимир», иначе пароходофрегат до Крыма было уже не дойти.

Историк пишет: «В 4 часа дня, едва только успели привести взятый пароход в состояние, возможное для продолжения плавания в Севастополь, на горизонте “Владимира” появились две эскадры. Одна, турецкая, – на юге, которую Корнилов вновь принял за эскадру Нахимова, другая же шла от запада, т. е. в направлении, данном отделившейся 4-го числа от Корнилова эскадре Новосильского. Но Владимир Алексеевич, предполагая, что это могла быть также и эскадра турецких фрегатов, пустив приз плыть по румбу в Севастополь, направился к этой сомнительной эскадре, в действительности оказавшейся принадлежащей Новосильскому».

Увы, как стало известно позднее, в погоне за «Перваз-Бахри» Корнилов пропустил эскадру Осман-паши. Это была та самая эскадра, которую он видел утром, ошибочно приняв за эскадру Нахимова. По всей вероятности, выйдя из Босфора и пробираясь вдоль анатолийского берега, турки были отнесены штормами на север, а потом, когда погода немного

стихла, снова направились к берегу. Но ничего этого Корнилов не знал. Что ж, на море порой бывает и так!

Но Корнилов не был одинок в своей ошибке: чуть раньше его, еще 1 ноября, почти вплотную к турецкой эскадре, приняв ее также за нашу, подходил пароход «Одесса».

«Одесса» должна была выйти из Севастополя вместе с «Владимиром», так как входила в отряд Корнилова, но задержалась из-за поломки машины. Выйдя двумя днями позже, «Одесса» старалась нагнать ушедший вперед отряд. Не обнаружив своих пароходов у берегов Румелии, капитан-лейтенант Керн повернул к югу (отчего окончательно разошелся с Корниловым!) и недалеко от берега Анатолии нос к носу столкнулся с турками. Неизвестно, как сложилась бы судьба маленькой «Одессы», но ее спасла ночь и ненастная погода. Турки быстро потеряли наш пароход из виду. Теперь Керн мчался на восток, чтобы успеть предупредить Нахимова о приближающейся турецкой эскадре. Но снова помешал его величество случай. У мыса Кемпе «Одесса» получила серьезные повреждения колесных лопаток. Так и не найдя Нахимова, почти обездвиженный пароходик теперь сам был легкой добычей для любого противника. Кое-как починившись, Керн велел поворачивать на Севастополь.

А потому, когда Корнилов, перегрузив себе часть угля с пленного «Перваз-Бахри», дотащился вместе с пленником до Севастополя, Меншиков уже знал, что турецкая эскадра находится в Черном море.

Из воспоминаний лейтенанта Баратынского: «7 ноября пароход “Владимир” вошел на Севастопольский рейд, ведя на буксире “Перваз-Бахри” с русским флагом, поднятым над турецким. Недалеко позади шел в то же время другой пленный турецкий пароход, бывший пассажирский “Медари-Тиджарет” (переименованный в “Турок”), взятый пароходом “Бессарабия” и ночью приблизившийся к Севастополю. Погода была прекрасная, и стечение народа огромное – всем хотелось поближе рассмотреть избитый и исковерканный пленный пароход...»

Встреча победителей была торжественной. Весь город от мала до велика был на берегах Южной бухты. Едва пароходофрегат бросил якорь, его командир отправился на «Перваз-Бахри». Несколько часов Бутаков внимательно осматривал повреждения турецкого парохода. На следующий день он уже с гордостью заявил:

— Имею теперь я полное понятие о сражении пароходов между собою, об их особой тактике и о том, какое оружие на них ставить надобно!

Вместе с призом Корнилов отправился в Севастополь, не подходя к эскадре Нахимова. Контр-адмиралу Новосильскому он приказал передать

Нахимову двухдечные корабли и тоже возвращаться в Севастополь.

Свидетельство участника событий: «Оставив приз исправляться и потом следовать к Севастополю, мы пошли к ближайшей из видимых эскадр, чтобы до наступления темноты опознать ее. К крайнему нашему удивлению, она оказалась эскадрой контр-адмирала Новосильского, так неожиданно быстро подославшего нас до самой полосы безветрия, в которой происходило сражение. Передав начальнику ее дополнительные приказания к вице-адмиралу Нахимову, вице-адмирал Корнилов приказал править к призу нашему, который уже шел узлов 6 или 7 по направлению к Севастополю, спустить верхний рангоут и по возможности очистить палубу от убитых, щеп и обломков всякого рода, которыми она была завалена. Изрешеченная ядрами и картечью труба его не давала в печах тяги, и потому ее обмотали войлоками. Машиной приза управлял отряд машинистов и кочегаров, назначенный туда с механиком-кондуктором, и в помощь им было отделено несколько человек из пленной машинной команды, а также пленный машинист-англичанин».

Для Владимира Алексеевича победа «Владимира» имела особое значение. Во-первых, потому, что этот прекрасный во всех отношениях корабль был построен под его личным наблюдением и при его активном участии и в первом же бою продемонстрировал свои высокие тактико-технические качества. Во-вторых, он не ошибся, предложив Меншикову назначить командиром «Владимира» капитан-лейтенанта Бутакова как наиболее достойного этой должности офицера. Вклад вице-адмирала Корнилова в первую победу Черноморского флота в Крымской войне не остался незамеченным: император приказал переименовать «Перваз-Бахри» в «Корнилов».

«Встреча “Владимира” с “Перваз-Бахри”, – писал об этом бое впоследствии адмирал Шестаков, – была первым, может быть, единственным сражением между двумя колесными пароходами: ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обеспечить ее по возможности от случайностей боя... Итак, честь первого, повторяю, может быть, единственного опыта борьбы колесных пароходов выпала на долю русских моряков».

Сам Корнилов по прибытии в Севастополь без обиняков заявил:

— Я имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собой, об особой тактике, которую они должны соблюдать!

Военный историк Е. В. Богданович писал: «За границу не верили победе “Владимира”; напротив, журналисты “привели” его в Константинополь и указывали на русскую религию об этом деле как на

образец официальной лжи. Что касается стоявшей в Босфоре англо-французской эскадры, то вот в каком виде дошло до нее известие об этой русской морской победе: “Крейсирующею по анатолийскому берегу русскою морскою дивизией даже взято уже одно турецкое купеческое судно”, – писал по поводу этого дела находившийся на французском адмиральском корабле официальный историограф предстоящей войны г. Базанкур...»

Историк Зайчонковский дал следующую исчерпывающую оценку бою «Владимира»: «Это первое пароходное дело в истории флотов и единственное состязание между двумя колесными пароходами привлекло на себя всеобщее внимание. “Перваз-Бахре”, новый, хорошей конструкции, с исправной машиной пароход, был избит до разрушения, кроме машины, которая уцелела, получив лишь несколько пробоин в паровиках и трубе. В кормовой части были вырваны целые доски, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, так что приведение парохода в состояние продолжать путь на Севастополь заняло более трех часов времени. Что касается “Владимира”, то он не потерпел почти никаких повреждений, но артиллерия его оказалась слабой на штырях и в скобах для брюков, которые не выдерживали отдачи орудия и задерживали скорость стрельбы. Это обстоятельство, по мнению Корнилова, в более равном бою могло бы быть сопряжено с гибельными последствиями. Командир “Владимира” весьма искусно воспользовался в бою обнаруженной слабостью противника – отсутствием у него кормовых орудий и, следуя ему в кильватер, бил турецкий пароход почти безнаказанно. Бутаков, подготовив надлежащим образом успех атаки, не замедлил этим воспользоваться, сблизился решительным движением вперед с противником и после нескольких залпов картечи заставил спустить флаг».

За победу в первом сражении пароходов Бутакова представили к Святому Георгию 4-й степени и насчитали 38 тысяч призовых денег. Офицерам «Владимира» были присвоены следующие чины «за отличие», а матросам выдали по 5 рублей, при этом каждый офицер и матрос также получил свою долю от призовой суммы. Сам «Перваз-Бахри» переименовали в «Корнилов», а его гюйс подарили Морскому корпусу.

На войне как на войне

На обратном пути из Синопа Бутаков буксировал поврежденный линейный корабль «Великий князь Константин» под флагом Нахимова. На

борт «Одессы» находились также раненый Осман-паша и пленные турецкие офицеры. Добродушный Бутаков сделал все возможное, чтобы пленникам было легче переносить плен. Турецкий адмирал прекрасно говорил по-английски, и Бутаков провел с ним в интересной беседе немало часов.

В рапорте князю Меншикову о Синопском сражении Корнилов предложил не исключать офицеров пароходов из числа участников сражения, среди отличившихся отметил и Бутакова. Позднее он вместе с другими офицерами пароходного отряда был включен в список награждения, подготовленный Нахимовым. Вице-адмирал представил Бутакова к производству в капитаны 2-го ранга: «За отличное исполнение возлагаемых на него обязанностей, примерные присутствие духа и храбрость. Он был весьма полезен при завладении турецким фрегатом и отводе его от города по своему знанию пароходного дела и турецкого языка». 18 декабря Бутаков стал капитаном 2-го ранга.

После боя с «Перваз-Бахри» у Корнилова сложились особо доверительные отношения с Бутаковым, который отныне пользовался особым расположением вице-адмирала и являлся фактическим членом его штаба, выполняя помимо своих командирских обязанностей и массу всевозможных поручений. Конечно, это порой и раздражало командира «Владимира», но, с другой стороны, он не мог не понимать, что за этим стоит особое доверие, которое надлежит оправдывать.

— Положа руку на сердце и новый чин, и Георгиевский крест я считаю большим авансом, который еще предстоит отработать перед Отечеством! — говорил он своему старшему офицеру князю Барятинскому, когда тот сетовал на большую загруженность своего командира.

Зима — время штормов, а потому черноморцы были заняты в это время приведением в порядок своих порядком потрепанных штормами и боями кораблей и судов. Многие корабли, особенно старые, требовали серьезной починки, новых мачт и тембировки.

Много было работы и на «Владимире». На паровые котлы поставили заплаты. В труднодоступных местах свищи замазывали особой замазкой. Пока «Владимир» чинился, перед Севастополем появились английские пароходы-разведчики. И Корнилов, и Нахимов торопили с работами.

К началу 1854 года в Севастопольской бухте собрался весь Черноморский флот. Последними подошли от кавказских берегов суда Абхазского отряда контр-адмирала Вукотича.

К началу февраля к выходу в море подготовили уже семь линейных кораблей. «Владимир» также вскоре был готов. Держа пары, он стоял в

Южной бухте. Когда 16 февраля у Севастополя вдруг появился очередной английский пароходофрегат, навстречу ему выскочили из Севастопольской бухты «Владимир» и «Херсонес». Для англичан это стало неприятной неожиданностью, и, не вступая в бой, они предпочли ретироваться.

По новому боевому расписанию «Владимир» вошел в эскадру защиты Севастопольского рейда. Все пароходофрегаты объединили в особый отряд под началом контр-адмирала Панфилова. Отряду надлежало стоять на якоре в определенных местах с готовыми стрелять вдоль рейда бомбическими пушками.

— Быть в готовности каждую минуту, вступить под пары, чтобы истреблять неприятельские брандеры, а в случае атаки вражеского флота — отходить за линию своих кораблей в Корабельную бухту, — объявил своим командирам седобородый Панфилов.

Молодые командиры идти в море и истреблять неприятеля готовы были хоть сейчас и прятаться в отдаленных бухтах не желали.

Затем «Владимир» выходил навстречу пароходу «Эльбурс», возвращавшемуся в Севастополь после зимовки в Николаеве. Все обошлось без эксцессов. Затем были и другие походы. Выходы в море «Владимир» совершал, как правило, по ночам и в туман, что требовало от его командира высокого профессионализма.

Вскоре поступили сведения о появлении в Черном море мощного объединенного флота англичан и французов. Корнилов с Нахимовым рвались дать неприятелю генеральное сражение. Но император и князь Меншиков считали, что в случае столкновения с союзниками наш флот потерпит поражение не только из-за отсутствия винтовых судов и малого количества пароходов. Даже по количеству парусных линкоров и судов противник имел многократное преимущество. Союзники бы просто задавили нас своей массой.

Ближе к весне англичане стали чаще появляться у берегов Крыма. А 15 апреля с «Владимира», патрулировавшего у Севастополя, заметили приближавшуюся английскую эскадру. Бутаков держал свое судно на горизонте от противника, пока тот не удалился на зюйд-вест. Но это было только начало.

17 апреля, после нападения на Одессу, союзники снова приблизились к Севастополю. И если основная эскадра держалась на почтительно отдалении, то пароходы по очереди, испытывая терпение черноморцев, приближались к входу в бухты. Когда они ушли, «Владимир» сам вышел в разведку.

— Траверз мыса Херсонес! — доложил штурманский офицер.

— Курс на Тарханкут! – скомандовал Бутаков.

— Неприятель! – закричал вахтенный офицер.

Из-за мыса быстро выкатился французский пароходофрегат и, дымя трубами, пустился в погоню за «Владимиром».

— А зачем за нами гоняться? – удивился Бутаков. – Мы и сами не против драки! Поворачиваем обратно! Курс зюйд-зюйд-ост!

Готовясь к бою, на «Владимире» заряжали пушки и спускали верхний рангоут. Бутаков принял вызов!

Француз поначалу не возражал против поединка, но, когда между противниками оставалось какие-то три мили, неожиданно повернул вспять. Несколько залпов вдогонку только придали французу прыти.

При полном господстве союзников на море маленький русский пароход дерзко гнал, как зайца, один из новейших британских пароходофрегатов. На выручку беглецу немедленно развернулись сразу два английских паровых фрегата. Ситуация мгновенно изменилась. Теперь уже Бутакову предстоял прорыв в Севастополь, так как неприятельские корабли старались отрезать его от входа в бухту. Не раздумывая, Бутаков бросился на прорыв. Над черной трубой «Владимира» металось пламя. Механики и кочегары выжимали из паровой машины все, что только возможно. Под бешено крутящимися колесами клокотала пена. Неравный поединок был, казалось, неминуем. Противники быстро сближались.

С крыши Морской библиотеки за развитием событий с тревогой наблюдал Корнилов.

— Кажется, попал наш Григорий Иванович в передрагу, – вздохнул он, обращаясь к стоявшим рядом офицерам. – Передайте мой приказ: пароходам – разводить пары, фрегатам – к съемке с якоря!

Разведывательный рейд «Владимира» грозил перерасти в серьезное сражение. Но, к счастью, этого не случилось. Едва капитан британского пароходофрегата увидел на внутреннем рейде Севастополя дымы двух русских пароходов, разводивших пары, он посчитал за лучшее резко изменить курс и начать отход. Спустя несколько минут тот же маневр повторил и капитан французского пароходофрегата. Обменявшись несколькими выстрелами с противником, «Владимир» благополучно проскочил мимо равелина на внутренний рейд.

21 апреля союзный флот вновь видели у Севастополя, а еще через неделю английский и французский пароходы произвели съемку входа в Балаклавскую бухту. 28 апреля союзный флот снова появлялся под Севастополем. 5 мая английский и французский пароходофрегаты подошли близко к Севастополю, но были отогнаны огнем береговых батарей раньше,

чем на «Владимире» и «Громоносце» развели пары.

— Надоели мне эти кошки-мышки, скорее бы уже и кулаками помахаться! – бурчал в усы Бутаков, поворачивая на входные створы.

В конце апреля «Владимир» был снова направлен в дальнюю разведку. На этот раз Бутаков должен был выяснить, ушел ли союзный флот от крымских берегов. Обогнув Херсонесский маяк, «Владимир» прошел еще два с лишним десятка миль, но не встретил на пути ни одного неприятельского судна.

— Осторожничают что-то наши «друзья»! – сказал Корнилов, выслушав доклад командира пароходофрегата. – Но нам это только на руку! Будем укреплять город!

Затем «Владимир» еще раз выходил в дальнюю разведку, доходя до самого Синопа, но неприятеля нигде не встретил.

Утром 3 июня все наши шесть пароходов под началом Панфилова выскочили из Севастополя напересечку трем неприятельским. Те сразу же рванули обратно. «Владимир», вырвавшись впереди всех, успел накрыть концевой противника несколькими залпами, сам так же, впрочем, получив пару ядер.

Командиры пароходов были удручены:

— Если бы у нас были суда специальной постройки, а не пакетботы с пушками, мы навели бы шороху по всему Черному морю!

Несмотря на начавшуюся блокаду Севастополя, отчаянные командиры наших пароходов не только вели разведку, но то и дело прорывали блокаду и доставляли припасы из Николаева.

Из николаевского имения Бутаковых Остапово слали письма родители и младшая сестра Саша, волнуясь за Григория, Дмитрия и Владимира. С тревогой интересовались что и как. В ответных посланиях братья успокаивали их, как могли. Получил Григорий Иванович и неожиданное письмо от Осман-паши. В письме турецкий адмирал прощался с Бутаковым, попросил передать привет командирам судов, а также выразить свое «особенное уважение» Корнилову и доктору Павловскому, который его лечил.

Последний прорыв блокады «Владимир» совершил в июле 1854 года, когда Бутакову поручили доставить секретные документы в Одессу новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору Анненкову. И прорыв к Одессе, и обратный прорыв к Севастополю были исполнены безукоризненно, с отвагой и холодным расчетом.

Осенью 1854 года союзники высадили в Крыму. После неудачного Альминского сражения, наша армия совершила фланговый маневр к

Бахчисараю, а союзники вплотную подошли к наскоро сооружаемым бастионам Севастополя. Руководство обороной города взяли на себя Корнилов и Нахимов, причем фактически самовольно. Первый отвечал за оборону Северной стороны города, а второй – Южной.

На второй день после Альминского сражения Корнилов собрал на совещание командиров кораблей. Вице-адмирал предложил выйти в море и атаковать неприятеля. Гибель Черноморского флота была бы при этом почти неизбежной, но Корнилов рассчитывал нанести немалый урон и союзникам, заставив их отказаться от действий в Крыму. Меншиков выходить в море флоту не разрешил, приказав затопить часть кораблей на входе в бухту, а Корнилову велел отправляться в Николаев. История донесла до нас ответ Корнилова:

— Остановитесь! Это самоубийство... К чему вы меня принуждаете! Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелем, – невозможно!

Бутаков присутствовал на этом знаменитом совещании.

Большинством голосов было принято решение оборонять главную базу с суши, загородив вход в бухты затопленными кораблями.

Из воспоминаний Григория Бутакова: «Тотчас затем последовало заявление капитана 1-го ранга Зарина, что выгоднее затопить вход старыми кораблями и командами подкрепить гарнизон. Кажется, эту идею поддержал и капитан 1-го ранга Бартенев. Я стоял у окна подле Нахимова. “Ну да-с, они очень рады затопить свои корабли”, – сказал он мне. Я помню, что ответил чем-то вроде следующего: “При таком мнении некоторых, можно ли выходить в море?”»

В это время к Корнилову пришел передать что-то от князя Меншикова дипломатический чиновник при нем Грот. Весь в пыли, не спавший ночь, измученный, он показался мне испуганным. Споры кончились словами Истомина к Корнилову: «Что вы прикажете, то мы и будем делать». И затем Корнилов распустил нас. Из дома Истомина многие зашли в клуб, и там я видел, как с генералом К. (фамилию в записках не разобрать. – *Примеч. авт.*) кругом которого всегда составлялась кучка, никто не хотел говорить. Идя к пристани, я свернул в домики Екатерининского дворца, где остановились князь Меншиков и его штаб.

Прощаясь с лейтенантом Шестаковым, убитым на Киленбалочных редутах, с которым я шел, я сказал ему: “Постараюсь показать князю Меншикову хоть одну спокойную физиономию”. Зайдя к адъютантам его, застал Виллебрандта и Веригина и узнал, что князь спит. В это время раздался пушечный выстрел. “Вот они!”, – воскликнул Виллебрандт, считая, что это неприятельский выстрел с Северной стороны. Я вынул часы

и сказал: “Полдень”. Виллебрандт перекрестился, хотя и лютеранин, и ответил: “Слава богу. Значит, они дают нам еще этот день!”»

Корнилов очень переживал происшествие. Возможно и то, что его не поддержал Нахимов, признавший решение князя Меншикова единственно верным.

Вечером Корнилов вызвал Бутакова к себе с парохода.

— Если неприятель с хода ворвется в Севастополь, флота нам уже не спасти, но пароходы можно! Берешься ли ты во главе отряда вырваться из бухты и попытаться укрыться в одном из отдаленных портов. — Корнилов был очень возбужден и говорил отрывистыми фразами.

— К прорыву готов! — ответил Бутаков, хотя и был обескуражен.

Тут же Корнилов набросал на листке бумаги, какому пароходу в какой порт следовать.

— Передай устно каждому из пароходных командиров мой секретный приказ в двадцать три часа сниматься с якоря и следовать по назначению.

С болью в сердце Бутаков спустился в шлюпку и отправился оповещать командиров пароходов о приказе Корнилова.

Однако уже через час Корнилов снова прислал за Бутаковым.

Утром следующего дня на входе в бухту, преграждая путь возможному прорыву неприятельского флота, легли на дно первые семь судов. Обходя на катере обреченные суда, Корнилов говорил плачущим матросам:

— Грустно уничтожать свой труд!.. Но надобно покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла!

Экипажи затопленных кораблей с пушками и абордажным оружием были сразу направлены на создаваемые бастионы. Там уже вовсю трудились солдаты гарнизона и местные жители. На бастионах неотлучно находились и Корнилов с Нахимовым. Они же назначили своего младшего товарища контр-адмирала Истомина командиром важнейшей оборонительной позиции города — Малахова кургана.

Оставшиеся на плаву корабли и суда стали, по существу, плавучими батареями. Активной частью оставались пароходы, и прежде всего «Владимир». Но и он уже использовался отныне не для крейсерства и разведки, а для перевозки людей, вооружения и материалов.

Севастопольская страда

14 сентября союзники подошли к Севастополю с Южной стороны, объединенный флот встал у входа в бухту. Пароходо-фрегаты «Владимир» и

«Крым» отошли в глубь бухты, откуда могли обстреливать занимаемые противником возвышенности. Через три дня подошли подкрепления и к нам.

Бутаков на «Владимире» тем временем перешел к устью Черной речки. Вскоре с него первыми увидели подходящие наши войска. Над грот-мачтой пароходофрегата взлетел сигнал: «Ура! Наши идут!» Измученных переходом казаков моряки кормили наваристыми щами, те черпали варево прямо шапками.

Понимая, что теперь в дальние походы ему в обозримом будущем уже не ходить, Бутаков при первой возможности отправился к Корнилову:

— Прошу, ваше превосходительство, получить в арсенале дополнительные орудия для установки их на пароходофрегате.

— А не боишься перегруза? – остро глянул вице-адмирал.

— Не боюсь, все расчеты мною выполнены. При маневрировании в бухте перегруз особого значения не имеет, зато мощь огня возрастет вдвое, а это, я полагаю, сейчас главное!

Корнилов коротко кивнул и подписал рапорт:

— Получай и устанавливай!

Через несколько дней «Владимир» имел две 10-дюймовые, пяти 68-фунтовых пушек, четыре 24-фунтовые и 18-фунтовые каронады.

— Мы теперича что еж в иголках: попробуй тронь, враз пожалеешь! – смеялись матросы, заканчивая установку новых пушек.

Не удовлетворившись этим, Бутаков снова сел за расчеты. На следующий день он собрал своих офицеров:

— Стрелять нам предстоит по противнику, находящемуся не только на отдалении, но и на возвышенностях. При обычной пальбе, пусть даже на максимальном угле, мы до противника вряд ли достанем.

— Что же тогда делать? – удивился старший офицер Лесли.

— На войне всегда есть выход из любого положения! – усмехнулся в усы командир «Владимира». – Попробуем в случае надобности создавать искусственный крен. По моим расчетам, семь градусов крена позволит дать нам прибавку в дальности до двух миль, а этого вполне хватит.

Приказом от 21 сентября 1854 года Корнилов указал для пароходов определенные места на рейде. «Владимир» и «Крым» должны были расположиться на левом фланге нашей оборонительной линии, «Эльбурус» – против Ушаковой балки, «Бессарабия», «Громоносец» и «Одесса» – на правом фланге, «Херсонес» – против Инкермана. Тогда же Нахимов подготовил инструкцию для пароходов, выходящих на позицию. Помимо «Владимира» в подчинение Бутакову был отдан и «Крым»,

стоявший в Килен-бухте, на стыке сухопутной обороны рейда. В этот период пароходы постоянно обстреливали неприятельские позиции, мешая сооружению батарей перед Малаховым курганом и соседними бастионами.

Так, 27 сентября Корнилов отмечал в письме: «Ночью было заметно движение от 1-го лагеря к Килен-балке, но бомбы “Владимира” его остановили». Действия пароходов отвлекали неприятельскую артиллерию и от обстрела Малахова кургана. Это было очень важно, так как не все работы по укреплению позиций были еще выполнены.

В октябре 1854 года началась небывалая по драматизму и героизму оборона Севастополя. Из обращения вице-адмирала Корнилова к морякам-черноморцам: «Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах? Он привел двойное количество таких, чтобы наступать с моря. Нам надо отказаться от любимой мысли – разбить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства. Главнокомандующий решил затопить несколько старых кораблей на фарватере. Они временно преградят вход на рейд и вместе с тем усилят войска».

Душой обороны Севастополя стал Корнилов. Его, как и Нахимова, видели всюду. Скромный Нахимов, не раздумывая, признал старшинство своего младшего товарища и помогал ему во всем, не зная ни сна, ни отдыха.

Подойдя к городу, союзники начали окапываться и устанавливать осадные батареи. И вот грянуло 5 октября – день первой генеральной бомбардировки Севастополя. Едва началась пальба Корнилов и Нахимов были уже на линии огня. объезжая под выстрелами линию обороны, они встретились на пятом бастионе. Затем Корнилов поспешил на Малахов курган. Мог ли кто тогда знать, что адмиралы видятся в последний раз?

Буквально через час только что прибывший на курган Корнилов будет смертельно ранен ядром в пах. Упав наземь, он успеет еще прошептать подбежавшим к нему офицерам:

— Отстаивайте же Севастополь!

Оборона Севастополя продолжается: бомбардировки сменяются атаками, а атаки новыми бомбардировками. Огромна убыль в людях, в тылу процветает воровство и спекуляция, но бастионы по-прежнему держатся. Достается и союзникам. Болезни, холод и русские ядра наносят и им немалый урон.

Только за 5–8 октября откровенный «Владимир» выпустил 341 бомбу и

164 ядра, заставив замолчать английскую батарею. По рассказам дезертиров, одно орудие с прислугой разорвало в клочья, остальные были повреждены и их перевезли на другие батареи. Ответная стрельба англичан была значительно хуже. Из полутысячи ядер, выпущенных ими по неподвижному пароходофрегату, попали только десять. При этом «Владимир» боеспособности не потерял, так как подводные пробоины заделывались в ближайшую ночь. Вслед за Бутаковым стали кренить свои пароходы для увеличения дальности стрельбы и другие командиры.

А на следующий день Бутаков вновь удивил и своих и врагов. Пушки «Владимира» впервые в истории нашей морской артиллерии вели огонь по невидимой цели – английской 22-пушечной батарее. И снова успех – батарея надолго замолчала.

24 октября 1854 года «Владимир» всеми орудиями поддерживал нашу армию в кровопролитнейшем сражении при Инкермане. Матросы с «Владимира» при этом навели еще и мост через Черную речку, облегчивший положение нашей армии.

Вскоре севастопольские офицеры выразили свою признательность Бутакову, избрав его членом походной думы георгиевских кавалеров, которая принимала решение о представлении отличившихся офицеров к ордену Святого Георгия. Из всех членов походной думы он был самым младшим в чине.

Но Бутаков не был бы Бутаковым, если бы не мечтал о морском бое. С этими просьбами он так надоел Нахимову, что тот не выдержал:

— Вон у входа в бухту маячит английский пароход, отгони или уничтожь его!

Бутаков действовал, как всегда, с выдумкой. Отвлекая внимание противника, он направил пароходофрегат «Херсонес» для обстрела неприятельского лагеря и судов в районе Стрелецкой бухты. Сам же на «Владимире» выскочил из Севастопольской бухты первым и решительно атаковал железный винтовой пароход «Мегара», стоявший на фарватере против Песочной бухты для наблюдения за нашими судами на рейде. Капитан-лейтенант Руднев на «Херсонесе» тем временем палил по стоявшим в Стрелецкой бухте пароходам «Катонн» и «Коршун».

«Мегара» вскоре не выдержала огня и отошла к своему флоту. После этого «Владимир» поддержал «Херсонес». Когда же на отходе наши пароходы вступили в бой с кинувшимися за ними вдогонку тремя неприятельскими пароходами, командир «Владимира» заманил один из них под огонь береговых батарей, и тот получил по полной. На отходе «Владимир» шел концевым, отстреливаясь из всех кормовых орудий.

Маневрировал Бутаков блестяще. Несмотря на долгую перестрелку, только одно ядро попало в мачту «Владимира».

Из хроники боя: «Выйдя быстро из-за бонов, Владимир полным ходом устремился к винтовому пароходу и сделал несколько метких выстрелов по неприятельскому лагерю, расположенному на восточном склоне Стрелецкой бухты, и по находившемуся в ней пароходам. Винтовой пароход, подав сигнал союзному флоту о неожиданном нападении, спешил уйти под выстрелы судов, расположенных в Камышовой и Казачьей бухтах, а Владимир, проводив его выстрелами, присоединился к Херсонесу и вместе с ним стал бросать бомбы по двум пароходам и по лагерю у Стрелецкой бухты. Между тем несколько неприятельских пароходов, успев развести пары, снялись с якоря, а потому, чтобы не быть отрезанным от входа в бухту, капитан Бутаков прекратил бой и возвратился в Севастополь. Потери в людях на наших пароходах не было и только перебито несколько снастей».

В рапорте адмиралу Станюковичу Нахимов отмечал: «Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелям, что суда наши хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке, что, составляя стройные батальоны для защиты Севастополя, мы ждем только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева...»

После этой дерзкой вылазки союзники постоянно держали у входа в бухту уже несколько больших пароходов. Преподанный урок они усвоили хорошо. За дерзкую вылазку к Песочной бухте Бутаков был награжден орденом [Святой Анны 2-й степени с мечами](#).

В конце 1854 года в Севастополь приехал Айвазовский, привезя несколько новых картин, посвященных нынешней войне. Картины были выставлены на всеобщее обозрение и вызвали огромный интерес публики. Среди других выделялись огромные полотна, посвященные Синопскому бою, и сразу три картины о бое «Владимира» с «Перваз-Бахри». Посмотреть картины заглянул и Нахимов. Поглядев на них, пожал руку художнику:

— Ваши картины чрезвычайно верно сделаны!

Нашел время посмотреть на творения Айвазовского и Бутаков со своими офицерами. Полотна им тоже понравились. Вечером в кают-компании только и было разговоров, что о картинах Айвазовского.

А бои продолжались почти ежедневно. В январе 1855 года контр-адмирал Истомин, командовавший левым флангом обороны, писал Бутакову: «...прошу опять Вашего огненного содействия. Французы опять

начали строить редут недалеко от той пятипушечной, оставленной неприятелем, батареи, которая так часто отведывала Вашего чугуна и у коменданта которой Вы беспрестанно портили обеденный суп: попробуйте дальность Ваших сокрушительных бомб на этот редут».

В начале февраля Бутакова ждало новое назначение. По представлению Нахимова князь Меншиков утверждает его в должности начальника штаба находящихся в Севастополе судов и частей Черноморского флота, но с оставлением в основной должности командира «Владимира». И хотя к этому времени численность флота поубавилась до нескольких пароходов и вспомогательных судов, дел у Бутакова сразу прибавилось. Прежде всего Нахимов поручил ему затопить вторую линию наших кораблей на входе в бухту, так как за время зимних штормов первая уже не представляла непреодолимого заграждения. Поэтому капитан 2-го ранга принял временное командование линейным кораблем «Двенадцать Апостолов», который быстро и тайно приготовил к затоплению. В ночь на 13 февраля корабли «Двенадцать Апостолов», «Святослав» и «Ростислав», фрегаты «Кагул» и «Месемврия» были затоплены между Николаевской и Михайловской батареями, чтобы окончательно преградить неприятелю прорыв на рейд.

В марте 1855 года Бутаков становится капитаном 1-го ранга «за отличие». Тогда же по поручению Нахимова Бутаков возглавил комитет, распоряжавшийся выдачей пособий раненым.

Так как союзники все чаще обстреливали рейд ракетами, Бутаков предложил свой способ борьбы с их попаданиями. В рапорте 7 апреля он писал: «Дав зажигательной части ракеты разгореться большим пламенем, достаточно было одной кружки воды, чтобы совершенно потушить ее».

— Дельно-с! – согласился Нахимов, бутаковскую бумагу прочитавши, обернулся к адъютанту: – Немедленно известить о сем бастионных и судовых начальников!

С бастионов пришло горькое известие о гибели бывшего старшего офицера «Владимира» капитан-лейтенанта Лесли. Бутаков пишет отцу погибшего офицера: «Судьба свела меня с Евгением Ивановичем Лесли в самом начале службы на тендере “Поспешный”, которым я тогда командовал. Благородный юноша, будущий прекрасный офицер. Плавал потом с ним у Румелийских берегов, прекрасный помощник, умный, добрый, веселый. Был на “Владимире” в бою, распоряжался орудиями носовой батареи. Назначен старшим офицером парохода. В деле 3 июля 1854 с 2 английскими и 1 французским пароходами был слегка контужен и в частых и дальних рекогносцировках заслужил лучшую репутацию всех

владимирцев...»

«Владимир» вместе с другими кораблями не раз огнем артиллерии прикрывал фланг укреплений. 26 и 27 мая 1855 года он помог удержать наши передовые позиции. Под вечер 26 мая после сильной бомбардировки французы атаковали Селенгинский, Волынский редуты и Камчатский люнет. Нахимов приказал пароходам развести пары. Вскоре «Владимир», стоявший между Павловской батареей и Аполлоновой балкой, открыл огонь; затем к нему присоединились другие пароходы и линейный корабль «Храбрый». Палили до наступления темноты.

В шканечном журнале «Одессы» записано: «26 мая 1855 года в 10 часов (вечера) по словесному приказанию капитана 1-го ранга Бутакова снялись с якоря и следовали обстреливать неприятельский берег и Селенгинский и Волынский редуты, где мы и все пароходы держались под парами под выстрелами неприятельских батарей».

Всю ночь «Громоносец» обстреливал захваченные противником укрепления бомбами. На рассвете 27 мая все пароходы развернулись против фланга противника: «Владимир» и «Херсонес» у бухты Голландия, «Громоносец», «Бессарабия» и «Крым» – против Килен-балки. С 3.00 до 5.00 пароходы обстреливали неприятельские батареи. Однако силы противника были значительно большими, чем силы защитников, и вернуть передовые укрепления не удалось; пришлось оставить и Забалканскую батарею.

В начале лета Бутаков внедрил на своем корабле предложенное кондуктором Константиновым усовершенствование – продольные клинья в орудийных станках. Это позволяло увеличивать угол возвышения орудия без откренивания парохода. Благодаря этому новшеству уже 6 июля удалось вести огонь по берегу не на якоре, а прямо на ходу. Помимо этого жизненно важные части парохода начали закрывать металлическими листами и мешками с песком.

5 июня союзники начали бомбардировку укреплений, особенное внимание уделяя Малахову кургану. Бутаков обратился к Нахимову с просьбой перевести его на какой-нибудь бастион:

— Каждый день во множестве гибнут мои друзья и сослуживцы! За все мои заслуги перед флотом я прошу вас лишь об одном: перевести меня на одну из наших батарей!

Лицо Нахимова сразу посуровело.

— Нельзя-с, – покачал он головой. – Вас нужно сберечь для будущего флота! Поговорим лучше о другом. Вчера нами обнаружено движение неприятельской пехоты через Черную речку. Готовится, судя по всему,

новый штурм-с! Поэтому будьте готовы в любую минуту поддержать своим огнем Малахов курган! Желаю удачи!

Штурм 6 июня был особенно яростен. «Владимир» вел огонь, маневрируя у Киленбалочной бухты. В какие-то минуты его бомбы разнесли в клочья штурмующую бригаду генерала Мейрана.

— Убейте меня! Я не желаю больше жить! – кричал в истерике Мейран, которого адъютанты под руки тащили в тыл по кровавому месиву из солдатских трупов.

В приказе от 9 июня Горчаков отметил особую роль пароходов: «Пароходы наши: “Владимир”, “Громоносец”, “Херсонес”, “Крым”, “Бессарабия” и “Одесса”, равно и батареи, устроенные в Северной стороне Севастопольской бухты, весьма много содействовали отражению атаки, поражая неприятельские колонны везде, где это было доступно».

За уничтожение бригады Мейрана командир «Владимира» был удостоен сабли с надписью «За храбрость».

28 июня 1855 года на Малаховом кургане Нахимов отдал приказания начальнику батареи и направился на вершину бастиона. Его догнали офицеры, пытаясь удержать. Но Нахимов отстранил их и взял подозрную трубу. Его высокая сутулая фигура в золотых эполетах была отличной мишенью. Офицеры и адъютант сделали последнюю попытку предупредить несчастье, убеждая хотя бы понизже нагнуться. Адмирал не отвечал, смотря в трубу в сторону французов. Просвистела пуля, явно прицельная, и ударила у локтя Нахимова в мешок с землей.

— Они сегодня довольно метко стреляют! – прокомментировал пулю Нахимов.

В этот момент грянул еще один выстрел. Адмирал упал на землю как подкошенный без единого стога. Штуцерная пуля ударила прямо в голову, пробив череп и вышла у затылка.

В сознание Нахимов уже не приходил. Утром 30 июня его не стало. Вокруг дома в молчании стояла толпа моряков и горожан. Вдали грохотали пушки.

Проститься с адмиралом пришел и Бутаков.

В те дни Бутаков готовил «Владимир» к новым неизбежным боям в августе. С пароходофрегата сняли мачты, орудия защитили тросовыми щитами, борта мешками с землей, руль прикрыли будкой из железных листов. Поменял Бутаков и тактику.

— Наша главная защита – подвижность, а потому будем стрелять только на ходу, прикрываясь от ответной стрельбы за береговыми высотами! Думается мне, что при таком раскладе противник просто не

будет успевать наводить на нас орудия! На то и расчет! – ухмыльнулся довольный командир «Владимира».

А 27 августа последовал еще один бешеный штурм города. На этот раз уже последний! Вновь выкрашенный в черный цвет пароходофрегат дрался у Килен-балки, снова его бомбы и картечь собирали обильную поживу среди атакующих колонн. Однако и неприятель начал понемногу пристреливаться. Чахлые фонтанчики упавших снарядов стали вздыматься все ближе и ближе. Появились первые раненые. И тогда Бутаков решился на, казалось бы, безрассудный маневр. Вместо того чтобы отвести свой пароход подальше от зоны обстрела, он, наоборот, подошел вплотную к берегу бухты. Расчет оказался верным. Высокий берег надежно прикрыл «Владимир». Его же пушки, задрав до предела свои стволы, продолжали бить по неприятелю.

А вечером 23 августа на «Владимир» с Малахова кургана привезли тяжелораненого лейтенанта 37-го экипажа Дмитрия Бутакова. Лейтенант наотрез отказывался ехать в госпиталь и просил старшего брата остаться с ним, чтобы умереть на руках родного человека. Два матроса водили Дмитрия под руки.

— Мы идем под бомбы, и тебе лучше в госпиталь. Я дам провожатых и офицера! Тебе надо срочно делать операцию, а на «Владимире» нет таких условий! – уговаривал его Григорий.

— Мне здесь будет покойней, чем в самом лучшем госпитале!

Дмитрия все же удалось уговорить, и Григорий отправил младшего брата в госпиталь на Северную сторону. С грустью смотрел он, как отошла от борта шлюпка, как слабо помахал ему рукой Дмитрий. Больше братья уже никогда не увидятся.

Буквально через час последовала команда начать бомбардировку неприятельских позиций. Действия парохода, ставшего к этому времени среди севастопольцев настоящей легендой, вызвали в тот день всеобщее восхищение. «Чудесное зрелище представляло это прекрасное судно, – писал об этом бое один артиллерийский офицер, чье имя осталось нам неизвестным. – Идет величественно вдоль бухт от Павловского мыска, изредка пуская гранату из носового орудия, отбиваясь как будто от назойливой мухи, от французской батареи... Поравнявшись с Килен-балкой, выстрелит из орудий целого борта и медленно поворачивает другим бортом... опять сделает залп и тихо отходит, заряжая свои орудия и отстреливаясь. И этот маневр он повторял беспрерывно в течение целого штурма. Это не покажется мудреным, если не прибавить, что командир “Владимира” капитан Бутаков первым подавал экипажу пример редкого

хладнокровия и неустрашимости. Все приходили в восторг, глядя на него, стоявшего на площадке над колесами и спокойно распоряжавшегося, как будто около него не летали ядра и не было вероятности быть убитым каждое мгновение. Хвала тебе, храбрый! Хвала и тебе, наш славный «Владимир»!

Но досталось и самому «Владимиру». Первая же неприятельская бомба, пробив правый борт, лопнула, разнеся в куски судовой лазарет, который был пустой. Начался пожар. Затем бомбы начали сыпаться как из ведра. Еще одна – в кают-компанию, сделав в борту огромную дыру. Следующая упала на палубу около машинного люка, разворотив палубу. Люди чудом уцелели, успев упасть на палубу по команде Бутакова: «Ложись!» Далее бомбы посыпались уже дождем. Борты зияли огромными дырами. Одно ядро было замечательно тем, что, попав в коечный ящик, стоявший с боку передней трубы, выхватило из него койку и, перегнув ее пополам, засело с нею в дыру, которую оно сделало этой койкою в переборке против колеса так, что койка предохранила колесо от повреждения».

Несмотря на огромные потери в тот роковой день, союзникам удалось захватить Малахов курган. Севастопольская страда подходила к своему концу.

Не видя смысла в дальнейшем пролитии крови, русское командование отдало приказ отходить на Северную сторону. По наведенному через бухту понтонному мосту начали переходить войска.

Вице-адмирал Новосильский прислал Бутакову приказ: «Предлагаю вашему высокоблагородию принять в свое командование все пароходы и суда, стоящие на рейде. Все баркасы, бывшие в гребном отряде, распределите по пароходам. Высылка катера под парламентским флагом проводиться будет по Вашему распоряжению».

Только ночью на 28 августа за два рейса «Владимир» перевез 2490 человек, много грузов и книги Севастопольской морской библиотеки.

А на следующий день «Владимир» подошел к занятому противником южному берегу под переговорным флагом.

— Я хочу забрать раненых, которых не успели вывести! Надеюсь, возражений не будет! – прокричал на чистом английском Бутаков в рупор.

От английской стороны погрузкой раненых руководил капитан Кеппель.

— Мы много наслышаны о командире «черного парохода», который доставил нам немало тревожных минут! – пожал руку Бутакову англичанин. – Надеюсь встретиться с вами при более спокойных

обстоятельствах!

Когда все раненые были загружены, «Владимир» отправился к противоположной стороне бухты.

Ночью на дно бухты легли последние линейные корабли: «Париж», «Храбрый», «Великий князь Константин», «Императрица Мария», «Ягудиил», фрегат «Кулевчи», совсем недавно бывшие красой и гордостью Черноморского флота России.

Пароходы еще два дня, как могли, укрывали от неприятельского обстрела. За это время сняли часть пушек, разгрузили припасы. Затем пришел и их черед.

В ночь с 30 на 31 августа 1855 года Бутаков, по приказу адмирала Новосильского, свез команды последних пароходофрегат, потом зажег и затопил их.

Когда «Владимир» отошел от берега на глубокое место, на занятом противником южном берегу началась паника, англичане и французы думали, что знаменитый «черный пароход» сейчас обрушит на них град ядер и бомб. Но ничего такого не произошло. Пароходофрегат отошел от берега не драться, а топиться. На пароходе открыли краны и подпалили сразу в нескольких частях. Орудия при этом были все заряжены и наведены на неприятеля. Взрываясь, они давали прощальный залп, как последний салют.

Со слезами на глазах командир последним вступил с палубы в шлюпку.

— Прощай, «Владимир», ты был и домом, и местом ратных дел. Здесь я пережил самые лучшие и горькие минуты моей жизни! — шептал Бутаков, глядя на погружавшийся в севастопольские волны черный остов родного судна.

В его глазах стояли слезы, которых он не стеснялся.

На берегу бывшего командира тут же определили «начальником рейдового отдела оборонительных линий северных укреплений Севастополя». И полки, и экипажи, перешедшие на северный берег, настолько перемешались, что только на наведения порядка в их рядах ушло почти два месяца.

Союзники наших почти не тревожили, штурм Севастополя стоил им столько крови, что больше воевать у них просто не было сил.

Через пару недель пришли вести и о раненых братьях, были они безрадостные. Дмитрий умер от ран в симферопольском госпитале. Владимир был жив, но с обожженным лицом и двумя тяжелейшими контузиями головы.

А вскоре и приказ из Морского министерства – ехать в Николаев и заниматься организацией его обороны от возможного нападения союзников. В жизни Григория Бутакова начиналась новая глава.

Николаевские университеты

В Николаеве Бутакова ждали убитые горем из-за гибели брата Дмитрия родители. Много было переживаний и о медленно идущем на поправку Владимире. Конечно, как и всякий отец, Иван Николаевич был рад стремительной карьере Григория. Подумать только, всего за три года из капитан-лейтенанта он стал капитаном 1-го ранга и флигель-адъютантом, георгиевским, аннинским и владимирским кавалером, да еще с золотой саблей «За храбрость». Такой карьеры не сделал больше ни один из офицеров Черноморского флота, а ведь храбрых и толковых было немало!

Но воевать больше не пришлось. Вскоре начались мирные переговоры, завершившиеся подписанием печально знаменитого Парижского мира. Россия не теряла ни пяди своей земли, но лишалась права иметь военный флот на Черном море.

Вскоре после окончания войны Бутаков был там же в Николаеве переподчинен вице-адмиралу Метлину на правах начальника его штаба. Метлин являлся заведующим морской частью в Николаеве и губернатором города.

Боевых судов на Черном море не осталось, зато остались многочисленные береговые и портовые конторы, с которыми теперь надо было разбираться: что-то сокращать, что-то реформировать. Помимо этого предстояло решать массу вопросов по пенсиям убитым и увечным, и прочим нескончаемым тыловым делам.

Тем временем в Петербурге младший брат императора Александра II генерал-адмирал Константин Николаевич провозгласил курс на создание нового парового флота. Двадцативосьмилетний генерал-адмирал желал видеть рядом с собой молодых и энергичных помощников, героев только что закончившейся войны. Бутаков, как никто другой, подходил для этого. Возможно, сыграло свою роль и то, что ближайшими помощниками Константина были в ту пору Александр Головнин, Алексей Грейг и Николай Краббе, с которыми у Бутакова были приятельские отношения.

В подчинении у Метлина Бутаков пробыл недолго. Скоро старого адмирала забрали в столицу, и бывший командир «Владимира» принял его

дела и остался один на один со всем ворохом местных проблем. В августе 1856 года Бутаков был произведен в контр-адмиралы с зачислением в свиту Его Императорского Величества, и это всего в каких-то тридцать пять лет.

17 февраля 1857 года после вручения 17 флотским экипажам Георгиевских знаменных флагов с надписью «За оборону Севастополя с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.» Бутаков объявил следующий приказ: «...Море вас приготовило, дорогие друзья и сослуживцы, море приучило вас не уметь бояться чего бы то ни было, оно сделало из вас чудо-богатырей, и приходится сожалеть об одном, что флоту нашему недовольно привелось на море же оказать те чудеса молодецкой удали, которые праправнуки теперешнего поколения будут ставить в пример другим из рода в род, в пример военного порядка, послушания, исполнительности, святого выполнения долга службы и присяги, от которых рождаются все доблести, столь заслуженно прославившие вас, гг. адмиралы, штаб- и обер-офицеры Черноморского ведомства. Распорядители торжества 7 февраля, выражая чувства морской семьи нашей, пожелали мне иметь как можно более таких сотрудников, каких незабвенный адмирал Лазарев имел в Нахимове, Корнилове и других, отчасти несуществующих и отчасти продолжающих трудиться и ныне на пользу Отечества и флота русского. Я имею вас всех сотрудниками и радуюсь и горжусь этим. Ни Нахимов, ни Корнилов не родились, а сделались Нахимовым и Корниловым, сделались потому, что постоянно ли себя всеми силами прежде службе, а погода себе, а не прежде себе, а потом службе; и никакие преграды, никакие огорчения, неизбежные в быту человеческом, не могли отклонить их... от этого пути. Вот весь секрет этих знаменитых вождей наших, завещанный нам в огне и пламени Севастополя, но который не был для вас секретом, как знает целый свет. Будем же помнить этот секрет, будем дружно стремиться к благой общей цели, и тогда я буду окружен все Корниловыми, все Нахимовыми...»

В силу своего нового положения Бутаков перебрался в дом, который некогда занимал незабвенный Михаил Петрович Лазарев, хотя и по-прежнему старался как можно чаще бывать у родителей.

Помимо бумажных дел, в это время Бутаков воссоздает Днепровскую флотилию. Правда, это были всего каких-то пять гребных канонерских лодок. Но все же лучше, чем ничего.

В это время великий князь Константин приходит к мысли о создании на Черном море «Русского общества пароходства и торговли» (РОПиТ). Директором общества назначили инициатора его создания Николая Аркаса. Сам Константин стал одним из главных акционеров. Пароходы РОПиТа

могли в случае начала войны быстро быть вооружены и использованы как крейсера. По существу, это было начало возрождения будущего флота, пусть пока и замаскированное и весьма скромное.

Верный корабельной привычке, он требовал от подчиненных, чтобы те делали доклады, излагая краткий конспект на маленьком листке бумаги. Многие считали это чудачеством нового начальника, Бутаков же искренне верил в то, что его начинание заставляет подчиненных лаконичней формулировать свои мысли.

Из Петербурга помогали советами товарищи по севастопольской обороне – бывший командир парохода «Тамань» Андрей Попов и бывший адъютант Корнилова Иван Лихачев. Лучшим же наставником был в ту пору отец, прекрасно знавший за много лет службы всю николаевскую «кухню». Именно он зачастую наставлял сына, уберегая его от скоропалительных необдуманных решений.

Григорий Иванович досадовал:

— Надо же было мне попасть на свою должность в такое время!

Не обходилось без терний. По Парижскому договору Россия имела право держать на Черном море всего шесть паровых и четыре парусных судна. Строительство их шло уже полным ходом, но все лучшие офицеры ушли к Аркасу в РОПиТ, где больше платили. Приходилось ругаться и с Аркасом, и с другими. Как бы то ни было, но все новые суда Бутаков укомплектовал. Несколько офицеров были отправлены в Англию для приемки новых пароходов и механизмов к ним.

Бутаков, знавший до этого только корабельную службу, был в тыловых делах не искушен, и приходилось нелегко. Молодой контр-адмирал почти в одиночестве вступил в неравную битву с казнокрадами и взяточниками, которыми кишело Николаевское адмиралтейство и местные тыловые конторы. Сам Бутаков описывал тактику своих действий против казнокрадов и взяточников так: «Зная, что мое бедное отечество подтачивается страшным червем взяточничества, этою повсеместною нашею гангреною, выбрал удобный случай, чтобы нанести в пределах вверенного мне управления удар всеобщему врагу... Мне нужна была для этого решимость, не содрагающая даже глаз на глаз со смертью, которая одна в состоянии понуждать на столь смелый шаг, не боясь поднимать против себя, неопытного в законоведении, целую стаю опытных кляузников, прошедших на этом поприще огонь и воду и как акулы чующих жирную добычу от раненого кита-подрядчика, совершенно готового сорить тысячами и десятками тысяч, когда в опасности его сотни тысяч и миллионы. Удобность выбранного мною случая состояла в том, что

подрядчик был кругом виноват и не заслуживал никакого сожаления, а главные из снисходительных к нему чиновников давно пользовались, и совершенно справедливо, плачевною репутациею и, следовательно, также не заслуживали сожаления в том отношении, что на них разразится удар, прежде их миновавший и минующий поныне столь многих не менее их виноватых и запятнанных».

Не сложились отношения с интендантом контр-адмиралом Швенднером, который был намного старше и пытался подмять под себя молодого начальника. Все закончилось скандалом, когда Бутаков обнаружил заведомо поставки гнилой муки. По делу Швенднер был отстранен от дел, а его компаньон купец Киреевский арестован.

Но у Швенднера нашлись заступники в столице. Наехали комиссии, и все утонуло в бумагах. Пошли слухи, что в отношении Швенднера Бутаков сводил личные счета. Отчаявшийся Бутаков сгоряча написал рапорт об отставке, но великий князь Константин не принял:

— Если мы будем из-за мешка гнилой муки выгонять в отставку боевых адмиралов, то с чем останемся? С мешком муки!

И рапорт Бутакова порвал.

Бутаков в Николаеве вызывал восхищение смелостью и решительностью одних и неприкрытую ненависть других. И хотя, видя расположение к Бутакову в высших сферах, недруги открыто схватываться с ним боялись, но пакостили, где только можно. Так, в один из дней Бутаков обнаружил в своей почте анонимный стихотворный пасквиль:

С Николаевым что стало: все в нем вдруг переменялось,
Да к тому же еще горю,
Эта тварь Бутаков собрал всех дураков,
За начальников их сажает и Сибирью угрожает.
Если кто-нибудь из них впишет в книгу лишний штрих.
Да еще он много-много им приказывал престрого
Выгоду разузнавать, чтоб гласно не воровать.
Между тем, чтоб досугом наблюдали друг за другом,
И узнают что о ком, доносить ему тайком...

И хотя рифма в сем стихосложении явно хромала, но злобы и яда было предостаточно! Николаевское время Бутаков до конца своих дней считал самым тяжелым страдным временем своей жизни.

Донимали и бесконечные просители, жены и вдовы. Многие действовали через отца и матушку. Помощь нужна была и многим боевым товарищам. Кто все еще не оправился от ран, кто находился за штатом, а ведь у большинства были семьи и дети. Всех приходилось выслушивать и

по мере сил помогать. Будучи холостяком, Бутаков открывал товарищам и собственный кошелек. Помогать приходилось и родственникам, многие из которых тоже нуждались, особенно сестры.

Сестра Надежда вскоре вышла замуж за адъютанта Григория лейтенанта Николая Скарятин. Пришлось помогать и ему. Скарятин Бутаков вначале определил командиром шхуны, а потом командировал в Англию изучать пароходное дело.

По ходатайству Айвазовского Бутаков помог остаться служить в Феодосии своему бывшему сослуживцу по севастопольским пароходам, талантливому художнику-маринисту лейтенанту Николаю Красовскому, обеспечив этим блестящую будущую карьеру живописца. Особо старался Бутаков помочь пенсиями вдовам и детям своим погибших на «Владимире» матросов.

Настоящим шоком для Бутакова и других черноморцев стало вскрытие в апреле 1858 года склепа Владимирского собора, где были захоронены погибшие во время обороны Севастополя адмиралы. Как оказалось, все могилы были вскрыты англичанами. Над трупами цинично надругались, с мундиров были сорваны эполеты.

В нечастые свободные часы не забывал Бутаков и о своих любимых литературных занятиях. Еще в 1855 году журнал «Морской сборник» опубликовал статью «Из артиллерийских заметок на Севастопольском рейде», в которой Бутаков изложил опыт своих действий в ходе обороны: стрельба с креном, стрельба по невидимой цели и с хода. С этого начиналась его работа над новой тактикой. Бутаков писал: «...Теперь, с введением на судах громадных орудий и с начатием опытов для определения возвышений, которые нужно давать этим орудиям при самых больших расстояниях, стало понятным, что в теории морской войны происходит переворот...»

Теперь в Николаеве, несмотря на административные и хозяйственные заботы, Бутаков не оставлял занятий по военно-морским вопросам. Он находил время для выходов в море с целью разработки основ пароходной тактики, начатой им еще в 1854 году по предложению Корнилова. Тогда Бутаков составил для своих пароходов краткое описание «эволюций». Теперь он более углубленно занимался теорией пароходной тактики.

Помимо этого Бутаков разработал и издал также «Правила маневра парового корабля», «Книгу эволюционных сигналов» и «Свод морских военных сигналов».

— Теперь в век пара нужна не слепая отвага, а смелость, соединенная с самообладанием, четким глазомером, научным мышлением и

ориентировкой! – говорил он сослуживцам.

Не часто приходили письма от старшего брата Алексея, который в это время плавал по Сырдарье и все никак не мог вырваться из песков в Европу. Наконец, покинул госпиталь израненный младший Владимир. Ему Григорий выхлопотал капитанскую должность на черноморском пароходе «Прут». И хотя пароходик был мал и слабосилен и дальше каботажу никуда не ходил, но времена были такие, что выбирать не приходилось, братья были рады и этому.

Теперь во время посещения родительского дома матушка все чаще вздыхала, памятуя о том, что пора бы Гришеньке обзавестись собственным семейством, к которому обязывали его и высокий чин, и не менее высокое положение. Наверное, в те дни не одна николаевская девица мечтала пойти под венец с таким завидным женихом.

На Бутакова была объявлена настоящая охота, и главный приз достался миловидной вдове подполковника Галафеева Амалии Арсеньевне (урожденной Рождественской). Вдова была бездетна и юна, всего каких-то двадцати лет. Родители были только «за». Как и положено, Бутаков запросил разрешение на брак у генерал-адмирала и после получения такового венчался с Амалией Арсеньевной в Остаповке.

Жена Бутакова оказалась дамой хваткой и быстро взяла власть в доме в свои руки. Бутаков этому не сопротивлялся, хватало своих дел. Супругу он явно любил и старался исполнять ее прихоти. Молодая адмиральша быстро вошла в роль и вскоре уже пыталась даже вмешиваться в дела мужа. Зная ее влияние на Бутакова, многие ходатаи обращались теперь прямо к ней, именуя мадам Бутакову заступницей и благодетельницей. В августе 1858 года в семье Бутаковых родилась дочь. Крестным отцом ее согласился стать великий князь Николай.

В том же году, будучи в Петербурге, Григорий встретился с братьями. Старший Алексей приехал с отчетом по плаванию по Сырдарье, а младший Иван готовился к командировке в Бордо, принимать под команду новейший винтовой фрегат «Ослябя». Имена отважных братьев Бутаковых были у всех на слуху, и их принял наследник престола великий князь Николай Александрович.

В следующем году, уставший от нескончаемой канцелярщины Бутаков, подал генерал-адмиралу «Секретную записку о положении в Черноморском управлении», где в резкой форме указал на недостатки в Морском ведомстве. Не получив понимания, он просил уволить его от должности и в отставку, ибо «полумеры в этом отношении были бы непоследовательностью с моей стороны».

Великий князь Константин вызывает его в Пирей, где отдыхал в то время, где уговаривает остаться служить, обещая всемерную поддержку.

В 1860 году пришлось заниматься Бутакову и совсем уж, казалось бы, сторонним делом – освобождением от крепостной зависимости черноморских адмиралтейских крестьян. Мне неизвестно отношение Бутакова к столь радикальным реформам, но, как человек военный, он все исполнил как должно.

Наконец в феврале 1860 года голос Бутакова был услышан.

Во главе эскадры

Если к 1860 году Черноморский флот давно лежал на дне Севастопольской бухты, то Балтийский стоял на приколе. Кампания 1859 года стала для него последней. Смысла в эксплуатации дорогостоящего, но ставшего небоеспособным в сравнении с европейскими паровыми флотами парусного флота больше не было. Большая часть кораблей и судов была обречена к разборке на дрова, но на нескольких из них были установлены купленные в Англии паровые машины. Так удалось создать небольшую паровую эскадру, которой предстояло стать зародышем будущего флота России.

Во главе этого соединения надо было поставить адмирала, имевшего реальный опыт войны на пароходах, авторитет в морском сообществе и личное стремление стать зачинателем такого большого и трудного дела. Лучшей кандидатуры, чем Григорий Бутаков, просто не было. И опыт, и авторитет, а главное – его желание создать новую тактику!

Вызвав контр-адмирала в Петербург, великий князь Константин был несколько смущен.

— Я прекрасно понимаю, что должность начальника Практической эскадры меньше по рангу, чем занимаемая вами сейчас. Согласитесь ли вы?

— Конечно, согласен! – не раздумывая, ответил Бутаков. – Эта должность как раз по мне, я же моряк, а не береговой кнехт! Наконец-то снова море и никакой тыловой сволочи перед глазами!

— Вот и ладно! – повеселел генерал-адмирал. – Для придания вашей должности соответствующего веса вы одновременно назначаетесь и младшим флагманом Балтийского флота. Эскадра, под вашу длань определяемая, прямо скажем, собрана с бору по сосенке. А потому ваша задача – это прежде всего подготовка кадров и отработка тактики ведения боя и маневрирования, а также организации службы на паровых судах.

Имеются ли вопросы?

— Все предельно понятно и никаких вопросов более у меня не имеется! – закончил Бутаков беседу.

Эскадрами он еще не командовал, да и Балтийский театр знал плоховато и все же был счастлив. Теперь под его началом было все то небольшое, что имела тогда Россия на море, – пять винтовых линейных кораблей: «Орел», «Константин», «Выборг», «Вола», «Ретвизан», винтовой фрегат «Громобой», корветы «Баян», «Калевала» и старый пароходофрегат «Камчатка».

— С чего будешь начинать? – поинтересовался у своего протеже адмирал Краббе.

— С организации службы! – ответил Бутаков.

— Ну а потом?

— Потом надо будет заняться отработкой маневрирования под парами. Для этого надобно, чтобы для согласованного действия паровой эскадры все суда описывали одинаковые круги в одинаковый промежуток времени. Посему здесь начну с того, что определю, во сколько времени каждый из вас может делать полную циркуляцию при обыкновенном ходу. Мы должны создать из отдельных судов единую боевую силу, и мы ее создадим!

— Что ж, тогда с Богом! – пожал Краббе руку Бутакову.

Осмотрев корабли и суда своей эскадры, контр-адмирал собрал к себе командиров.

— Я поставил себе задачу иметь возможность вращать в наименьшем пространстве линию эскадры нашей, в каком бы строе она ни находилась! И я эту задачу исполню! – объявил им Бутаков.

Командиры промолчали, понимая, что спокойная жизнь для них отныне закончилась.

Не слишком была довольна новым назначением мужа Амалия Арсеньевна. В Николаеве ей все было знакомо, к тому же она была там первой дамой. Теперь же предстояло жить в сыром и продуваемом ветрами Кронштадте, где и без нее адмиралыш хватало. Да и маленьким детям в Николаеве было куда лучше. Но делать нечего, переехали.

О времени командования Бутаковым Практической эскадрой историк пишет: «На кораблях были введены офицеры-дальномерщики, приборы для измерения дальности, для передачи с мостика на батарею данных о прицелах, учреждены сигналы для сообщения на другие корабли о скорости. Экспериментируя, контр-адмирал добился того, что разнотипные корабли научились двигаться согласованно. 5 сентября 1860 года его за

отличную службу наградили орденом Станислава 3-й степени с мечами. Назначенный весной 1861 года начальником Практической эскадры винтовых канонерских лодок, Бутаков использовал их для проверки своих идей. В приказе от 11 июля 1861 года он сформулировал основные задачи обучения: превратить эскадру в стройную силу и изучить все финские шхеры, в которых эскадре предстояло действовать. К концу кампании лодки хорошо держались в строю и совершали сложные маневры. Следующим летом Бутаков усложнил обучение, занявшись маневрированием при таранных ударах. За кампанию 1862 года моряки научились решительно действовать в шхерах, уверенно осуществляли все преобразования. Без преувеличения можно сказать, что плавание 40 канонерских лодок в 1861–1862 годах было для Балтийского флота своего рода событием».

На флагманском корабле Бутаков не засиживался. Легкий на подъем, он почти каждый день перебирался с одного судна на другое, чтобы обучать, наставлять, проверять.

— В каждом из вас должен царить дух соревновательности! — объявил Бутаков своим офицерам. — А потому отныне будем проводить гонки судов и шлюпок. Лучшие будут награждаться, худшие порицаться!

Помимо всего этого Бутаков теперь имел возможность всесторонне проверить свои исследования законов вращения винтовых судов. Применение паровой силы во флоте и замена деревянных судов железными влекли за собой и изменение тактики ведения боя. Именно этим вопросам он и посвятил свое очередное сочинение «Новые соображения паровой тактики». Труд контр-адмирала был сразу же замечен и оценен Академией наук Демидовской наградой «за совершенно самостоятельное творение, обогащающее литературу и практику новыми фундаментальными открытиями и исследованиями».

В конце 1860 года Бутакова определили в комиссию по расследованию гибели клипера «Пластун». Клипер возвращался с Тихого океана и неожиданно взорвался в виду Кронштадта. До сих пор причина гибели клипера неизвестна, однако есть основание предположить, что судно взорвал доведенный до самоубийства старшим офицерам содержатель крюйт-камеры. Отрядом судов, куда входил взорвавшийся «Пластун», командовал товарищ Бутакова по Севастополю контр-адмирал Андрей Попов. Разумеется, Попов был против версии о доведенном до самоубийства содержателе, бросавшей тень на него самого. На этой почве между адмиралами произошло бурное выяснение отношений, и былой дружбе пришел конец.

В раздоры двух бывших друзей свою лепту внесла и своенравная Амалия Арсеньева, за что-то невзлюбившая Попова.

В июне 1861 год у Бутаковых родился сын Александр. От императора Александра II супруга контр-адмирала была пожалована бриллиантовой брошью с изумрудом.

— Он будет продолжателем нашей династии! — заявил жене контр-адмирал, прибывая над колыбелью первенца портрет своего учителя — адмирала Лазарева.

В кампанию 1862 года в состав эскадры вошел отряд новых винтовых канонерских лодок. На них контр-адмирал проводил испытания шестовой мины. По итогам испытаний он докладывал великому князю Константину: «Всеми этими опытами комиссия под моим председательством пришла к убеждению, что идея миноносных судов заготовляет нам возможность иметь самое сильное оружие из всех досель придуманных, а заряд в один пуд произведет страшное разрушение в неприятельском судне при совершенной безопасности от этого для минного судна».

— Мне не надо внешнего лоска, мне нужно бесстрашие командиров в командовании своими судами! — внушал Бутаков. — Что мне за дело, что люди бойко кричат: «Ваше-ство!», тогда как мачты или гафеля смотрят в разнотычку, паруса плохо закреплены, постановка тента небрежная, за бортом висят концы, флаг или вымпел запутан, шлюпки дурно управляются, а буксиры подаются медленно!

Чтобы экономить время и не отправлять поломанные суда в Кронштадт, Григорий Иванович приказал оборудовать под плавмастерскую старый пароходофрегат. Один из механиков, служивших на эскадре, позднее вспоминал, что командующий задавал непростые вопросы об их службе и не терпел обманов. Он говорил кратко и ясно, добиваясь того же от подчиненных. Бутаков подбирал соответствующих помощников, не стеснясь выдвигать молодых способных офицеров. Как специалист, он вдавался в технические тонкости, не любил болтунов. С теми же, кто совершал ошибки, он разговаривал в каюте, а в особых случаях промахи обсуждали на собрании моряков в кают-компании.

Подготовку всех своих сорока канонерских лодок Бутаков начал с подготовки их машин и самих механиков, подготовка которых не блистала. Самые лучшие из механиков шли служить на железную дорогу, где условия труда были лучше, да и платили щедрее. Так что приходилось работать с теми, кто остался.

Ближе к лету весь свой «москитный флот» Бутаков вытаскивал на буксирах на Гельсингфорский рейд. Далее начинались непрерывные

совместные маневрирования и учения. В приказе от 11 июля 1861 года Бутаков сформулировал основную задачу обучения: «Нам нужно научиться для будущей (вероятно, железной) шхерной флотилии быть не стадом, наскоро согнанным, а стройною силою, толково, а потому и легко передвигающейся с места на место на основании современной науки и внушающей к себе уважение порядком и быстротой своих действий. Насколько мы продвинемся в настоящую кампанию в этих древней и современной науках, настолько мы приблизимся к славным для флага нашего в этих водах временам Петра...»

Затем, собрав офицеров, Бутаков ошарашил их:

— Идите в шхеры! Каждый из вас должен плавать там с закрытыми глазами без лоцманов.

Слова начальника кое-кто воспринял как блажь, ведь до этого времени все, как могли, избегали полных опасностей шхер, где продырявить днище было проще простого.

Бутаков же требовал идти в шхеры и, невзирая на опасность крушения, там плавать.

— За лихость и аварии наказывать не стану, а вот за робость и осторожность, наоборот, взыщу!

Так началось освоение дотоле безлюдных шхер. Теперь канонерские лодки могли атаковать противника, дерзны они войти в Финский залив из бесчисленных шхер, сами оставаясь для него недостижимыми.

Хитрый Краббе при случае намекнул генерал-адмиралу о том, что Бутаков на своей эскадре излишне увлекается и подвергает людей неоправданному риску.

— Напиши ему от меня, что сие меня тревожит, ибо ведет к напрасным авариям и гибели людей.

Бутаков письмо получил, а прочитав, на угол стола кинул:

— Мы тут не гимназисток готовим, а моряков и не на каруселях кататься, а на морях до смерти драться, а к этому привычка нужна немалая!

У Григория Бутакова был несомненный литературный талант, а потому некоторые его приказы можно читать как очерки: «Мне весело видеть, как “Осётр” пышет паром из всех ноздрей, идя для получения приказаний, и как командир этой лодки лейтенант Римский-Корсаков исполняет сигнал “приблизиться” так хорошо, что, несмотря на шум машин двух лодок, можно внятно и явственно переговорить с ним!»

Порвав дружеские отношения с Поповым, Бутаков тем не менее приятельствовал с двумя другими бывшими черноморцами — адмиралом Новосильским, бывшим тогда главным командиром Кронштадтского порта,

и капитаном 1-го ранга Лесовским, состоявшим у него в помощниках. Из письма Лесовского Бутакову: «Любезный Григорий Иванович! Я вчера был у Новосильских, и они поручили мне просить Вас и жену Вашу к ним в субботу на вечер (dancing). Передавая Вам это приглашение, напомним Вам, что квартира моя к Вашим услугам, равно как и я сам. Мой почтительнейший поклон Амалии Арсеньевне и за тем весь Ваш, Лесовский».

Когда из США стали приходить сведения об успешных действиях в ходе Гражданской войны на море бронированного «Мерримака» и низкобортного башенного «Монитора». Особенно потряс Бутакова таранный удар «Мерримака» в борт корвета северян, почти сразу пустивший его на дно. Бутаков сразу же решил действовать.

На судах эскадры читали приказ командующего: «Настало время железных флотилий... “Мерримак” ударил в бок не столько корвета, стоявшего на якоре, сколько в бюрократические морские администрации Соединенных Штатов и Англии, которые дремали под защитой деревянных стен своих кораблей и только в виде лакомства для балованных детей строили своим нациям несколько железных судов».

Приглашая по лазаревской традиции к себе на обед молодых офицеров, Бутаков теперь, не уставая, старался им внушать свои мысли:

— Настало время железных флотилий! Теперь вопрос о деревянных судах решен в самых тупых и непредусмотрительных головах тех стран, у которых мы, по нашим обстоятельствам, должны перенимать систему оружия. Итак, броня, башни и тараны! Скорость и совместный маневр – вот ключ к победе в морском бою! При этом таран есть главное оружие, артиллерия же ныне только создает условия для нанесения решающего удара в борт!

Что и говорить, заблуждался Григорий Иванович, но не он один. В ту пору таранными ударами были одержимы все флотоводцы мира.

За отработку нанесения таранных ударов Бутаков принялся истово. Уже в конце 1862 года он удовлетворенно докладывал в Морском министерстве:

— Флотилия моя доставила в нынешнюю кампанию полное удовлетворение, доказав на деле правильность теории паровых построений и действий таранами.

Тем временем Россия лихорадочно создавала новый флот. С одной стороны, массово строились клипера, корветы и фрегаты для плаваний в океанах, и прежде всего в Тихоокеанских водах, с другой стороны, начала претворяться в жизнь весьма амбициозная программа создания эскадры

броненосных мониторов для защиты Петербурга. Кроме того, всю шла подготовка к строительству больших бронированных океанских судов. Пока их еще закупали в Англии, но уже оборудовались новые заводы, где вскоре начнется их строительство.

Осенью 1862 года Бутакова командировали в Англию и Францию изучать тамошнее кораблестроение и состояние морского дела. Вместе с мужем увязалась и супруга, несмотря на то что снова была беременна. Но уж больно хотелось Амалии Арсеньевне Европу посмотреть. В Лондоне контр-адмирал встретил своего старого знакомого капитана Кеппеля, того самого, с которым он разговаривал во время эвакуации раненых с южного берега Севастопольской бухты на северный. Кеппель также не забыл командира «черного парохода» и помог Бутакову лучше познакомиться с новейшими английскими морскими артиллерийскими орудиями и разрабатываемыми артиллерийскими башнями. Привез с собой Бутаков новейшие сигнальные книги и даже по случаю купленный дальномер.

Итоги поездки Бутакова были столь впечатляющи, что великий князь Константин решил развить этот успех.

Вскоре контр-адмирал был вызван в Мраморный дворец. Константин Николаевич был в благодушном расположении духа.

— Считаю, что вам, Григорий Иванович, следует задержаться в Европе подольше. Морская техника сегодня в Европе развивается столь стремительно, что нам там нужен такой авторитетный специалист, как вы.

— Какие же будут мои задачи? – хмуро поинтересовался не слишком довольный новым назначением контр-адмирал.

— Изучение всего лучшего и перенесение оно в родное Отечество. Кому, как не вам, знать, сколь дорого мы заплатили за свою отсталость в Севастополе!

Так Бутаков стал военно-морским атташе в Англии и Франции.

В Европах

Закончив кампанию, Бутакову сдал дела и выехал в Европу в качестве военно-морского агента. Перед отъездом в министерстве контр-адмиралу вручили аккредитивы, что бы мог закупать необходимые чертежи и образцы техники, не стесняясь в средствах. Кроме того, предстояло собрать сведения о пропавшем без вести в Индийском океане клипере «Опричник». Амалия Арсеньевна поехала с мужем и с детьми с большим удовольствием. Лондон и Париж – это не дождливый Кронштадт!

В Лондоне Бутакова ждал ранее командированный туда капитан-лейтенант Александр Колокольников, бывший соплаватель по Сырдарье его старшего брата Алексея. Первым делом Бутаков переслал в Петербург чертежи английской двухбашенной броненосной лодки, строившейся на заводе Нэпира с башенными установками Кольза. Помимо этого вскоре наладили в Россию и поставку броневых плит для обшивки деревянных фрегатов, несмотря на откровенный саботаж англичан.

В связи с мятежом в Польше обострились отношения с Англией и Францией. Вот-вот могла начаться новая война. По этой причине Краббе слал Бутакову тревожные письма, чтобы все заказанное как можно скорее переправлялось в Россию. Из письма управляющего Морским министерством адмирала Краббе Бутакову: «...Мы находимся в таком положении, что разборчивыми быть нам невозможно. Нам нужно во что бы то ни стало иметь все нужное для броненосных судов, непременно в течение нынешней навигации...»

Да Бутаков и сам все понимал!

Дни и ночи он проводил на верфи Блэквол, где готовилась к спуску на воду броненосная батарея «Не тронь меня» и достраивалась на плаву плавбатарея «Первенец».

Вскоре в Лондоне появился Лесовский, возвращавшийся из США домой, с собой дядька Степан вез чертежи американских мониторов, чтобы самим на Балтике такие строить. Времени у друзей было мало, но вечера вдвоем за столом коротали. Но говорили больше о делах, о мониторах и новомодной сплошной броне.

Не теряли времени и другие командированные за границу офицеры, купившие кран для обшивки судов броней, доставшие инструкцию по производству литой стали способом Бессермена, дотоле являвшимся секретом британских металлургов. Помимо этого добыты были патенты винтовых двигателей и разработки судового электрического освещения, чертежи новейших броненосных фрегатов. Что и говорить, военно-морской промышленный шпионаж был поставлен Бутаковым и его соратниками на широкую ногу.

Многое делалось второпях, на нервах, но делалось. Наши офицеры рыскали по всем европейским портам, добывая информацию о том, что покупать, а что нет, за какие секреты платить, а за какие нет.

Свою резиденцию Бутаков имел на острове Уайт, поближе к верфям. Англичане относились к бывшему знаменитому капитану «черного парохода» с неизменным уважением. Из высказывания одного из посетивший Бутакова английских адмиралов: «Как счастлив ваш флот, что

имеет в своем распоряжении такое изобилие способных и славных адмиралов. Глядя на вашего Бутакова, невольно думается, что вы даже не особенно цените их, не находя соответствующего им дела и поручая им такие занятия, которые даже с большим успехом и удобством мог бы выполнить молодой капитан. Мы, вполне морская нация, не можем похвалиться лишними такими адмиралами».

Наконец, удалось отправить своим ходом в Кронштадт достроенный «Первенец», одновременно отправили и броневые плиты для новых фрегатов «Петропавловск» и «Севастополь». Хорошие новости были и из России. Мятеж в Польше был уже почти подавлен, а в Петербурге спущен на воду первый отечественный монитор.

Григорию Ивановичу и его сотрудникам удалось без препятствий со стороны властей отправить «Первенец» в Россию. В августе он прибыл в Кронштадт. Сумели они переслать и нужное количество многострадальных броневых плит для установки броневой защиты на фрегаты «Севастополь» и «Петропавловск». Получил контр-адмирал и только что отпечатанный в типографии Морского министерства свой труд «Новые основания пароходной тактики».

В 1864 году, закончив основные дела в Англии, Бутаков перебрался во Францию, поселился опять поближе к верфям в Ницце. И снова нескончаемые поездки по судостроительным заводам, выкуп (а порой и просто хищение) ценных чертежей и механизмов. Если в Англии Бутакову помогал капитан-лейтенант Колокольцев, то здесь весьма толковый подпопоручик Пульс.

Один из друзей Тургенева Н. В. Щербань пишет о близком знакомстве писателя с Бутаковым. Познакомились адмирал с Тургеневым в Париже, где жил тогда писатель. Привели Бутакова к нему братья Скарятини. Один из них, Владимир, был журналистом и старинным приятелем Тургенева, второй же, Николай, соратником Бутакова по севастопольской обороне и зятем Бутакова (мужем его сестры). Помимо них в доме Тургенева в ту пору бывали гусарский генерал Краснокутский, поэт Случевский и бывший декабрист Николай Тургенев. Можно только представить, какие интересные разговоры велись тогда на улице Риволи, что напротив Тюильрийского сада!

В Ницце Бутаков снова встретился с Лесовским. Дядька Степан успел за это время возглавить эскадру, которая поддержала правительство Линкольна. Теперь он на фрегате «Ослябя» прибыл в Ниццу. Вначале Бутаковы приняли Лесовского у себя дома, и Амалия Арсеньевна расстаралась со всем радушием. Затем чету Бутаковых уже принял в своем

салоне на «Осляби» дядька Степан. Если раньше Лесовского волновали американские мониторы, то теперь он находился под впечатлением от американских консервов, которыми мечтал снабжать наши суда в море вместо солонины. Но сколько дядька Степан ни уговаривал Амалию Арсеньевну отведать американского мяса, адмиральша деликатно отказалась:

— Что-то я, Степан Степанович, вкушать из ваших банок жестяных опасаясь, возьму лучше грушу!

Пришлось Бутакову побороться и за своего зятя Скарятину. Муж младшей сестры отважно дрался на Малаховом кургане, имел Георгиевский крест, ранение и контузию. Раны давали о себе знать, и Скарятин запросился в отставку. Адмирал Краббе начал капризничать, не желая терять толкового офицера. Пришлось подключиться Бутакову, и только тогда Скарятину уволили по ранению с полной пенсией и мундиром.

Но главным оставалось дело, ради которого Бутаков находился в Европе. Едва англичане начали строить первые мореходные броненосцы, как ребята Бутакова заполучили подробнейшие чертежи броненосца «Беллерофон», которые сразу переправили в Петербург. Там они попали в руки контр-адмирала Андрея Попова, который, не теряя времени, начал на их основе проектировать первый российский мореходный броненосец «Крейсер».

Турки заказали во Франции строительство двенадцати мониторов. Вскоре Бутаков имел всю необходимую по ним информацию.

Узнав об экспериментах со строительством подводных лодок, Бутаков тут же предложил:

— Если лодки будут нападать из-под воды, то лучше всего их ловить, как рыбу, сетями.

Кое-кто, узнав о предложении Бутакова, посмеивался:

— Совсем этот лазаревец из ума выжил, сетками корабли вылавливать?

Кто поумнее, наоборот, задумывались:

— А ведь в мыслях бутаковских есть немалый резон!

У самого Григория Ивановича на исходе 1865 года случилось два радостных события: родилась дочь, которую на семейном совете называли Марией, тогда же самому Григорию Ивановичу присвоили чин вице-адмирала.

В 1866 году началась Итало-австрийская война, в ходе которой неожиданно для всех австрийский флот нанес поражение итальянскому в сражении при Лисе. При этом корабли были потоплены таранными

ударами. Итоги битвы при Лисе произвели на Бутакова огромное впечатление. Он внимательно изучал все отчеты по сражению, встречался как с итальянскими, так и с австрийскими адмиралами, участниками битвы. Отныне и до конца своих дней Бутаков будет самым яростным сторонником таранной тактики.

В 1867 году открылась знаменитая Всемирная Парижская выставка. Бутаков был там аккредитован как председатель российской морской экспертной комиссии. Организаторы выставки договорились, что ее девизом будут только мир и процветание, однако на выставке присутствовал огромный военный отдел, который и вызывал самый большой интерес. Европейские державы и США демонстрировали новые типы нарезных орудий и самодвижущихся мин, телеграфные аппараты, броню и бронебойные снаряды, боевые прожектора, подводный кабель, который может связывать континенты, гидравлические подъемники и воздушные шары. России пока демонстрировать было особенно нечего, но наши агенты внимательно все представленное изучали для скорейшего внедрения у себя на родине. Россия уже разогналась для своего великого экономического прыжка, и скоро, совсем скоро изобретения ее ученых и продукция ее заводов получат мировое признание.

Возможно, одним из самых внимательных посетителей этой выставки был Григорий Иванович Бутаков, все примечающий и изучающий. Особенно его интересовал вопрос применения в судостроении литой стали и о том, как можно было бы быстрее внедрить такое литье на нашем Обуховском заводе.

На броненосцах

Поезд Париж – Петербург устало гроыхнул у перрона Варшавского вокзала. Вице-адмирал с удовольствием вдохнул свежий воздух столицы. Супруга была, наоборот, озабочена. В багажном вагоне Амалия Арсеньевна везла груды вещей, которые, по ее разумению, должны были украсить семейный быт, и очень волновалась за их сохранность.

В Морском министерстве Бутаков столкнулся со своим старым приятелем Иваном Лихачевым.

— Здорово, Гриша!

— Здорово, Ваня!

— Вот сдаю дела эскадренные и в Европу морским агентом отправляюсь.

— Ну а я у тебя эскадру принимаю и кресло агента европейского освобождаю.

Ответ на вопрос, для чего понадобилось менять местами двух адмиралов, каждый из которых был, в принципе, на своем месте, мне неизвестен. Можно лишь предположить, что великий князь Константин с Краббе решили просто перетряхнуть кадры, чтобы адмиралы на одном месте долго не засиживались. Кроме того, между Лихачевым и Константином тлел старый конфликт, еще со времен командования Лихачевым Тихоокеанской эскадрой, что касается Бутакова, то он наверняка мечтал поднять на мачте адмиральский флаг, чтобы воплотить в жизнь свои многочисленные теоретические наработки.

Принят Бутаков в министерстве был очень любезно. Заслуги в добыче технических секретов были там оценены по достоинству. Состоялась продолжительная беседа с генерал-адмиралом, а Краббе пригласил Григория Ивановича с супругой к себе домой. Уж не знаю, как восприняла утонченная театралка Амалия Арсеньева знаменитую порнографическую коллекцию Краббе, которая составляла главную экспозицию его холостяцкой квартиры. Впрочем, возможно, любезный хозяин предварительно убрал свои нескромные экспонаты от смущенного дамского взора...

Тогда же Бутаков получил известие из Николаева о смерти своего престарелого отца. Теперь ему, как одному из старших братьев, надлежало думать о матери и, что самое главное, о материальной поддержке незамужних сестер. Их у Бутакова было семь, и только двум удалось устроить личную жизнь.

Что касается Лихачева, то он сдал Бутакову Практическую броненосную эскадру во вполне приличном состоянии.

Так начался самый главный этап в жизни нашего героя, растянувшийся на целых десять лет и снискавший ему славу первого флотоводца эпохи.

Уже прощаясь после сдачи дел, Лихачев вручил своему преемнику пухлую папку:

— Вот начал я составлять трех- и четырехфлажную сигнальную книгу, да не успел. Может, тебе пригодится.

— Конечно, пригодится, — обрадовался Бутаков, пролистнув лихачевский труд. — Твою работу обязательно закончу!

Свое обещание вице-адмирал выполнил. Через год совместный труд был завершен и издан для командиров кораблей.

Практическая броненосная эскадра объединяла все самые мощные корабли российского флота и являлась главным морским щитом

Петербурга. В эскадру входили тогда три броненосные батареи, броненосный фрегат «Петропавловск», броненосная двухбашенная лодка «Смерч» и десять броненосных однопашенных лодок. В силу специфики Финского залива плавали корабли эскадры лишь несколько летних месяцев в году, остальное время стояли в гаванях, команды занимались ремонтом, а офицеры теоретической подготовкой.

Соскучившийся по живой морской работе, Бутаков сразу же взялся за дело.

— Я счастливый человек! — говорил он жене. — Ведь не каждому дано проверить свои теоретические изыскания на практике. У меня же такая возможность есть, и я своего шанса не упущу!

Местом летнего пребывания эскадры был избран Транзундский рейд. Во-первых, он был недалеко от Кронштадта, что облегчало связь. Во-вторых, рейд был абсолютно безлюден, что избавляло офицеров и матросов от береговых соблазнов. Во впадающих в залив речках была хорошая пресная вода. Рейд был глубок и обширен, закрыт от всех ветров. А потому на нем даже в свежую погоду можно было спокойно заниматься эволюциями. На острове Сонион-Сари были построены мастерские, склады различных припасов, там снаряжали артиллерийские щиты и красили шлюпки, а также свозили команды на прогулки. Почтовое сообщение с Кронштадтом осуществлял пароходик «Работник» через каждые три-четыре дня. На старом пароходе «Владимир» устроены мастерская с паровым молотом дляковки, медно-литейная печь и различные станки. Все это позволило создать полную автономию и сосредоточиться на главном — на боевой подготовке. Первый месяц кампании эскадра, как правило, проводила на якоре, отрабатывая корабельную организацию, сигналопроизводство, плавание на шлюпках, минные атаки, стрельбу по неподвижным щитам. Кроме того, ежедневно два судна обходили все стоящие на якорях суда, огибая их с внутренней и внешней сторон якорного ордера. Это называлось «резать восьмерки». Были настоящие мастера этого дела. Обычно эскадра находилась там до трех месяцев. За это время Бутаков успевал полностью подготовить ее к ведению эскадренного боя на ходу в море. На следующий год все начиналось сызнова. При этом каждый раз программа подготовки совершенствовалась и в нее вносились новые элементы. Проводились бесчисленные эксперименты с простыми и сложнейшими эскадренными построениями, с одиночными и совместными маневрами, выходом в таранные атаки и уклонением от них. Затем флагман добивался слаженности в маневрах отрядов однотипных кораблей.

Прошло совсем немного времени, и блестящее совместное маневрирование эскадры Бутакова стало визитной карточкой великого князя Константина, которому нравилось поражать иностранных гостей безукоризненными и отточенными маневрами огромной эскадры. Маневры судов эскадры часто демонстрировали иностранным морякам, посещавшим порты России с визитом вежливости. Иностранных специалистов филигранность и слаженность перестроений в сложнейшие ордера изумляла. Из воспоминаний французского морского офицера, наблюдавшего за эволюциями бутаковской эскадры: «Эти упражнения, настоящие турниры, происходят в замкнутом пространстве, внутри судов эскадры, расположенных в виде каре, с адмиральским кораблем в центре (или в углу). Затем два судна-тарана выступают вместе и, разойдясь, снова сходятся, чтобы столкнуться под возможно большим углом. Большей частью им приходится несколько раз сходитьсь раньше, чем удастся (как следует) приблизиться друг к другу... В конце кампании все чертежи были изданы в виде элегантного альбома, который раздавался морским офицерам для изучения».

Отметим при этом, что первые броненосные корабли и в особенности броненосные батареи управлялись из рук вон плохо, были неуклюжи и рыскали на курсе. Кроме того, в эскадре почти не было однотипных кораблей, и каждый имел только ему присущие недостатки. Чтобы преобразовать эту разношерстную армаду в единый организм, надо было приложить поистине титанические усилия. Не все было так просто. Были и скандалы и трагедии. Многие офицеры не выдерживали бутаковского диктата и бросали на стол рапорты об отставке, но на их место приходили новые, и неутомимый адмирал начинал их учить с самых азов вновь и вновь.

Прекрасно понимая, что молодежи в Транзунде скучновато, Бутаков самолично написал поэму, где в виде диалога двух офицеров, одного, вечно всем недовольного, и другого, настоящего патриота флота. Автор ограничивается лишь несколькими отрывками, которые дают представление как о быте офицеров на Транзундском рейде, так и о чувстве юмора самого Бутакова.

1. Скверно в Транзунде, скучном, унылом:

Пушки гремят, и ядра там свищут,
Ходит с трубой адмирал.

2. Дельно в Транзунде время проходит:

Там под надзором, в школе серьезной,
К бою готовится флот.

1. Скука в Транзунде: только сигналы
Знай разбираешь, мучишь команду –
Некогда дух перевести.

2. Месяцев девять бивши баклуши,
Трудно ль в Транзунде четверть годочка,
Службе всецело отдать?

1. Мясо дрянное, рубль наш – не деньги,
Берег болото, – на нем три старухи,
Просто с тоски помирай.

2. Срочно привозят знатное мясо,
Хлеб из Кронштадта. В Выборге танцы
По воскресеньям всегда.

1. Рыжие финны булки привозят,
Только как лакомство возят чернику –
Нечем желудок развлечь.

2. Парень курчавый ездит по рейду,
Звонко кричит нараспев, предлагая
Сладко мороженое.

1. Шлюпку попросишь – вечно откажут,
Вечно ученье: заняты люди,
Иль отдыхают они.

2. Есть и сигнальчик – «Шлюпкам кататься»,
В стае крылатой бойко пархая,
Режешь на дюйм от кормы.

1. То ль дело Киев, – сами галушки
В рот там валятся! А молодцы!
Душу бы отдал любой.

2. В Києвах места много найдется
Для сухопутных во флотском мундире;
Лучше туда и ступай.

1. Умною речью семя добра ты
В падшую душу мне заронил,
Буду его выращивать.

2. Семечки зла и корыстных наветов –
Корни пустившие в ум легковёрный,
Вырви, и будешь ты наш.

Начальником Бутаков был вполне демократичным. Каждый офицер мог без всякого стеснения явиться к нему со своим проектом, просьбой или советом. Бутаков был для всех равно доступен и деликатен в общении,

независимо от чина. В целом отношения на отдаленном от мирской суеты Транзундском рейде складывались достаточно патриархальные. Так, офицеры между собой фамильярно именовали Бутакова «папá», с ударением (на французский манер) на последнем слоге. Матросы называли же адмирала и вовсе запросто – «наш старичок». Биограф пишет о Бутакове так: «Он был среднего роста и имел плотное и крепкое телосложение. Казалось, что поэтому и по долголетию своих родителей, он мог рассчитывать на очень продолжительную жизнь...»

Все служившие с Бутаковым единодушно отмечают хладнокровие адмирала и его невероятную выдержку, что порой казалось, у Бутакова просто нет нервов. Какой бы ни была напряженной обстановка на мостике, он никогда не повышал голос на подчиненных, не говоря уже об оскорблениях и мате. Всегда спокойный, вежливый и доброжелательный. Одного этого было уже достаточно, чтобы люди хотели служить под его началом.

Не чужд был адмирал и хорошему флотскому юмору, причем в ситуациях, когда казалось, было вовсе не до шуток. Так однажды на переходе мониторов в Либаву, отряд попал в шторм. Для мониторов шторм в открытом море – дело весьма опасное. Разумеется, понимал это и Бутаков. Когда же один из командиров (всегда излишне осторожный) поднял сигнал: «Терплю бедствие», Бутаков, оценив реальную степень опасности, отреагировал сигналом: «Терпеть до Либавы». Вскоре о бутаковской шутке, как и о бутаковской выдержке, знал уже весь флот. И шутка, и поведение Бутакова были по достоинству оценены.

Своим офицерам Бутаков внушал неустанно:

— Мы должны денно и ночно всю жизнь готовиться к тому часу, а может, даже получасу, когда Отечеству потребуется все то, что мы умеем. Если мы тогда сумеем сделать то, чему предназначены, значит, мы прожили свою жизнь не зря, и Россия содержала нас не без пользы. А потому, друзья, за работу!

Как и его великий учитель Лазарев, Бутаков никогда не забывал, что важнейшим средством обучения офицеров быстроте мышления и лихости и расчету в маневрировании служит управление шлюпками под парусом. Поэтому на эскадре царил настоящий культ парусных шлюпочных гонок. Лучших гонщиков знал сам адмирал, а иметь достойную команду почиталось честью для каждого командира. По требованию Бутакова Морское министерство даже выделило особые денежные премии для лучших шлюпочных команд.

Как когда-то на «Владимире», Бутаков не отказался и от обучения

подчиненных выполнять свои обязанности под свист пролетающих мимо снарядов. Кому-то такой метод воспитания покажется весьма рискованным и спорным. Но прошедший севастопольский ад Бутаков считал иначе.

В одном из своих приказов он писал по этому поводу: «Попадать в щит, когда в вас никто не стреляет, одно дело; попадать же в неприятеля под его ядрами – другое... Чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер, предлагаю посылать по очереди на один час по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных по обе стороны ближайшего к эскадре щита, в некотором расстоянии от него.... Сколько время мне позволит, я буду сам навещать эти буйки, что советую и гг. командирам».

Эскадра Бутакова подразделялась на два отряда, под началом контр-адмиралов Василия Таубе и Андрея Попова. Совместная служба не способствовала улучшению отношений между некогда большими друзьями. Дело дошло до открытого выяснения отношений.

Во время посещения Кронштадта делегацией американских моряков во главе с героем Гражданской войны адмиралом Фаррагутом, последний изъявил желание посмотреть корабли отряда Попова. Но когда гости усаживались на катер, Бутаков (как старший начальник) неожиданно отстранил Попова от участия в поездке, сославшись на то, что в катере для контр-адмирала нет места. Конечно, это было оскорблением. Попов незамедлительно написал Бутакову письмо, в котором требовал объяснения. В ответном письме Бутаков заверил Попова в своей преданности и расположении, но это была, разумеется, лишь отписка. Напряжение в отношениях не прекратилось. Двух старых сослуживцев несколько раз пытался вновь подружить прямодушный дядька Степан, но из этого ничего не получилось. Некоторые исследователи считают, что во многом неприязни Бутакова к Попову способствовала супруга первого Амалия Арсеньевна, имевшая немалое влияние на своего мужа.

Несмотря на огромную занятость на эскадре, Бутаков не перестает интересоваться последними европейскими военно-морскими новинками. Именно он первым обратил внимание и на отставного поручика изобретателя Алексея Давыдова, который экспериментировал с созданием морских мин, а затем создал первый в мире прибор автоматического управления стрельбой на корабле.

Увлечение Бутакова атаками кораблей шестовыми минами совсем скоро будет востребовано на вступившем в войну с турками Черноморском флоте. Как всегда, к новому делу Бутаков подходил с присущей ему обстоятельностью. Для подготовки минеров он незамедлительно создал

при эскадре минную команду в семь десятков человек. Теперь помимо таранных ударов на кораблях отрабатывали атаку на минных катерах с шестовыми минами и уклонение от этих атак. Именно в минной команде Бутакова получили свои боевые навыки будущие герои минных атак турецкого флота Дубасов, Зацаренный и Скрыдлов.

В конце 1867 года великий князь Константин утвердил комиссию для рассмотрения вариантов будущих броненосцев, разработанных под руководством контр-адмирала Андрея Попова и генерал-майора Степана Чернявского. Вошел в состав комиссии и Бутаков.

Как и можно было предположить, при обсуждении новых проектов броненосца схватились между собой Бутаков с Поповыми. Дело в том, что Попов усиленно пропихивал свою идею о строительстве круглых броненосцев, пригодных лишь для прибрежного плавания.

— Мы не настолько богаты, чтобы строить эскадры мореходных броненосцев, а потому следует пока ограничиться созданием круглых судов с толстой броней и небольшой осадкой!

— Наоборот, — гневно возражал Бутаков. — Мы не настолько богаты, чтобы заниматься разной ерундой и экспериментировать с созданием круглых уродов, тогда как весь мир строит именно мореходные корабли. Надо идти проверенным путем, по которому идет весь мир, а не выкидывать на ветер казенные деньги. Если подобный порядок вещей продолжится, то у нас останутся только слепые исполнители в вопросе кораблестроения вместо самостоятельных мыслителей

Перебранка адмиралов перешла на личности. А возбужденный Бутаков уже обвинял министерство и великого князя в покровительстве Попову и предательстве интересов России. Это было уже чересчур. В результате произошедшего скандала члены комиссии вопреки Бутакову одобрили все предложения Попова. Как показала история, в том яростном споре абсолютно прав был Григорий Иванович Бутаков, но тогда он оказался в одиночестве.

В начале кампании 1868 года Бутакова назначили старшим флагманом Балтийского флота, с оставлением в должности командующего броненосной эскадрой. Старший флагман — это аналог сегодняшней должности командующего флотом.

Самое приятное, что назначение старшим флагманом означало не столько расширение круга обязанностей, сколько повышение денежного содержания. Думается, последнему особенно обрадовалась хозяйственная Амалия Арсеньевна.

В эту кампанию артиллеристов обучали пальбе по щитам, вначале по

неподвижным и затем по буксируемым параллельно стреляющему кораблю, и, наконец, самому сложному – на быстро расходящихся контркурсах.

В конце летней кампании 1868 года броненосную эскадру проверила комиссия адмирала Ефима Путятина. Из отзыва комиссии: «Начальник броненосной эскадры вице-адмирал Бутаков 1-й глубоко понял назначение и будущую роль вверенных ему судов и не упустил с расчетом и необыкновенным умением воспользоваться всеми находящимися в его руках средствами и каждой минутой времени для приведения как судов броненосной эскадры, так и команд, на них находящихся, к возможному совершенству».

Летом следующего года на Транзундском рейде эскадру посетил император Александр II. Вначале царю показали образцовое маневрирование и выходы кораблей в таранные атаки, затем была показана атака минная. Катера с шестовыми минами стремительно атаковали стоявший на рейде старый списанный фрегат «Филоклет». Катера ткнули минами в борт фрегата, последовал оглушительный взрыв, и от старика «Филоклета» остались лишь щепки. Император был в восторге от увиденного. Одно дело – читать докладные записки, и совсем другое – увидеть все своими глазами.

После окончания смотра эскадры в Транзунде в 1869 году император Александр II поздравил его генерал-адъютантом и собственноручно надел на него аксельбант, снятый с великого князя Алексея Александровича, сказав:

— А тебя благодарю, прежде всего, и поздравляю моим генерал-адъютантом. Уверен, что ты останешься таким, каким я тебя всегда знал!

Вернувшись в Петербург, император начертал письмо брату Константину (великий князь в это время был за границей): «Пользуюсь отъездом Лихачева, чтобы написать тебе, любезный Костя, хотя несколько слов. Он передаст тебе все подробности моего... пребывания на эскадре, на Транзундском рейде. Добавлю только то, что я тебе уже телеграфировал, т. е. чего я вполне и всем остался доволен, сожалея, что тебя не было при этом. Нельзя не радоваться, видя общее усердие, знание своего дела и молодечество, которое воодушевляет всех чинов эскадры. Назначением Бутакова генерал-адъютантом я хотел показать мое полное удовольствие и выказать при этом мое искреннее спасибо всем командирам судов, прибавив мою уверенность, что они будут стараться еще более совершенствоваться по всем отраслям их многосложной службы.

Сердечное спасибо тебе и Краббе, который умел понять тебя и помогать во всех дельных преобразованиях нашего флота...»

Летом 1869 года броненосная эскадра Балтийского флота в составе броненосных батарей «Кремль» и «Первенец», фрегатов «Петропавловск», «Орел» и «Пересвет» и корвета «Витязь». Флаг Бутакова на фрегате «Петропавловск» находилась в практическом плавании в Финском заливе неподалеку от острова Гогланд, отрабатывая элементы эскадренного маневрирования. 2 августа командующий начал отработку построений и перестроений кораблей. Во время одного из таких перестроений в 19 часов 30 минут – из строя фронта в кильватер – броненосная батарея «Кремль» таранила 57-пушечный фрегат «Олег». Спустя пятнадцать минут последний затонул.

Лишь потому, что рядом с гибнущим фрегатом была вся эскадра, а на море стоял почти полный штиль удалось избежать больших жертв. Из команды «Орла» погибли шестнадцать человек, в основном те, кто находился вблизи места таранного удара «Кремля», остальные 497 человек были спасены. Эвакуация проходила в образцовом порядке. Все офицеры были распределены для наблюдения за посадкой матросов в шлюпки. Помимо этого за борт сбросили койки и люки, чтобы те, кому по какой-то причине не хватит места в шлюпках, могли прыгать за борт и держаться за них, пока их не подберут.

В рапорте управляющего Морским министерством на имя императора Александра II особо отмечалось, что с гибнувшего «Орла» был спасен шканечный журнал и сундук с корабельной казной.

Достоинство вело себя в момент гибели корабля и его командование. Командир «Орла» капитан 1-го ранга Майдель и старший офицер капитан-лейтенант Толбухин покинули гибнущий корабль в самый последний момент, спустившись в катер. С трудом отцепив его от талей, они сумели отойти от «Орла», а затем были приняты в шестерку с корвета «Витязь».

Фрегат «Олег» находился в составе эскадры, шедшей строем фронта, и занимал третье место от левофлангового фрегата «Петропавловск», на котором держал свой флаг вице-адмирал Бутаков. В 19 часов с «Петропавловска» дали сигнал: «Переменить фланги, поворачивая вправо». Выполняя приказ флагмана, командир «Олега» немедленно повернул вправо на 8 румбов, продолжая при этом следовать в струе броненосной батареи «Первенец» на такой же дистанции, как и ранее, находясь в строю фронта. «Первенец», шедший впереди «Олега», поворотил вправо на 16 румбов. Почти одновременно начал доворот на 16 румбов и «Олег».

В то же время броненосная батарея «Кремль», бывшая ко времени второго поворота вне строя, находилась слева по борту от «Олега» и тоже поворачивала вправо. Видя, что «Кремль» покатился вправо и начинает опасно сближаться с фрегатом, командир «Олега» приказал дать полный ход, чтобы максимально ускорить циркуляцию и успеть вывернуться из-под удара неумолимо надвигающейся плавбатареи. Для перекладки руля времени уже не оставалось и вывернуться из-под удара не удалось.

Что касается «Кремля», то он обошел броненосную батарею «Первенец» и стал обходить фрегат «Олег». В этот момент на «Кремле» положили руль влево для следования за «Первенцем». Увидев быстро приближающийся «Орел», командир «Кремля» попытался было повернуть в противоположную сторону и дать задний ход, однако было уже поздно. Фрегат к этому моменту заканчивал циркуляцию. Спустя несколько мгновений корабли столкнулись. Удар пришелся в левый борт почти под прямым углом впереди грот-мачты. При этом «Кремль» даже не успел отработать назад винтами.

Вообще, ведя разговор о трагедии «Орла», необходимо принять во внимание, что первые отечественные броненосные батареи, к которым относились «Кремль» и «Первенец», были практически «невозможными в строю», то есть настолько плохо управлялись, что уже само нахождение их в эскадре создавало обстановку определенного риска. Именно поэтому крайне неуклюжие и тихоходные броненосные корабли не решались именовать броненосцами, а называли батареями, уже самым названием подчеркивая их оборонительный характер. Чрезвычайно рыскливые, они, по образному выражению одного из современников, «вечно шатались словно пьяные, то и дело норовя в кого-нибудь да врезаться». Раз положив руль на один борт, даже совсем немного, батарея получала такое вращательное движение, вернуть из которого ее в краткий промежуток времени уже не было никакой возможности.

При этом если «Кремль» отличался сложностью в управлении, то «Орел» представлял собой старый корабль, и его деревянный корпус был к 1869 году предельно изношен.

Впоследствии капитан 1-го ранга Майдель вспоминал: «Несмотря на то что за исключением 100 человек, команда фрегата “Орел” состояла из рекрут и людей, бывших в первый раз в море, я не заметил между ними ни робости, ни упадка духа, столь свойственных в такую критическую минуту. Все матросы исполняли свою обязанность как бы во время простого учения, без суеты и замешательства».

Как единодушно отмечают очевидцы, Бутаков во время трагедии

самообладания не потерял, оставаясь таким же спокойным и сдержанным, как и обычно. Команды он отдавал спокойным голосом. При этом вслух одобрил действия одного из офицеров, который, умело маневрируя на вельботе, вытаскивал плавающих людей под самыми ноками реев тонувшего фрегата.

Благодаря Бутакову за потерю «Олега» никто наказан не был.

А затем в жизни Григория Ивановича произошла новая потеря. Ушел из жизни старший брат Алексей. После многолетних исследований на Арале и Сырдарье он вернулся домой тяжелобольным, с сильной почечной болезнью. Некоторое время служил на кораблях, но затем по здоровью перешел на береговую службу. Алексею Бутакова отличили и контр-адмиральским чином, целой жменей орденов и золотой медалью Лондонского географического общества, но здоровья это ему не вернуло. В конце концов, он лишь формально состоял при командире Петербургского порта, все время проводя в лечебницах, но ничего не помогало. В июне 1869 года Алексей Бутаков умер на курорте Швальбах в Пруссии.

В ту пору Бутаков познакомился и с молодым, но бойким мичманом с монитора «Русалка» Степаном Макаровым. Судьба у Макарова была непростая, сын тюремного надзирателя, едва дослужившегося до прапорщика, он не имел никаких шансов стать флотским офицером. Начиная с низов, со штурманского ученика, и упорно взбирался по служебным ступеням, отчаянно сражаясь за место под солнцем. Благодаря незаурядным способностям и протекции вице-адмирала Попова был произведен в мичманы по исправленной родословной. От других офицеров Макаров отличался неумейной жадностью деятельности и научным складом ума. Впервые Бутаков обратил внимание на юношу после аварии на камнях монитора «Русалка». Тогда Макаров предложил оригинальный парусиновый пластырь для быстрой заделки пробоин. Идея Бутакову понравилась, и он немедленно обязал всех командиров изготовить и иметь на кораблях «пластыри Макарова». Он же ходатайствовал и о внеочередном присвоении безродному мичману лейтенантского чина «за отличие». Когда-то ему протежировали Лазарев и Корнилов, теперь же он сам стремился помочь никому не известному, но талантливому Степану Макарову. Уже в 1871 году при столкновении фрегатов «Адмирал Лазарев» и «Адмирал Спиридов» последний был спасен от гибели только благодаря «пластырю Макарова». Впоследствии, уже сам став адмиралом, Степан Осипович признал: «Началом карьеры... производству в лейтенанты за отличие, я обязан... Г. И. Бутакову, благодаря моим работам по

непотопляемости».

В 1871 году Григория Ивановича выбрали почетным членом Санкт-Петербургского яхт-клуба. Это была признательность яхтсменов за преданность вице-адмирала парусу.

В апреле 1872 года у Бутаковых произошло пополнение – родилась дочь Елизавета. Сам же вице-адмирал всюду занимался устройством электрического освещения на кораблях и установкой противоминных пушек на броненосном фрегате «Петропавловск».

В 1875 году на 84-м году жизни не стало матери. Перед смертью Григорий Иванович успел побывать в Николаеве и в последний раз ее навестить.

В преддверии войны с Турцией Бутаков усиленно ратует за установку хотя бы на нескольких своих кораблях аппарата для автоматической стрельбы поручика Давыдова. Основу эскадры в ту пору составляли броненосец «Петр Великий», броненосные крейсера «Генерал-адмирал» и «Герцог Эдинбургский», плавбатареи и башенные мониторы.

22 февраля 1877 года великий князь Константин собрал весь российский адмиралитет в Мраморном дворце. Опять обсуждали вопрос, в каком направлении развивать флот и какие корабли строить.

Повторилась ситуация предыдущего совещания. Вначале Попов предложил построить для Черноморского флота третью круглую «поповку». Его поддержал великий князь Константин. Затем же выступил Бутаков.

— Я согласен, построить еще одного уродца, – сказал он, – ежели он будет иметь ход 11 узлов и сможет ходить до Константинополя!

— На сегодня нас удовлетворяет и 6 узлов, а все, что будет выше, – прямой выигрыш, – недовольно возразил Константин.

Бутаков вскочил со своего места:

— Пора, наконец, положить конец дурацким поповским экспериментам и строить настоящий боевой крейсерский флот. Чтобы чувствовать себя в безопасности, мы должны иметь на Балтике шестнадцать быстроходных броненосных крейсеров, а на Черном море хотя бы два броненосных крейсера. Что касается самого адмирала Попова, то он сегодня только тормозит российское кораблестроение и чем скорее перестанет им заниматься, тем будет лучше для России.

Попов был вне себя от резкости Бутакова. Оскорбленным чувствовал себя и великий князь.

А Бутаков в довершение своих слов хлопнул об стол папкой:

— Вот здесь мои соображения на строительство современного

броненосного флота. Надеюсь, что члены Морского технического комитета непредвзято их рассмотрят!

В записке он предъявил новые претензии своему бывшему другу: «Все корабельные инженеры отодвинуты в своей специальности на далекий задний план, и только юноши, которые слепо подчинялись его требовательности, выдвинуты на первый план. Так что если подобный порядок вещей продолжится, то у нас останутся только слепые исполнители в вопросе науки кораблестроения вместо самостоятельных мыслителей науки этой. Блестящие проекты, пропагандируемы безустанно, можно сказать, на всех перекрестках, и боящиеся света свободной технической критики науки, прикрываясь высоким именем августейшего генерал-адмирала, не суть то, что нужно государству, морские силы которого далеко ниже других».

Это было уже объявление войны не только Попову, а самому великому князю Константину, который отличался завидной злопамятностью. Теперь оставалось лишь ждать ответной реакции.

А Бутаков останавливаться не собирался. На ближайшем совещании в министерстве он всю раскритиковал состояние кронштадтских фортов, доказывая на цифрах, что прорвать их не составит сегодня особого труда. Оборону Кронштадта было решено усилить, но отношения вице-адмирала с великим князем стали еще более натянутыми.

В начале 1877 году Бутакова наградили орденом Святого Александра Невского.

— Ну, это мне явно авансом! – пошутил вице-адмирал, принимая награду.

Как в воду глядел! В 1877 года началась Русско-турецкая война. Русская армия, перейдя Дунай, двинулась в пределы Болгарии. На Дунае и в Сухуме отчаянно топили турецкие броненосцы Дубасов и Макаров. Однако наши успехи на войне нервировали Лондон, и никто не мог дать гарантий, что англичане не поддержат турок и снова (как и в Крымскую войну) не пришлют эскадры на Балтику.

Бутаков планировал заняться усиленной боевой учебой на эскадре, но из этого ничего не вышло. В отместку за неосторожные слова Константин объявил, что до конца войны он будет лично командовать Балтийским флотом. Таким образом, Бутаков был сразу понижен до командира одного из отрядов своей эскадры, причем слабейшего (две броненосные батареи, шесть мониторов и три деревянные канонерские лодки). Местом базирования отряда был определен отдаленный от столицы Свеаборг.

Обиженный Бутаков жаловался Лесовскому, ставшему к этому

времени управляющим Морским министерством вместо внезапно умершего Краббе:

— Степа, прошу избавить меня от сомнительной чести командовать несколькими судами и передать мой отряд под начало младшего флагмана. Мое здоровье плохо, и я не могу ныне служить, как ранее.

Все понявший Лесовский сумел уговорить своего друга. Бутаков вернулся в Свеаборг. Там вместе со своим соратником по Севастополю генералом Тотлебенем он занимается усилением обороны Финского залива на случай вмешательства Англии.

Просился Бутаков и на Черное море, но его не пустили. Черноморский флот находился в тот момент в руках адмирала Аркаса, и для Бутакова там не было просто соответствующей должности. Он внимательно следил за действиями нашего флота и радовался успехам своих учеников. Один из офицеров записал его слова, оставшиеся таким образом в истории:

«Мы, адмиралы, капитаны, офицеры, унтер-офицеры, матросы, – не для того, чтобы у нас были адмиралы, капитаны, офицеры, унтер-офицеры и матросы, а для того, чтобы было кому хорошо действовать пушками, машинами, рулями, чтобы было кому распорядиться батареями пушек, бойко управиться каждым кораблем, толком распорядиться всеми кораблями, и все это для одной всегдашней цели – БОЯ».

...Крутился подле Бутакова и некий лейтенант Зиновий Рожественский, дальний родственник его супруги Амалии Арсеньевны. Именно Бутаков помог Рожественскому попасть служить на вспомогательный крейсер «Веста», снабженный аппаратом автоматической стрельбы Давыдова. Когда же после знаменитого боя «Весты» с турецким броненосцем Рожественский написал пасквиль на своего командира капитан-лейтенанта Баранова, Бутаков отказался его поддерживать и прервал отношения. Впрочем, Рожественский сразу же нашел поддержку у адмирала Попова. Пройдут годы, и именно Рожественский станет синонимом самого страшного поражения России на море – Цусимского разгрома.

Тем временем наша армия взяла Плевну, отбросила турок от Шипки, а потом стремительным маршем достигла предместий Константинополя. В Лондоне больше не сомневались – империя Османов обречена. Ее надо было срочно спасать. Британский Средиземноморской флот немедленно вошел в Босфор и бросил якоря на рейде турецкой столицы. Противопоставить нам ему на Черном море было нечего, кроме нескольких торговых пароходов с пушками. А из Лондона уже шли тревожные известия о формировании еще одной эскадры, теперь уже для Балтики.

— Что мы можем противопоставить англичанам здесь? — спрашивал Бутакова великий князь Константин. — Ведь наши морские силы и на Балтике не идут ни в какое сравнение с английскими?

— Не так уж и мало! — отвечал вице-адмирал. — При умелом командовании мы вполне способны отбить любое нападение!

— Что же вы предлагаете, Григорий Иванович?

— Я предлагаю держать отныне отряды минных катеров в Кронштадте, Свеаборге, Роченсальме, Бьорке и Нарве, кроме этого послать в Свеаборг отряд броненосцев, создать на побережье линии оптического телеграфа, связав ими наблюдательные пункты с Петербургом, помимо этого установить минные банки в разных местах Финского залива. Надо незамедлительно усилить минные заграждения, прикрыв их артиллерией береговых батарей и кораблей, которые, в свою очередь, дополнительно оснастить мортирами. Думаю, эти приготовления не укроются от англичан, и уже само их исполнение отобьет у них охоту соваться в Финский залив.

— Именно так мы и поступим! — тут же принял решение Константин Николаевич.

Чтобы повысить статус своего старого друга, Лесовский добился назначения Бутакова начальником береговой и морской обороны крепости Свеаборг. Тогда же Бутаков стал и полным адмиралом. Это была последняя милость со стороны великого князя. Одновременно на адмирала возложили и командование самой крепостью.

Теперь помимо всего прочего он занимался многочисленными работами по укреплению крепости, подготовке мин заграждения. Вникнув в свеаборгские дела, Бутаков, как всегда, занялся и исправлением местных злоупотреблений и пресечением воровства. Не обошлось и без недоразумений. Помня пример своих наставников Корнилова и Нахимова, адмирал предполагал руководить обороной, как и они, с передовых верков крепости. А потому его помощникам стоило немалого труда доказать ему, что времена изменились и ему следует управлять обороной из защищенного командного пункта на горе. Согласиться-то Бутаков согласился, но, согласившись, сразу же поднял свой флаг на броненосном фрегате «Петропавловск» и вывел свою эскадру в Финский залив.

— Если англичане рискнут попытаться здесь счастья, то я не буду отсиживаться за свеаборгскими стенами, а приму с эскадрой бой. Посмотрим, у кого заливки крепче! — объявил он командирам кораблей.

Те были только рады идти в бой с самим Бутаковым!

Тогда же Бутаков велел впервые в мире изготовить на каждом корабле шлюпочные тралы для обнаружения и уничтожения якорных мин. Днем его

видели на мостиках кораблей эскадры, где он учил командиров, а ночами вице-адмирал составлял правила постановки мин на фарватерах.

Нам неизвестно, усиленные ли приготовления Балтийского флота к отражению нападения или тайные пружины большой политики, но английские эскадры на Балтике так и не появились.

А затем начались мирные переговоры, закончившиеся Берлинским договором. И хотя России так и не удалось пожать всех плодов своих побед над турками, все ограничения на запрещение Черноморского флота были сняты, и отныне Россия могла приниматься за создание современного броненосного флота на Черном море.

После заключения Берлинского договора Бутаков с эскадрой вернулся в Кронштадт. Прибывших встречали и чествовали, как героев. Но напрасно Бутаков ждал нового назначения. На все его вопросы и великий князь, и управляющий министерством Пещуров отвечали уклончиво:

— Отдыхайте, Григорий Иванович, а должность вам мы подыщем!

— Да я уже наотдыхался так, что бока болят! Я в море хочу, на корабли! – отвечал раздраженный Бутаков.

— На эскадру мы вас, как полного адмирала, вернуть уже не имеем права, а остальные должности вашего ранга пока не вакантны. Так что придется немного подождать! – вздыхал, разводя руками, контр-адмирал Пещуров.

Но Бутаков не привык сидеть без дела. Вскоре он разработал и организовал морскую игру, которая под его руководством теперь еженедельно проходила в собрании Русского технического общества. От желающих участвовать в ней офицеров не было отбоя.

Тогда же адмирала избрали почетным членом Санкт-Петербургского речного яхт-клуба и Императорского Русского технического общества.

— Ничего, мы еще повоюем! – говорил он жене, уставший, но довольный, вернувшись вечером после очередной морской игры.

Лето он проводит с семьей на даче в Терриоках, занимаясь воспитанием детей. Так прошло целых два года.

«Скоро в этом флоте не останется ни одной личности», – писал об отставке Бутакова один из его сослуживцев.

Известный академик, кораблестроитель А. Н. Крылов вспоминал, как, еще будучи кадетом, осенью 1878 года видел Бутакова в библиотеке Русского технического общества: «Вошел в зал библиотеки, вижу – сидит знаменитый полный адмирал, генерал-адъютант, георгиевский кавалер Григорий Иванович Бутаков.

— Ваше высокопревосходительство, разрешите остаться.

— Конечно, оставайтесь. Английский язык знаете?

— Так точно, ваше высокопревосходительство, знаю, учился ему еще до поступления в Морское училище.

— Вон, видите, лежит в зеленой обложке журнал «Engineering», садитесь и прочтите в нем статью о строящейся в Англии императорской яхте “Ливадия”.

Я сел и последовал совету адмирала, а так как заседание началось минут через сорок, то я успел прочесть указанную статью целиком раньше начала заседания.

Адмирал, заметив, что я статью прочел, подзывает меня и спрашивает:

— Что вы об этом думаете?

— Я жил одно время в Севастополе, мои родители были знакомы с лейтенантом Кузиным, который плавал на “поповке” “Новгород”.

Он при мне рассказывал моему отцу, что даже при сильной волне “поповку” не качает, а волна перекачивается по палубе. Думаю, что и яхту “Ливадия” качать не будет, что и требуется.

— Ваша фамилия?

— Крылов, ваше высокопревосходительство.

— Вишь, какой молодец.

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство.

Это ласковое обращение знаменитого адмирала мне целиком врезалось в память.

Я иногда заходил на интересные доклады в Техническое общество и всякий раз заставлял адмирала в библиотеке; он запомнил мою фамилию, здоровался...»

И еще одно многозначительное свидетельство А. Н. Крылова: «(Бутаков) пользовался во флоте особенным уважением и огромной популярностью... по справедливости считался учителем флота, и всякий, кому приходилось плавать в его эскадре, гордился этим...»

Осень патриарха

1 января 1881 года Бутаков был все же назначен главным командиром Санкт-Петербургского порта. Должность, прямо скажем, не самая боевая, но в иерархии Морского министерства весьма значимая и влиятельная. Подсластив пилюлю, адмиралу пожаловали аренду в три тысячи рублей в год на шесть лет. Управляющим Петербургским портом при Бутакове состоял капитан 1-го ранга Копытов.

Ранее Копытов командовал в эскадре Бутакова броненосной батареей «Первенец» и броненосным фрегатом «Адмирал Спиридов». Офицер он был думающий, много писал в «Морской сборник», а кроме того, лично предан Бутакову. Теперь же в должности управляющего Копытов занимался ни много ни мало, а распределением заказов по отечественным судостроительным предприятиям. Должность весьма влиятельная, но, как говорится, «расстрельная».

Вскоре после вступления в должность Бутаков подал управляющему Морским министерством Пещурову записку о перспективах развития флотов. Он полагал, что Россия, как великая держава, должна иметь на Балтике флот, равный флотам Германии, Швеции и Дании, вместе взятым, на Черном море – турецкому, а на Дальнем Востоке – китайскому и японскому. Адмирал считал, что для Балтийского флота необходимо иметь двенадцать, а для Черноморского – восемь броненосцев типа «Петр Великий», дополненных миноносками типа «Батум». При этом Бутаков категорически возражал против постройки кораблей за границей. Писал он так: «Корпуса броненосцев и даже больших крейсеров должны, безусловно, быть построены на наших отечественных верфях, но это не должно служить препятствием к приобретению из-за границы всех тех материалов, которые мы не можем легко и своевременно получить от отечественных заводов».

Тогда же вышло в свет второе издание «Новых оснований паровой тактики», утвержденной как учебник в Морском корпусе и в Николаевской морской академии.

Впрочем, чувствовал себя спокойно на новой должности Бутаков не долго. Дело в том, что в ведении Бутакова, как главного командира Петербургского порта, находилось и все столичное военное судостроение. Стоя на страже государственных интересов, адмирал выступил против невыгодного контракта с Балтийским заводом на постройку броненосного фрегата «Владимир Мономах». Бутаков не без основания считал, что запрошенная сумма чрезмерна, и требовал ее обоснования. Принявший сторону Бутакова инженер завода Самойлов подсчитал, что смету завысили на 25 %.

Управляющий Морским министерством контр-адмирал Пещуров на обсуждении вопроса по Балтийскому заводу перебивал выступающего Бутакова, откровенно мешая ему связно доложить суть дела, а потом и вовсе остановил. В результате совет утвердил цены, озвученные Кази.

Тяжба Бутакова с управляющим Балтийским заводом Кази вылилась в скандал. В него вмешались журналисты. Статья на страницах газеты

«Голос» намекала, что за спиной управляющего стояли «сильные мира сего». Под давлением свыше вскоре редакции пришлось давать опровержение, но Бутаков был настроен решительно и складывать оружие не собирался.

Но 1 марта террористами был убит император Александр II. Вступивший же на престол его сын Александр III решил омолодить генеральский и адмиральский корпус. Почти сразу был отставлен от должности генерал-адмирала великий князь Константин Николаевич и вместо него назначен брат нового императора – великий князь Алексей Александрович. Вскоре ветераны Крымской войны начали уходить в отставку массово. В отношении Бутакова пока молчали, но он чувствовал, что тучи сгущаются и над ним.

Конечно, Бутаков был человеком уважаемым, однако против всеобщей коррупции и огромных денег одинокий адмирал оказался бессилён. Неуступчивость же Бутакова задевала интересы очень многих влиятельных лиц, в том числе и нового генерал-адмирала, который никогда не делал различия между казенными и личными деньгами.

Не будем лукавить, но после воцарения Александра III Бутаков не без основания рассчитывал на пост управляющего Морским министерством, ведь более грамотного и умного адмирала, да еще с уникальным боевым опытом, на тот момент в России просто не было.

19 сентября 1881 года адмирал написал рапорт Алексею Александровичу, указывая на недостойное поведение управляющего министерством контр-адмирала Пещурова.

Разумеется, Алексей Александрович прекрасно знал о допусках Пещуровым отступлений от должного порядка. Пещуров, что называется, «лег» под Кази, да и авторитета у него для руководства министерством явно не хватало. Управляющего надо было менять, и чем скорее, тем лучше. Александр III также хотел реформировать Морское министерство, в этом его поддерживали Победоносцев и губернатор Нижегородской губернии (бывший моряк и георгиевский кавалер) Баранов. Рапорт Бутакова окончательно склонил чашу весов в пользу решительных мер, но, увы, не в его пользу.

3 января 1882 года приглашение прибыть к нему на следующее утро получил вице-адмирал Шестаков.

Встретив прибывшего вице-адмирала в дверях, он сказал:

— Его императорское величество не имеет больше доверия к Пещурову и желает видеть на посту управляющего министерством вас.

Спустя несколько дней в Гатчине Александр III спросил

генерал-адмирала:

— Алекс, кого ты желал бы видеть во главе министерства?

Тот ответил:

— Шестакова!

Присутствовавший тут же Шестаков встал и поклонился.

Император помолчал.

— А как насчет Бутакова?

— При всех его положительных качествах Бутаков стал невероятно упрямым, и с ним трудно ладить!

— Что ж, тебе работать, пусть будет Шестаков!

В тот же день был подписан высочайший указ, согласно которому Шестаков назначался управляющим министерством, а смещенный Пещуров главным командиром Черноморского флота с производством в вице-адмиралы.

Ну ладно, что с назначением на пост управляющего у Бутакова не случилось. Это адмирал пережил относительно легко. Бутаков верил, что они с Шестаковым старинные сослуживцы и друзья, теперь у него все неприятности позади.

А потому для него было громом среди ясного неба, когда буквально через месяц после восшествия на трон Шестаков росчерком пера ликвидировал должность главного командира Петербургского порта. Как оказалось, Шестаков сразу стал тяготиться своим влиятельным другом.

— С Бутаковым стало невозможно работать! – жаловался он великому князю Алексею. – Он невыносимо самовластен и постоянно лезет со своими советами относительно бюджета министерства! Вместе мы работать не можем.

— Но Бутаков есть Бутаков, и просто так его не убрать! – нахмурился великий князь.

— Зато можно убрать его должность!

— А куда же мы денем Бутакова?

— Наилучший вариант – это Государственный совет.

— Я согласен! – подумав, кивнул генерал-адмирал.

Через день Бутаков был уведомлен о ликвидации его должности и своем переназначении в Госсовет. Прием далеко не новый, но беспроблемный. Одновременно адмирала отстранили от всякого участия и в кораблестроительной программе. Спровожен подальше с глаз был и первый помощник Бутакова капитан 1-го ранга Копытов. Этого определили командиром эскадры на Тихий океан с производством в контр-адмиралы.

Самому Бутакову старинный приятель, отводя глаза, сказал так:

— Я человек государственный, а потому, несмотря на все что нас связывает, вынужден был пожертвовать тобой во имя высших интересов.

Предательство старого друга и сослуживца угнетающе подействовало на адмирала.

— Что ж поделать, Гришенька, — успокаивала его жена, — время и должности меняют людей. Нынешний Шестаков — это совсем не тот лейтенант Ваня, с кем вы когда-то гоняли на катерах по Черному морю!

— Да я и сам вижу, что не тот! — сокрушался Бутаков. — А все равно больно!

Так в марте 1882 года шестидесятидвухлетний Бутаков оказался не у дел. Для полного сил и замыслов адмирала это стало огромным потрясением. Подслащивая пилюлю, император определил Бутакова в Государственный совет, куда назначали обычно престарелых сановников.

Возглавлявший Госсовет великий князь Михаил Николаевич сказал Бутакову при первой встрече:

— Надеюсь, что ты и здесь не будешь молчать!

— Я-то молчать не буду, но услышат ли меня! — хмуро ответил адмирал.

Бутаков тяжело переживал свое увольнение, которое знаменовало для него не только уход от флотской работы, но и непризнание его принципов подготовки флота. Бутаков сразу замкнулся в себе. Понимая состояние мужа, жена... пыталась отвлечь супруга от мрачных мыслей. Бутаковы сняли дачу под Выборгом, куда и перебрались. Там адмирал, пытаясь отвлечься, много читал, писал статьи и стихи.

Но вскоре последовал новый удар. [18 апреля 1882](#) года скоропостижно скончался в возрасте шестидесяти лет от аневризмы любимый младший брат Григория Ивановича контр-адмирал Иван Бутаков. Прямо на кладбище адмиралу стало плохо с сердцем, но тогда обошлось.

Немногословный Бутаков, оставаясь внешне спокойным, все происходящее переживал очень тяжело. Все чаще стало прихватывать сердце, но он, как мог, крепился. Истовое служение флоту, которое составляло суть и смысл жизни старого моряка, кончилось, а вместе с ним не стало и смысла жизни.

— Все у меня уже в прошлом! Зачем мне теперь какие-то новости! — говорил он жене, когда та пыталась рассказывать ему о прочитанном в газетах.

Утром 31 мая Бутаков поехал на заседание Государственного совета. Оттуда он отправился на Сергеевскую улицу, чтобы навестить вдову умершего полтора месяца назад брата Ивана. Покинув Марию Ивановну,

адмирал сел в ялик, чтобы переплыть Неву к финляндским парходикам, а затем отправиться к семье в Выборг. На середине реки ему внезапно стало плохо. Схватившись рукой за грудь, он медленно опустился на дно ялика. Видя, что адмиралу плохо, перепуганный яличник греб что было сил на Выборгскую сторону. Но когда ялик причалил и на крики яличника прибежали люди, Бутаков был уже мертв. Тело перевезли в приемный покой ближайшей больницы. В Морском министерстве о смерти известного флотоводца узнали лишь на следующий день.

На следующий день проходивший мимо Кронштадта пароход «Ильмень» известил сигналом о том, что не стало Бутакова. Пароход шел в Выборг с прискорбной вестью к семье адмирала, чтобы затем доставить жену в столицу на похороны.

Похоронили адмирала Бутакова на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с могилой брата Ивана.

Известие о безвременной кончине Бутакова было с горестью встречено не только моряками, но и всей Россией. Почти сразу была объявлена подписка на сооружения памятника любимцу русского флота, в которой приняли участие все моряки России. Автором памятника стал известный российский скульптор [М. А. Чижов](#).

Из статьи в журнале «Морское обозрение»: «Адмирал Григорий Иванович Бутаков мог бы еще долго пожить и служить нам живым представлением того класса людей, которые умеют служить и жить, какой бы мундир они ни носили, не лстя, не кривя душой, не принося интересов дела в жертву другим интересам. Служба покойного на море и в мирное время, и в военное время могла служить иллюстрацией к тому параграфу Морского устава, который вверяет морскому начальнику охранение чести русского флага. Привычка прямо глядеть в глаза смерти была в нем дополнением к привычке прямо смотреть в глаза людям, и эти две привычки выработали тот могучий образ, физическую потерю которого мы должны оплакивать теперь. Но, теряясь для нас физически, этот образ не перестанет быть с нами нравственно. Имя Бутакова будет передаваться из поколения в поколение как синоним идеала – человека и моряка, который с высоко поднятым челом явится на суд истории».

Вместо эпилога

К чести супруги покойного адмирала, Амалия Арсеньевна оказалась весьма энергичной женщиной и сделала очень многое для увековечивания

имени своего знаменитого мужа. Так, из определенной ей за мужа пенсии она выделила тысячу рублей в призовой фонд, чтобы процент от них выдавался в виде приза имени адмирала Бутакова победителю гонок катеров под парусами. Амалия Арсеньевна являлась членом Морского благотворительного общества, принимая самое активное участие во всех проводимых там акциях. Помимо этого она уговорила лично знавшего адмирала капитана 2-го ранга Андрея Деливрона написать биографический очерк о муже. В 1883 году биография адмирала была издана. В 1911 году Амалия Арсеньевна добилась переиздания книги. Брошюра Деливрона и сегодня является одним из главных источников информации о жизни и службе Григория Ивановича Бутакова.

История уникальной морской династии Бутаковых давно уже ждет своего пытливого исследователя. Вообще в XIX веке служба сразу нескольких братьев на флоте была делом обыкновенным. Но Бутаковых служило на флоте одновременно сразу двенадцать человек! Прежде всего, это представители старшего поколения – братья Иван Николаевич и Александр Николаевич, бывшие в ту пору уже в адмиральских чинах. Кроме них – пять сыновей Ивана Николаевича, три сына Александра Николаевича и два сына их двоюродного брата Ивана Ивановича. Отметим, что за флотскими офицерами были замужем и две дочери Ивана Николаевича. Столь многочисленного семейного клана в российском флоте больше не было!

О сыновьях двоюродного брата Ивана Николаевича Петре и Федоре известно немного. Петр умер лейтенантом в 1841 году, а Федор, отличившись в боях с турками на Дунае в Крымскую войну, вскоре уволился в чине подполковника.

Из сыновей Александра Николаевича Бутакова наиболее заметный след в истории флота оставил младший Сергей. В 1853–1854 годах он совершил кругосветное плавание на фрегате «Диана» под опекой своего двоюродного брата Ивана (старшего офицера «Дианы»), был участником драматических событий в бухте Симода, отчаянного плавания на Камчатку и обороны устья Амура. В 1861 году Сергей Бутаков был произведен в лейтенанты «за отличие». Прекрасно показал он себя и в 1864 году при снятии с мели клипера «Всадник». Но вскоре уволился с флота «с чином коллежского асессора для определения по статским делам». Два его старших брата Михаил и Николай, дослужившись до лейтенантов, также уволились с флота.

О сыновьях Ивана Николаевича Алексее, Григории, Иване, Дмитрие и Владимире мы поговорим подробнее, так как один из них, Григорий,

главный герой нашего повествования.

Служебная карьера старшего Алексея началась не слишком удачно. Кругосветное плавание на шлюпе «Або» сопровождалось многочисленными смертями матросов и не менее многочисленными скандалами с пьянствовавшим и проматывавшим казенные деньги командиром шлюпа Юнгом. Затем Алексей долгие годы служил в Средней Азии на Арале и Сырдарье, оставив большой след в истории освоения этого края. Заслуги Алексея Бутакова были оценены контр-адмиральским чином, но прожил он, вернувшись в Россию, из-за болезни почек недолго.

Вторым по старшинству из сыновей Ивана Николаевича был адмирал Григорий Иванович Бутаков.

Следующий по старшинству сын Иван служил первое время мичманом на Черном море, под покровительством отца и старшего брата Григория, крейсировал у Абхазии. В 1852 году был переведен на Балтийский флот и участвовал в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» на Дальний Восток, но из Сингапура был отослан в Петербург со служебными бумагами адмиралом Путятиным. После возвращения получил назначение старшим офицером на фрегат «Диана» и снова отправился в кругосветное плавание. Вместе с командой прошел все перипетии цунами у японских берегов, гибель судна, плавание на Камчатку и в Николаевск-на-Амуре. Впоследствии командовал фрегатами «Светлана» и «Ослябя» в эскадре адмирала Лесовского в Америке. Затем в течение одиннадцати лет начальствовал отрядом российских кораблей в греческих водах, выступая гарантом турецкого невмешательства. Был произведен в контр-адмиралы. И сегодня греки вспоминают имя Ивана Бутакова с благоговением. В последние годы, в связи с ухудшением здоровья, был определен в эскадр-майоры – начальником придворной флотилии. В 1880 году стал генерал-адъютантом, а за три месяца до смерти в январе 1881 года получил и вице-адмиральские эполеты.

О судьбе лейтенанта Дмитрия Бутакова, получившего смертельное ранение на Малаховом кургане в конце Севастопольской обороны и умершего от ран в апреле 1856 года в Симферополе, мы уже писали. В недолгой службе Дмитрия была все же весьма интересная страница. В 1846 году он выпустился из Морского корпуса на Черноморский флот и вскоре по решению Лазарева участвовал в знаменитом плавании черноморской яхты «Орианда» вокруг Европы в Кронштадт для участия в яхтенной регате.

История эта такова. В августе 1848 года яхта Черноморского флота «Орианда» под командованием И. С. Унковского приняла участие в регате

императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба, где заняла первое место. При возвращении обратно на корабле из-за плохой воды, заправленной в Петербурге, возникла холера. Три человека умерло, десять человек заболело. Для замены воды и оказания медицинской помощи яхта зашла в Копенгаген. Вместо оказания помощи, как вспоминал впоследствии Лазарев, «полурусский посланник наш» в Дании прислал чиновника с датским офицером с приказанием убираться, под угрозой открыть огонь с береговых батарей. Унковский подтянулся ближе к крепости и ответил, что немецких ядер не боится и без воды не уйдет. Снялся он с якоря только после удовлетворения всех своих требований, «к стыду посольства нашего». Дмитрий тогда болел, но остался жив. Не был чужд Дмитрий и творчества. Так, в 1855 году он опубликовал в журнале «Морской сборник» статью «Береговые обороны», переведя ее с английского прямо на бастионе.

Самый младший из сыновей Ивана Николаевича Владимир был также личностью весьма примечательной. Возможно, он звезд с неба не хватал, но службу на море любил и служил честно. Во время обороны Севастополя мичман Владимир Бутаков отважно сражался на четвертом и пятом бастионах. В октябре 1854 года был ранен, контужен в голову, получил сильный ожог лица. В марте 1855 года снова ранен в голову осколком бомбы, но остался на бастионе. Был награжден орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Владимира 4-й степени с мечами и чином лейтенанта «за отличие». После войны плавал на пароходах и других судах на Черном море. Думается, что Владимир Бутаков установил своеобразный рекорд по времени, проведенному на капитанском мостике, ибо капитаном судов младший из братьев Бутаковых проплавал с 1857 по 1885 год, то есть почти тридцать лет. В 1885 году капитан 1-го ранга Владимир Бутаков был уволен в отставку с производством в чин контр-адмирала. Умер же Владимир Иванович Бутаков в 1894 году.

Через год после смерти Григория Ивановича его сын Александр окончил Морской корпус, после чего служил флаг-офицером при командире Практической эскадры. Затем начальствовал миноносцами, был морским агентом в США, командовал минным крейсером «Всадник», крейсерами «Алмаз», «Паллада» и «Баян». Женат Бутаков-младший был на дочери генерал-губернатора Западной Сибири Кознакова Ольге Николаевне. С 1913 года Александр Бутаков – начальник штаба Кронштадтского порта. В том же году он был произведен в контр-адмиралы. Ничем выдающимся Бутаков-младший не отличался, но служил ревностно и честно. В 1915 году он вместе с матерью

присутствовал на закладке крейсера «Адмирал Бутаков», названного в честь отца.

Во время февральского мятежа в Кронштадте контр-адмирал Бутаков был схвачен матросской толпой и вместе с адмиралом Виреном расстрелян на склоне Докового оврага. По воспоминаниям самих палачей, при расстреле Бутаков вел себя на редкость мужественно. Он не молил о пощаде и встретил смерть, как подобает русскому адмиралу, глядя в лицо своим палачам. Но почуявшие запах крови матросы не ограничились убийством контр-адмирала. Они ворвались в дом Бутакова и, вытащив на улицу его престарелую мать, закололи штыками. Вдове великого адмирала шел тогда 83-й год. Конечно, Амалия Арсеньева была дама с характером, могла пьяным матросам и сказать что-нибудь оскорбительное, но все же это не повод, чтобы убивать немощную старуху.

Существует свидетельство, что труп Александра Бутакова, скатившись с обрыва, принял сидячее положение. Жители несколько дней не решались подойти к месту, где труп адмирала с развевающейся седой бородой как бы сторожил остальных казненных. Только через несколько дней сослуживцы Бутакова перевезли его тело в Петроград и похоронили на [Никольском кладбище Александро-Невской лавры](#) недалеко от могил отца и дяди.

Судьба младшего сына Бутакова Алексея была более счастливой, если можно считать счастьем жизнь вдали от Родины. В 1917 году он в чине контр-адмирала, как некогда его отец, командовал Петроградским портом. При Временном правительстве вышел в отставку. Служил в армии Деникина и Врангеля. В декабре 1920 года на судне «Владимир» прибыл в Югославию, где впоследствии и умер.

Похоже на судьбу сыновей сложилась и судьба племянников Григория Ивановича, детей любимого его брата Ивана. Старший из них, названный в честь дяди Григорием, в чине капитана 1-го ранга воевал в армии Деникина. В эмиграции жил во Франции. Умер в Каннах в 1960 году. Его младший брат Степан служил гидрографом в Архангельске, содействовал проходу туда английской эскадры. В 1920 году был в армии Деникина, при эвакуации остался в Крыму и был в 1927 году расстрелян чекистами в Архангельске.

Внук Григория Ивановича (сын растерзанного сына Александра) мичман Григорий Александрович Бутаков воевал на стороне красных в Гражданскую войну, в Великую Отечественную защищал Севастополь, дослужился до капитана 1-го ранга. Умер он в глубокой старости в Ленинграде в 1984 году.

Сын Григория Александровича старший лейтенант Евгений Бутаков

(правнук знаменитого адмирала) геройски погиб во время Новороссийской десантной операции в 1943 году в возрасте двадцати четырех лет. Вместе с ним пресекался и знаменитый морской род Бутаковых.

В 20-х годах XX века, когда массово сносили памятники царским сановникам, бюст Григория Ивановича Бутакова с его могилы был перенесен в музей городской скульптуры.

Именем адмирала Григория Бутакова были названы заливы: один в Беринговом море около бухты Святого Лаврентия и на восточном берегу Сахалина, открытые в начале 80-х годов XIX века командирами наших клиперов.

Снова о Григории Ивановиче вспомнили во время Великой Отечественной войны, когда возникла необходимость в возрождении имен героев русского флота. Конечно, это произошло не случайно, ведь именно через Бутакова протянулась нить преемственности старой лазаревской морской школы к эпохе парового и броненосного флота, а заложенные им основы боевого маневрирования и доныне считаются классическими.

С тех пор и до сегодняшнего дня Бутакову посвящали и посвящают статьи, книги и диссертации. Его имя вошло в пантеон великих отечественных адмиралов. Но, в отличие от других наших знаменитых флотоводцев, корабля с именем «Адмирал Бутаков» в составе советского, а потом и российского флота так и не появилось. Будем надеяться, что это когда-нибудь все же произойдет.

Герой России, любимец Болгарии

В Санкт-Петербурге, на одной из старых аллей кладбища Новодевичьего монастыря, лежит обвитый морской цепью гранитный валун. На камне надпись: «Капитан 2-го ранга Измаил Матвеевич Зацаренный, 1850–1882 гг.». У подножия камня – якорь как символ последнего земного пристанища моряка.

Командиры храбрых «птичек»

...Шел 1877 год. Вступившись за порабощенных и угнетенных братьев-болгар, Россия объявила войну Турецкой империи. В ночь на 15 июня русская армия, форсировав Дунай, вступила на многострадальную землю Болгарии. Освободительная война началась.

В эти дни тяжелый груз забот лег на плечи главного командира Черноморского флота генерал-адъютанта Аркаса. Адмирал был моряком многоопытным, штормов и боев прошел немало, но сейчас и он терзался сомнениями: удастся ли ему сдержать удар турецкого флота? Основания для этих сомнений были веские. После окончания Крымской войны России строгойше запрещалось держать на Черном море крупные морские силы. Турция же, напротив, с каждым годом все больше и больше наращивала свой флот. К 1877 году она имела несколько мощных броненосных эскадр. Россия могла противопоставить этому лишь две круглые «поповки», предназначенные для защиты устья Дуная, да несколько старых деревянных корветов. Вся надежда адмирала была на береговые батареи да на несколько быстроходных пароходов, переданных ему на время войны.

— С этими силами, помолясь, против супостата и двинем! – объявил Аркас своим флагманам. – Вот только бы еще офицеров опытных прислали, тогда б совсем распрекрасно было! А кабы еще пушчонок подкинули...

Офицеров ему прислали, в остальном же велели обходиться своими силами. Прибывших распределяли прежде всего на отряд судов активной обороны, куда входили переданные флоту пассажирские пароходы. Среди присланных в Севастополь был и лейтенант Зацаренный.

Лейтенант был выходцем из небогатой, но большой и дружной офицерской семьи. Отец его, пехотный подполковник, был страстным почитателем великого Суворова и по этой причине своему первенцу дал

весьма оригинальное и необычное имя в честь одной из побед великого полководца – Измаил. А потому, когда докучливые приятели интересовались, не является ли его имя мусульманским Исмаилом, Зацаренный неизменно отвечал им:

— Наоборот, господа, имя мое самое что ни на есть русское, так как это имя русской победы!

Согласно предписанию лейтенанту Зацаренному назначалось явиться на пароход «Великий князь Константин», что чадно дымил трубами у Угольной пристани.

— Кто пароходом командует? – поинтересовался он, получая предписание в штабе флота.

— Макаров Степан, то же, как и вы, из лейтенантов! – отвечал ему красноносый канцелярский чиновник.

Командира парохода Зацаренный застал на верхней палубе; тот что-то разъяснял обступившим его матросам. Как и положено, представился.

— Что окончили? – поинтересовался Макаров, пожимая руку своему новому подчиненному.

— Морской корпус и минные офицерские классы!

— Где плавали?

— На шхуне «Тунгуз» из Кронштадта к устью Амура, затем на Тихоокеанской эскадре.

— Весьма рад, что буду иметь у себя на судне столь подготовленного офицера. День на ознакомление – и принимайте дела минного офицера!

«Великий князь Константин» представлял собой старый пароход Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), вооруженный по случаю войны шестидюймовой мортирой и несколькими мелкими пушками. Кроме того, по настоянию капитан-лейтенанта Макарова на пароход установили четыре малых минных катера, вооруженные шестовыми да крылатыми минами. Этими вот минами и предстояло заниматься Измаилу Зацаренному.

Ознакомившись со своим хозяйством, Зацаренный заявил Макарову напрямую:

— С пороховыми зарядами мин мы гораздо опасней для себя, чем для турок!

— Чем же можно заменить порох? – помрачнел командир «Константина».

— Нужен пироксилин! – вздохнул Зацаренный. – Хотя с ним хлопот тоже немало, особенно когда он сух и легко взрывается!

— Ну а запалы?

— Запалы с гремучей ртутью тоже дрянь изрядная! — усмехнулся минный офицер. — Они дают массу отказов, но другого на сегодняшний день у нас нет, будем обходиться этим.

Степан Макаров тут же отправился в штаб флота, что располагался в маленьком домике против Графской пристани. Там он явился к адмиралу Аркасу и вышел от него только тогда, когда тот клятвенно обещал достать необходимое количество пироксилина.

Сам Зацаренный тем временем осваивал минные катера. Целыми днями его «птички» (как их любовно называли матросы) бороздили воды Севастопольской бухты. Испытания показали, что катера из-за носовых шестов с минами сильно зарываются в воду: «Сухум» не всходит на волну, а «Наварин» ложится на бок и черпает бортом воду.

— Наши «птички» хороши для реки, но почти бесполезны для моря! — доложил Макарову по завершении испытаний минный офицер.

— Ну и что же дальше? — сдвинул брови Макаров.

— Будем воевать на том, что есть! — рассмеялся Измаил.

А время поджимало. Со дня на день следовало ожидать активных действий турок. Поздними вечерами, когда стихал Севастопольский рейд, Макаров с Зацаренным сдвигали столы в кают-компанию, раскатывали на них огромные чертежи и приступали к созданию всевозможных усовершенствований для своего оружия. Макаров предложил новое крепление для мин-крылаток, Зацаренный занялся разработкой дымогарной трубки на шесте. Набитая мелким пироксилином, трубка предназначалась для подрыва турецких заградительных бонов. Вскоре по Севастополю пополз слух, что константиновские офицеры запили горькую. Очевидцы говорили, что почти ежедневно наблюдали, как на «Константин» сгружали десятки ящиков с «Донским шипучим», известным в офицерской среде под названием «Шампанское-пли».

Через несколько дней Макарова вызвал к себе Аркас:

— Ваши офицеры скупили почти все вино в Севастополе? Что у вас на «Константине» вообще происходит?

Командир «Константина» от обвинения не отказывался. Более того, он как на духу признался адмиралу, что самолично извел на спиртное всю последнюю получку.

— Потрудитесь объяснить! — посуровел адмирал.

— Дело в том, ваше превосходительство, — объяснил ему Макаров, — что бутылки идут у нас на дымогарные трубки, лейтенантом Зацаренным изобретенные! А так как мы много экспериментируем, то и покупать приходится много.

— Ну, тогда эксперименты свои продолжайте и далее, только знайте меру! – напутствовал командира парохода командующий.

А Макаров с Зацаренным тем временем отрабатывали учебные атаки: днем – подводку мин, ночью – отыскание неприятельского судна в море. Все без единого огонька, на ощупь!

Вскоре в Севастополь пришло тревожное известие о варварских бомбардировках турками Поти, Гудауты и Сухум-Кале. Броненосцы султана безжалостно расстреливали жилые дома и больницы, трактиры и церкви. Все побережье от Анапы до Очамчира полыхало и дымилось.

Окутав рейд дымом, 18 апреля «Константин» вырвался наконец-то в море. Курс его был начертан к кавказскому побережью. Так началась для Измаила Зацаренного военная страда...

Первый рейд успеха не принес. «Константин» из-за нерешительности начальства опоздал. Когда русские моряки достигли цели, турок уже не было. Только догорали на береговых склонах остатки селений.

— Зато теперь мы с опытом! – заявил Аркасу по прибытии в Севастополь Макаров. – А потому второй рейд следует произвести прямо на Батум, где так любят отстаиваться турецкие броненосцы!

Аркас не возражал.

Перед выходом Макаров собрал на мостике офицеров:

— Господа, встреча с турецкой эскадрой для нас погибельна. Наш козырь – ночные минные атаки на гудах! Кто не желает риска, лучше останьтесь!

Желающих остаться не нашлось. За кормой «Константина» вскипала крутая черноморская волна. Выйдя на мостик, Макаров глянул на палубу: там, орудуя разводными ключами, готовили к бою мины. Командир «Константина» осмотрел горизонт. Все было чисто. Позже, когда историки сопоставят курсы русского парохода и турецкой эскадры, станет ясно, что «Константин» в этом походе лишь чудом избежал губительной встречи. Противники разминулись буквально на час...

Вскоре пароход уже подходил к батумским берегам. В сумерках спустили на воду минные катера. На «Синопе» за командира – лейтенант Писаревский, на «Наварине» – Подъяпольский, на «Минере» – сам Макаров. «Чесму» вел Измаил Зацаренный.

— Атакуем броненосцы в глубине рейда! После атаки все к пароходу! Пошли! – скомандовал Макаров.

Развивая полный ход, «птички» устремились вперед. Корпуса их дрожали, как в лихорадке. В глазах машинистов рябило от мелькания шатунов. Внезапно из темноты по курсу возникло судно: то был не

замеченный ранее дозорный пароходофрегат, стоявший мористее броненосцев. Оставлять его у себя в тылу – опасность смертельная.

— Атакуйте, Исмаил Матвееч! – прокричал на «Чесму» Макаров.

Зацаренный в знак понимания махнул рукой. Все ясно: его «Чесма» – лучший ходок, с него и спрос.

— Внимание! – скомандовал лейтенант, утирая лицо от летящих брызг. – Изготовить мину к поражению!

Вот уже перед носом катера наплывает громада неприятельского судна. Матросы лихо, как на учениях, подводят мину под борт. Сам Зацаренный держит в руках проводник электрической батареи. Обмотав его пару раз для надежности вокруг руки, он приготовил два оголенных конца. Замкнуть – и рванет подведенная под борт мина!

— Пора! – И лейтенант соединил концы, невольно пригнув голову в ожидании взрыва.

Секунда-другая... Взрыва не было! Зацаренный понял, что где-то нарушена цепь. Внезапность была потеряна, и теперь следовало отходить, спасая людей. Бешено

вращая маховик кулисы, Зацаренный дал реверс. «Чесма» будто отпрянула от своей жертвы. И сразу встала...

— Что еще там? – крикнул лейтенант.

— Конец буксировочный на винт намотало! – ответил ему катерный боцман, прыгая за борт.

А на борту пароходофрегата уже галдели вовсю. Турки подняли тревогу. Забегали по волнам лучи прожектора, вот-вот ударят пушки! Нырять в полной темноте, матросы на ощупь нашли и отцепили трос. Дав полный ход, «Чесма» буквально чудом вырвалась из смертельных объятий, а вслед уже гремели беспорядочные залпы. Тем временем в атаку на пароходофрегат выходил «Синоп» лейтенанта Писаревского. Турки, почуяв опасность, поспешили в глубь рейда под защиту броненосцев. Над турецкими кораблями и береговыми батареями взлетели сигнальные огни.

Макаров в ярости сжал фуражку:

— Все сорвано! Отходим!

«Великий князь Константин» уже оставил далеко за кормой батумские берега, а турки все еще продолжали сражение с несуществующим противником.

— Понаделали мы тарараму, до сих пор Абдулка не опомнится! – шутили матросы.

3 мая пароход уже швартовался в Севастополе. Макаров пребывал в большом расстройстве.

— Надо же, первая атака – и такой позор! – сокрушался он.

— Ничего! – утешал его, как мог, Измаил. – Главное – извлечь из происшедшего уроки. Война только начинается!

Весьма снисходительно отнесся к неудаче и адмирал Аркас.

— Не будем слишком строги! – похлопал он по плечу Макарова. – Первый блин всегда комом! Люди ж ваши работали лихо, а потому заслуживают быть награжденными. К тому ж и прыти у турок после вашей встряски поубавилось заметно!

Все участники рейда были щедро награждены. Офицеры получили ордена, матросы – солдатские Георгии. Лейтенанту Зацаренному Аркас собственноручно нацепил на грудь Святого Владимира 4-й степени.

В вихре атак

Часто бывает, что первая неудача заставляет опустить руки. Константиновцев же она лишь раззадорила. Не прошло и недели, а пароход уже дымил на широте Сухума, на рейде которого отстаивалось после разбойного набега на русское побережье сразу шесть турецких броненосцев. На этот раз успеху помешали густой туман и ранний рассвет. В Севастополе не задерживались. Быстро загрузили уголь – и снова в море. Но теперь курс был взят в сторону противоположную – к Сулинскому гирлу, где недавно видели одну из турецких эскадр. Для пополнения запасов завернули в Одессу. Местный морской начальник контр-адмирал Чихачев взялся было инструктировать Макарова, затем махнул рукой:

— Умного учить – только портить! Делай как знаешь!

В этом походе на борту «Константина» помимо старых катеров было два новых, номерных. В восьмом часу вечера Макаров сказал команде несколько напутственных слов, матросы в шедших на буксире катерах ответили троекратным «ура».

По расчетам к гирлу должны было подойти к полуночи. Но поднялась волна, стали лопаться буксиры... Пришли с задержкой изрядной.

— Господа! – обратился к командирам катеров Макаров, когда вдали замигал Сулинский маяк. – Отдавайте буксиры и ступайте! Всем держаться вместе, разделяться лишь перед самой атакой. Старшим на отряде – лейтенант Зацаренный. Храни вас Бог!

Отдали буксиры. Перестраиваясь на ходу в боевой порядок, катера устремились вперед. Главными – быстроходные «Чесма», два новых – номер один и два, за ними – остальные. Вскоре на фоне ночного неба стали

проступать силуэты неприятельских кораблей.

Зацаренный удовлетворительно опустил бинокль:

— На рейде цвет турецкого броненосного флота: «Фехти-Буленд», «Иджалия» и «Мукадем». Теперь-то им от нас не уйти! Атакуем!

Стремясь охватить противника с фланга, «Чесма» Зацаренного отвернула вправо и скоро скрылась от остальных в темноте. Теперь передовыми шли два номерных катера Вадима Рождественского и Леонида Пущина. Рождественский пристопорил машину, спросил Пущина вполголоса:

— Видишь слева броненосец?

— Вижу! – ответил тот. – Этот мой!

И его катер, отвернув на цель, растворился в ночи. Приблизившись к неприятелю, Рождественский с горечью отметил, что из трех неприятельских броненосцев один уже дал ход, а два других были под парами. Огни на всех затушены. Наметив для себя ближайший, Рождественский спустил шест с миной за борт и дал полный ход. На подходе к кораблю турки открыли ружейную пальбу, на броненосцах началась суматоха. Рождественский глянул на часы. Было два часа ночи. Катер номер один выходил в атаку. Однако экипаж подстерегала неожиданность. На самом подходе к кораблю шестовая мина обо что-то ударилась и взорвалась. Последовал сильный толчок, и катер уткнулся в какое-то препятствие.

— Что такое? – закричал, чуть не плача от досады, лейтенант.

Осмотревшись за бортами, моряки поняли, что «птичка» прочно села на один из заградительных бонов, которые предусмотрительно выставил вокруг своих кораблей командующий эскадрой Гоббарт-паша (он же граф Бокингамский Август-Карл-Гоббарт).

— Что будем делать, ребята? – окликнул матросов Рождественский.

— Сейчас раскачаемся! – отвечали ему.

Раскачав катер и отработав назад машиной, Рождественский без потерь отошел от броненосца. Борт катера, иссеченный пулями, напоминал решето. Бой меж тем продолжался. Теперь в атаку выходил катер Леонида Пущина. И его ждал свой бон... но здесь все обстояло гораздо трагичнее. Бон проломил днище, и «птичку» стало быстро заливать водой. Заглохла машина.

Пущин оценил ситуацию.

— Топимся! – скомандовал он. – Все за борт!

Судьба катера номер два оказалась драматичной: всю команду ожидал долгий турецкий плен...

Катер Измаила Зацаренного атаковал третий броненосец. Сблизившись с ним, он спустил свою крылатую мину. Но и Зацаренному в этот раз не повезло. Едва мину сбросили за борт, как ее проводник зацепился за винт и запутался. Стала машина. На мгновение все стихло, только с шипением выходил из-под сальников пар. Пришлось, как и у Батума, распутывать винт и отходить.

Три остальных катера застряли в рыбацких сетях и опоздали с атакой. Неприятельские корабли дали ход, и катерам пришлось отходить. Не легче было в это время и Макарову. Дрейфовавший «Константин» снесло к отмели. Еле вырабатывали машиной против поднявшегося ветра, командиру судна пришлось даже выбросить за борт часть угля. Впрочем, в остальном все обошлось благополучно. Катера нашли «Константин», и пароход, удачно уйдя от погони, прибыл в Одессу.

Настроение команды было удручающим. К переживаниям из-за неудачной атаки добавилось тягостное неведение о судьбе товарищей с пущинского катера.

Здесь сразу же следует сообщить, что лейтенант Пущин по возвращении из плена был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. В его честь в 1878 году был назван минный катер на Дунае, а затем минный крейсер Черноморского флота.

Но тут лазутчики принесли вдруг радостное известие о том, что атака Измаила Зацаренного все же оказалась успешной. Его мина взорвалась уже после отхода катера, и лейтенант не мог видеть результатов своей атаки. Повреждения «Иджали» оказались весьма серьезными, и отведенный на буксире в Стамбул броненосец до конца войны не принимал участия в боевых операциях.

По единодушному мнению офицеров «Константина», достойнейшим из них в Сулинском бою был Вадим Рождественский, За подвиг лейтенанту был вручен Святой Георгий 4-й степени. Катер его переименовали в «Сулин». 30 июля 1878 года на переходе из Одессы в Очаков катер «Сулин» погиб от взрыва котла вместе со всей командой и доблестным командиром.

Однако вернемся назад. Долго прохлаждаться константиновцам в Одессе не пришлось. Едва перевели дух, пришла телеграмма командующего – немедленно следовать в крейсерство к берегам турецкой Анатолии. И снова море. Макаров, как и надлежит командиру в подобной ситуации, днюет и ночует на мостике. Не меньше забот у Зацаренного. Не доверяя никому, сам снаряжал в этот раз все мины.

— За исправность оружия я готов положить голову на плаху! — сказал он Макарову, когда работа была закончена.

Анатолийский рейд был для «Константина» удачным. Турки не ожидали появления русских у своих берегов. У селения Китрос 8 июля «Константин» настиг неприятельский бриг «Османие». Отстреливаясь, тот пытался уйти. В погоню за ним был послан катер лейтенанта Писаревского. Выстрелами он поджег судно, а затем подвел под него мину. Раздался оглушительный взрыв – и бриг навечно исчез в волнах.

— Слава богу! – вытер пот со лба Измаил. – Кажется, наши мины начинают, наконец, работать как должно!

Рейд между тем продолжался. Вскоре после «Османие» впередсмотрящие «Константина» обнаружили сразу три убегающих брига. На этот раз в погоню устремилась «Чесма» Зацаренного. Степан Макаров в бинокль следил за действиями своего ближайшего помощника.

— По действиям Измаила можно писать учебник тактики! – сказал он, когда все было кончено и неприятельские суда одно за другим погрузились в воду.

Подтвердил свою репутацию блестящего мастера минных атак Зацаренный и в следующем рейде. Пять судов недосчитался тогда султан. А затем был отчаянный поединок у кавказских берегов с закованным в крупновскую сталь броненосцем «Ассари-Шевкет». Отвлекая на себя эту бронированную черепаху, «Константин» выручил отряд полковника Шелковникова, пробивавшегося вдоль моря к Гагаринскому ущелью. Старый полковник, видя, как отважно набрасывается на грозного противника однотрубный русский пароход, говорил своим солдатам:

— Глядите, ребята! Вот так надо любить свою Родину!

Выполнив задачу, «Константин» поспешил в Новороссийск.

Когда в один из дней Измаил писал письмо родным, его прервал стук в дверь каюты. Заглянул рассыльный:

— Ваше благородие! Командир к себе приглашают!

Когда Измаил вошел к Макарову, там уже сидели все офицеры. Сам командир, восседая во главе стола, молча листал толстенный том «Морского альманаха».

— Итак, господа, – сказал он, хитро улыбаясь в усы. – Отгадайте загадку. Чем любопытна ночь с 11 на 12 августа нынешнего, 1878 года?

Офицеры переглянулись. В салоне воцарилось тягостное молчание.

— По-моему, в эту ночь ожидается лунное затмение, – подал голос из своего угла Зацаренный.

— Браво, Измаил Матвеевич! – Макаров с силой захлопнул альманах. – Именно этим подарком природы мы и постараемся воспользоваться. Ночь будет, как никогда, темной, и наш удар должен быть

неотразим! При этом у нас в распоряжении всего сутки! Идем на Сухум!

Отпустив офицеров, Макаров задержал Зацаренного:

— На этот раз мины должны сработать как часы!

10 августа в мутной утренней дымке пароход оставил Цемесскую бухту. Вначале держали курсом на Сочи, чтобы ввести в заблуждение встречные турецкие шаланды. Далекий кавказский берег полыхал пожарами: это, не желая оставлять врагу нажитое, абхазцы жгли свои жилища.

Вечером следующего дня подошли к Сухуму. Без лишнего шума спустили катера – «Синоп», «Наварин», «Минер» и «Чесму». Общую команду отрядом, как всегда, взял на себя Измаил Зацаренный. Катера дружно отвалили от борта «Константина». Согласно плану Макарова предполагалось взорвать бон, а затем уже атаковать стоящие на рейде броненосцы одновременно.

Подойдя малым ходом к рейду, катера подождали начала затмения. И едва луна стала погружаться во тьму, «птички» Зацаренного устремились вперед. Однако русских моряков подстерегала неприятная неожиданность: несмотря на полное затмение, рейд оказался ярко освещенным всполохами многочисленных пожаров на берегу. Где-то тревожно и глухо били барабаны... А затем и новое открытие – вместо двух ожидаемых броненосцев на Сухумском рейде сонно покачивался лишь один. Но отступать было уже поздно.

Лейтенант Зацаренный выводил свои катера в атаку решительную! Все было как всегда: окрик часового, паника, пальба из ружей и пушек. «Синоп» первым подвел мину под броненосец, затем поочередно сбросили свой смертоносный груз «Наварин» и «Минер». Взрыв следовал за взрывом, и каждый сопровождался дружными криками «ура».

Сам Измаил Зацаренный, находясь на своей «Чесме» в резерве, атаковал последним, но ему не повезло: катер попал в кучу обломков турецкого корабля и потерял там мину.

Не обошлось во время боя и без драматичных моментов. Так, катер «Синоп», уже подорвав свою мину, сцепился у борта неприятельского броненосца с турецким гребным катером на абордаж. Схватка была скоротечной, но яростной. Турки дрались веслами и ятаганами, русские отбивались отпорниками. Командира «Синопа» лейтенанта Писаревского в пылу боя турки подцепили сзади за хлястик шинели и пытались стащить в воду. Отбили командира волонтер Беликов да матрос Земляков. Пока один отстреливался от турок из пистолета, другой втащил Писаревского в катер. Лейтенант отделался лишь ранением головы.

Неприятельский броненосец медленно погружался, заваливаясь на борт. Дело было сделано, и Зацаренный дал сигнал к отходу.

На «Великом князе Константине» героев встречали дружным «ура». Подняв на борт катера, Макаров тут же развернул пароход в море. Вдали уже дымила подходящая к Сухуму турецкая эскадра. Турецкий броненосец «Ассари-Шевкет», к сожалению, не затонул. Но надолго вышел из строя. Это обстоятельство, впрочем, не помешало туркам объявить, что их корабль остался невредим, а русские потеряли при атаке три катера из четырех. За атаку на Сухумском рейде Степан Макаров и Измаил Зацаренный были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, остальные офицеры и матросы – орденами и медалями.

Ознакомившись с докладом Макарова об итогах боя, адмирал Аркас долго ходил вокруг своего стола, затем подошел к стоявшему поодаль Зацаренному:

— Можно ли будет использовать ваши мины с пользой в дальнейшем?

— Нет! – отрицательно мотнул головой лейтенант. – Мины-крылатки капризны, и поведение их непредсказуемо.

— Люди озлоблены и желают, чтобы им дали настоящее оружие вместо палок! – мрачно добавил командир «Константина».

— Как же тогда объяснить ваши успехи, Степан Осипыч? – обернулся к нему Аркас.

— Мы побеждаем лишь от нашей лихорадочной любви к минному делу! – отвечал на это Макаров.

Слова эти донесла до нас история...

— Ясно, – вздохнул седой адмирал. – Отныне будем уповать на самодвижущиеся мины Уайтхеда! Первая партия их уже прибыла в Севастополь.

Покинув командующего, Измаил поспешил на вокзал, где на запасном пути стоял вагон с длинными стальными сигарами, начиненными смертоносным грузом. Лейтенант крепче надвинул на лоб фуражку: севастопольские улицы насквозь продувались штормовыми черноморскими ветрами.

А «Константину» приспело новое задание. Командующий был краток:

— Подкиньте продуктов Кавказской армии и действуйте по усмотрению!

Едва сгрузили в Новороссийске последний мешок с мукой, пароход взял курс на Батум. Там, по сведениям лазутчиков, отстаивалась в эти дни одна из неприятельских эскадр.

В порт вошли, как всегда, в вечерних сумерках. Спустили на воду

катера: «Чесму» и «Синоп» – уже с новыми самодвижущимися минами, «Наварин» и «Сухум-Кале» – со старыми крылатками. Целью для атаки избрали флагманский броненосец «Махмудие». Первым, по обыкновению, вышел в атаку Измаил.

Точность его удара была поразительна! Самодвижущаяся мина, прочертив пенный след среди темных волн, поразила цель под судовой трубой. Оглушительный взрыв... столб воды... истошные крики... А в атаку уже выходил «Синоп». Его торпеда, оставив фосфоресцирующий росчерк, ударила в борт под грот-мачтой. Броненосец дернулся – и стал погружаться... Развернувшись, «птички» Зацаренного лихим маневром вышли из-под огня. Разъяренные известием о тяжелых повреждениях своего лучшего броненосца, турки ответили на атаки «Константина» бомбардировками Евпатории и Феодосии, но и здесь оба раза были с блеском отбиты береговой артиллерией.

Рождество на «Константине» праздновали скромно. На шканцах поставили елку. Корабельный плотник, изображая Деда Мороза, вывалил в ладони Макарова горсть маленьких самодельных корабликов.

— Дарю вам броненосцы османовы! – сказал, улыбку в приклеенной бороде пряча, Макаров. – Настоящие же возьмите, господин капитан, у султана!

Решающая победа

Сразу же после Рождества «Константин» снова ушел в море. Штормило. С трудом выгребая против волны машиной, пароход упрямо шел к цели. На штурманской карте карандашная линия упиралась в надпись – Батум. В полночь 13 января 1878 года началась лучшая из атак Измаила Зацаренного. Лунный свет и блеск снежных кавказских вершин слабо освещали спящий рейд. Вскоре в его глубине был обнаружен крупный турецкий пароход. На «Синоп», идущий в кильватер «Чесме», Измаил крикнул:

— Внимание, атакуем! Я начинаю первым! Делай, как я!

На малых оборотах подкрались вплотную к громадному судну. Командир «Чесмы» махнул рукой. Катера разом подбросило на волне – это вышли самодвижущиеся мины-торпеды. Мгновение – вздыбилась стена воды. Раздался оглушительный грохот, треск. Пароход на глазах русских моряков разломился на две части, лег на правый борт и скрылся в круговороте воды и пены... Где-то в отдалении с опозданием заговорили

береговые батареи. Через каких-то полчаса Степан Макаров сжимал в объятиях Измаила.

Автору нет смысла описывать все перипетии этой блестящей операции, так как у нас имеются достаточные рапорты Зацаренного и Макарова. Послушаем самих участников этого достопамятного для русского флота события!

Из рапорта лейтенанта Зацаренного командиру парохода «Великий князь Константин»: «Отвалив от борта парохода в 10 часов вечера, катера пошли по направлению к Батуму, пройдя около $\frac{1}{2}$ часа и открыв на берегу много огней, взяли влево на них и перпендикулярно берегу, к которому подошли почти вплотную, турецкие часовые перекликались по берегу. Было очень темно, накрапывал дождь и стлался местами легкий туман. Оказалось, благодаря указаниям служивших в русском Обществе пароходства и торговли, штурмана Максимовича и волонтера Беликова, что мы уже прошли к югу от Батумского рейда. Повернув на север и держась вплотную к берегу, чтобы следить за его очертанием, я около 12 часов ночи обогнул мыс, на котором есть маяк и батарея, и вошел в бухту. За мною вошли и все другие катера. На рейде, казалось, было еще темнее от окружающих его гор, слышались обычные судовые турецкие свистки, а на берегу было видно несколько огней. Пройдя около кабельтова внутрь рейда, мы открыли два судна, стоящие близко к берегу, почти рядом друг с другими, кормами к берегу, носами внутрь рейда. Первое очень длинное, черное, по-видимому, броненосец трехмачтовый, бортового вооружения типа “Махмудие”. Второе, судя по высоте и виду рангоута, можно было принять за деревянный фрегат, я выстрелил миною Уайтхеда, которая отлично вышла из трубы и, взяв должное направление, взорвалась между фок– и грот-мачтами. Взрыв был довольно глухой, а столб воды высотой в полборта.

После взрыва мины произошла тревога, крики и пальба с турецких судов и берега по всем катерам. Я крикнул лейтенанту Щешинскому, чтобы и он выстрелил своею миною, которая, пройдя также хорошо, взорвалась у грот-мачты, причем звук был еще лучше. Сбросив с “Чесмы” минную трубу и выйдя из-под выстрелов, мы направились назад на пароход.

“Чесма” взяла на буксир “Синоп”, “Сухум-Кале”, “Наварин”. Пройдя около $\frac{1}{4}$ часа и заметя какое-то судно сзади от левого траверса, я крикнул катерам “Приготовить мины” и, отдав буксир, повернул на него. “Синоп” последовал за мною, “Сухум” же и “Наварин” шли немного сзади и, вероятно, не слыхав команды, потеряли нас из вида, что было весьма

нетрудно при такой темной ночи, и скрылись под берегом. Судно оказалось “Константин”, к которому “Чесма” и “Синоп” пристали около 1 часа ночи.

Как старому моему боевому товарищу, старшине “Чесмы”, матросу Кисленко и старшему минеру матросу Новгородцеву, я не нахожу слов для похвалы их хладнокровия и исполнительности. Прочая прислуга моего катера также достойна всякой похвалы. В заключение позволю себе особенно указать вашему высокоблагородию на дружеское и смелое товарищество командира “Синопа”, лейтенанта Щешинского, минного офицера мичмана Залесского и гардемарина Твердомедова, а также и прочих офицеров и команды катеров».

Из рапорта командира парохода «Великий князь Константин» капитан-лейтенанта Макарова главному командиру Черноморского флота и портов: «Окончив выгрузку провианта и фуража в Сочи, потребовавшую почти двухнедельного крейсерства у кавказского берега, я, согласно инструкции вашего превосходительства, отправился к неприятельскому берегу, для нанесения возможного вреда неприятелю.

На этот раз я предполагал употребить в дело мины Уайтхеда, только что приспособленные, по вашему приказанию, для спуска с катеров вверенного мне парохода.

Вечером 15 декабря при заходе солнца я подошел к Поти, где узнал, что в юго-восточном углу Черного моря замечено до шести судов, из них два в тот же день бомбардировали укрепление Святого Николая, два, видимо, были у Цихидзире и два должны были быть в Батуме. Суда, стоящие у Цихидзире, по показанию людей кабулетского отряда, остаются там на целую ночь. Хотя нападение на них легче, чем на суда, стоящие в Батуме, но я предпочел этот последний порт, где вернее мог рассчитывать найти турецкие суда.

В 7 часов вечера с вверенным мне пароходом снялся с якоря и пошел к Батуму. Погода чрезвычайно благоприятствовала для атаки: дувший в течение дня свежий SO стих, и зыбь совершенно улеглась, а небо было покрыто облаками. Зная хорошо, как переменчивы здесь погоды в зимнее время, я решился подойти к Батуму как можно ближе, для того чтобы катера легче могли найти рейд.

В 9^{1/2} часов в расстоянии одной мили от Батумского мыса я остановил машину и спустил катера: “Чесма” с миной Уайтхеда (командир лейтенант Зацаренный, волонтер минный офицер “поповки” “Вице-адмирал Попов”, мичман Залесский); “Синоп” также с миной Уайтхеда (командир лейтенант Щешинский, волонтер гардемарин Твердомедов и вольный механик

Красноштанов); “Сухум-Кале” (командир мичман Нельсон-Гирст, волонтер штурман Максимович) и “Наварин” (командир мичман Вишневецкий, волонтер дворянин Беликов).

В $3/4$ 10-го катера отвалили от борта. Ночь была так темна и тени от гор так изменяли расстояние до берега, что нужна была большая опытность в ночных вылазках, начальствующего отрядом катеров лейтенанта Зацаренного, чтобы найти Батумский рейд. Приходилось иногда идти очень близко к берегу, так что слышны были разговоры и перекликивания часовых.

Только после полуночи катера вошли на Батумский рейд и, обогнув мыс, внезапно увидели в очень близком расстоянии черную полосу, обозначающую судно; подойдя ближе, лейтенант Зацаренный хорошо различил большой трехмачтовый броненосец, по-видимому, “Махмудие”, флагманский в этой эскадре, и другой фрегат меньшего размера. Избрав для нападения “Махмудие”, лейтенант Зацаренный подошел к фрегату и, не торопясь, прицелился на трубу броненосца и спустил самодвижущуюся мину. Яркая фосфорическая полоса показала совершенно прямое направление мины, которая в пять-шесть секунд прошла расстояние между катером и броненосцем и взорвалась как раз под трубой его. Взрыв был очень глухой, и столб воды поднялся приблизительно на $1/2$ вышины борта броненосца.

Вот подробности первого боевого взрыва мины Уайтхеда, результаты которого определяют ту роль, какую предстоит играть этим минам в будущих морских сражениях. На броненосце слышались крики отчаяния, и с берега открыт был ружейный огонь. Взрыв первой мины произошел в 12 ч. 28 мин. пополудни по судовым часам.

Вслед за катером “Чесма” подошел лейтенант Щешинский на катере “Синоп”. Этот храбрый и хладнокровный офицер, действуя под выстрелами неприятеля, направил свою мину на грот-мачту броненосца и пустил ее. Мина пошла также прямо к цели, не уклоняясь в сторону. Взрыв казался еще более глухим и вызвал на броненосце новые сильные вопли отчаяния.

Затем катера, соединившись, вышли из-под ружейного огня, который прекратился в 12 ч. 40 мин. пополудни. Во время атаки неприятелем было сделано только два пушечных выстрела: один с береговых батарей, другой, кажется, с броненосца. По-видимому, турки не стреляли из орудий, боясь попасть в своих. Все четыре катера, бывшие под огнем, благодаря Богу, остались целы, убитых и раненых нет.

Заметив сигналы с катеров, я пошел к ним навстречу полным ходом.

Катера приняли меня за турецкое судно, входящее на рейд, и уже приготовились к атаке, но, окликнутые своевременно часовыми, они убрали свои мины и были тотчас же подняты. Другие два катера, увидя пароход и приняв его также за неприятельский, направились к берегу. До пяти часов я их искал, но напрасно.

В пять часов утра, находясь близ берега, заметил к S-юйду от форта Святого Николая огни, вероятно, того судна, которое было видно с рассветом с Потийского маяка.

Не желая сталкиваться с турецкими судами, перед рассветом я пошел в море. Я был совершенно уверен, что не отысканные мною катера благополучно придут, потому что погода, видимо, установилась очень хорошая, что же касается до машин, то в их исправности я всегда уверен, потому что механик Красноштанов, наблюдающий за этими машинами, исправляет их всегда ранее, чем они успеют повредиться. К заходу солнца следующего дня принял катера и направился в Севастополь, куда и прибыл утром 18 декабря благополучно.

Я ставлю себе в приятную обязанность высказать чувства глубокой благодарности нашим учителям по части мин Уайтхеда лейтенанту Рончевскому, подпоручику Максиму, которые научили нас обращаться с этим сложным орудием войны. Приписывая же удачное действие мин Уайтхеда, спущенных посредством катерных приспособлений, главным образом вниманию, хладнокровию и распорядительности лейтенантов Зацаренного и Щешинского, я в то же время осмеливаюсь донести, что горячее участие к этому делу старшего офицера лейтенанта Давыдова и механиков Павловского и Красноштанова много содействовали устранению тех недостатков, которые так присущи новому делу. Я очень счастлив, что ваше превосходительство назначили ко мне лейтенанта Щешинского и разрешили волонтером мичмана Залесского, оба оказались отличными минерами.

Главное же внимание вашего превосходительства покорнейше прошу обратить на начальствовавшего отрядом катеров лейтенанта Зацаренного, храбрость и энергия которого решительно выше всяких похвал. Рапорт его при этом представляю».

Вскоре в Севастополе стало известно, что потопленный Зацаренным пароход именовался «Интибахом». Победу праздновали в лучших севастопольских ресторациях.

Вскоре капитан-лейтенант Макаров уже знакомился с ордером на постановку мин в Босфоре. В то время русские войска, перевалив Балканы, начали свой стремительный марш к Стамбулу. Когда до турецкой столицы

оставалось всего несколько верст, султан поспешил заключить перемирие. Война за свободу болгарского народа была завершена.

Сразу же после подписания мира «Константин» был определен для перевозки русских войск в Россию, а затем передан своему постоянному владельцу. Была расформирована и вся боевая команда. Прощание было трогательным: слишком многое связывало людей, не раз и не два смотревших смерти в лицо!

Войну Измаил Зацаренный закончил капитан-лейтенантом с Георгиевским крестом и золотым оружием. Первое время, пока шли переговоры дипломатов в Париже и не исчезла угроза английского вторжения в Черное море, он командовал небольшой минной лодкой «Чижик».

В те дни «Кронштадтский вестник» писал: «Посредничество Германии, по-видимому, не имело успеха, хотя дипломатические переговоры еще и продолжаются при дружеском содействии Германии. К чему поведут эти переговоры, трудно сказать, одно ясно во всем этом деле, так это то, что Англия продолжает упорно стоять на своих невозможных требованиях и деятельно готовится к войне. Английские военно-морские газеты начинают уже поговаривать о сформировании новой сильной эскадры, которая будет носить название соединенной эскадры Английского канала и Балтийского моря. Сообщая это известие, газета “United Service Gazette” от 8 (20) апреля прибавляет, что она имеет причины думать, что такая соединенная эскадра будет сформирована в течение двух месяцев и прибавляет, что Англия, конечно, не ищет войны, но что сильное сознанием своего права правительство спокойно и решительно готовится защищать свои интересы и вместе с ними интересы и свободные учреждения всей Европы».

А затем новое назначение – заведующим минным заграждением в Бургасском заливе. Заграждение имело значение первостепенное, ибо прикрывало значительную часть болгарского побережья.

Болгария встретила русского офицера хлебом-солью. Измаил и представить себе не мог, что его имя столь популярно в здешних краях. Капитан-лейтенант Зацаренный не успел еще принять дела, а по всем прибрежным селениям Болгарии уже прокатилась молва, что к ним для защиты прибыл знаменитый моряк, наводивший ужас на самого турецкого султана. Вскоре домишко, где остановился Измаил, превратился в место настоящего паломничества. К нему шли за советом и помощью, с пожеланиями и благодарностью, да и просто так, чтобы пожать руку отважному моряку.

Работы было много. Ежедневно на катере капитан-лейтенант выходил в море: проверял установленные мины, тренировал матросов и офицеров, готовил побережья к возможной обороне со стороны моря.

Вот что писал Измаил Зацаренный своей сестре Анфисе: «Дорогая Анфиса! Я пишу тебе при следующей обстановке: глубокая бухта в заливе Бургас, кругом ни души – это наш передовой морской форпост. Гроза и ливень тропические... сухой только уголок стола, на котором я пишу теперь и на котором только что съел обычный завтрак – кусок противной баранины – единственное блюдо здесь... Каждую минуту жду приказаний действовать, минуты эти идут за минутами, полные неизвестностью того, что делается на свете... Болит сердце за Россию, если ей придется вести новую войну, стонет оно, когда подумаешь о том, что она должна будет отдать назад, уступить все то, что она пожертвовала...»

Командир «Батума»

Когда угроза английского вторжения отпала, Зацаренного перевели командиром миноноски «Ящерица», затем служба на корвете «Воин». А вскоре капитан-лейтенанта отозвали в Санкт-Петербург. Управляющий Морским министерством старый адмирал Краббе был немногословен.

— Хочу возложить на вас задачу особую! – без долгих вступлений обратился он к Зацаренному. – Поезжайте в Лондон и примите команду над строящейся там миноноской «Батум»!

— Слушаюсь! – вытянулся капитан-лейтенант. – Что же здесь особенного?

— Миноноска новой конструкции. Вам же предстоит испытать ее мореходные качества в открытом море. Дело это весьма опасное. Впрочем, вы можете отказаться... – Краббе выжидающе замолчал.

— Я готов.

— Иного и не ожидал от столь заслуженного и боевого офицера, – улыбнулся старик. – Ступайте, и да хранит вас Бог.

В феврале 1880 года капитан-лейтенант Зацаренный был уже в Лондоне, на заводе Ярроу, где на стапеле заканчивали постройку крупного миноносца. На борту его красовалась славянская вязь: «Батум». «Опять Батум, – невольно усмехнулся Измаил. – На Батумском рейде мне неизменно везло, должно повезти и здесь».

Собрав команду, объявил:

— Засучиваем рукава – и за работу!

И первым, подавая пример, полез с фонарем в угольные ямы. За ним два офицера и десять матросов – вся его команда. После спуска «Батума» на воду Зацаренный объявил во всеуслышание, что пойдет в Николаев своим ходом.

— Зачем вам это, Измаил Матвеевич? – отговаривал его российский морской агент. – По плану следует загрузить миноноску на пароход «Тотлебен» и везти ее в Черное море на палубе. Там вас спустят, и двигайтесь себе на здоровье своим ходом в свой Николаев!

Но Зацаренный был упрям: пойдём сами – и все тут! На «Тотлебен» загрузили лишь запасные части да личные вещи команды. На миноносце было так тесно, что командир распорядился брать с собой только самое необходимое.

Перед отходом капитан-лейтенант еще раз осмотрел миноносец. Спору нет, корабль являл собою последнее слово мирового судостроения: стремительные обводы корпуса, мощное минное вооружение, высокая скорость хода. Но командиру уже было ясно, что в угоду скорости кораблестроители пожертвовали многим иным, а качество сборки миноносца оставляло желать лучшего.

Ряд устройств устанавливали уже по личному распоряжению командира «Батума». Так, Зацаренный настоял на установке трех небольших откидывающихся мачт с рейковыми парусами.

Наконец настал день отплытия. В семь часов утра 20 июня «Батум» покинул лондонский Южно-Индийский док и взял курс к устью Темзы. В Гревзегде захватили лоцмана для прохождения Ла-Манша. В своем путевом дневнике Измаил отмечал: «...Даже в Англии приходилось слышать... вы только маскируетесь, и, разумеется, нет никакой возможности плыть так далеко; по выходе в Канал вас возьмет поджидающее там русское судно и увезет в Китай».

— Почему в Китай? – смеялись матросы. – Чудные эти англичанцы!

Ла-Манш встретил миноносец свежей погодой. При четырехбалльном ветре «Батум» сильно зарывался носом, однако на курсе держался хорошо.

— Для полной проверки нам нужен шторм баллов в шесть – восемь! – высказал свои мысли Измаил младшему офицеру «Батума» лейтенанту Залесскому.

Тот только хмыкнул:

— Этот эксперимент может стать для всех нас последним!

— Ничего, – успокоил его Зацаренный, – корабль новый, машина – зверь, пробьемся!

В Плимуте пополнили запасы угля и взяли курс на Брест (Франция).

Утром 22 июня открылся остров Уэссэн, за ним уже перекатывал свои огромные валы Бискай. Относительно стоянки в Бресте Зацаренный оставил в дневнике следующую любопытную запись: «Приход “Батума” удивил французов, как они говорили, французские моряки сомневались, что мы идем далеко, а когда узнали, что решено Бискайскую бухту пересечь прямо, а не идти по берегу ее, то этому решительно не хотели верить». Французские моряки трусами никогда не были, и за свои слова они отвечали: ведь Бискай – это всегда страшно!

Но пока в брестских портовых кабаках спорили, пойдут русские столь гибельным путем или нет, «Батум» уже по самые дымовые трубы вонзился клином в бискайские волны. Жуткий шторм ставил стотонную миноноску почти на попа. С оглушительным треском десятками летели заклепки. Из статьи Измаила Зацаренного о бискайском шторме, опубликованной позднее в «Морском сборнике»: «Наутро 25-го задул ветер и засвежел к вечеру до 5 баллов с огромной для миноноски волною. Миноноска не качалась, ее бросало; она рыскала... держать по румбу было очень трудно, по компасу – невозможно, картушка от качки и ударов ходила вкруговую, правили по звездам и облакам... Ни одна волна не прошла мимо миноносца, все через нас с носа в корму; мы были мокрее мокрого; несмотря на дождевики, продрогли так, как редко приходится».

Из-за малочисленности команды практически все время стояли в одну смену. Моряки знают, что это такое. Помощник командира лейтенант Залесский – за впередсмотрящего, привязав себя крепким концом, механик поручик Яковлев – в машине, а сам Измаил Зацаренный – на кормовом штурвале. Лишь иногда Измаил Матвеевич позволял себе немного расслабиться – поменяться с Залесским местами...

Но вот позади остались триста сорок миль штормового Бискай. Впереди ждал отдых в Лиссабоне. В это время с «Батумом» произошел весьма курьезный, но вместе с тем и поучительный случай. Снова предоставим слово самому Измаилу Матвеевичу: «...Не только удивлялись плаванию миноноски, но и как будто боялись ее; на этом переходе до Лиссабона мы встретили коммерческий пароход и стали придерживаться к нему так, без всякой цели, просто показать русский флаг. Пароход, подняв норвежский флаг, стал салютовать нам и вместе с тем положил руль в сторону; мы к нему – он от нас и уже повернул почти назад на 16 румбов, когда мы бросили его и взяли старый курс; что думалось в это время капитану парохода? Интересно было знать...»

Прошли Гибралтар, спустились к Алжиру. Погода улучшилась, но теперь донимала страшная жара. И если наверху она переносилась сносно,

то в машине ртутный столбик поднимался до 50°С... В итальянском порту Фиуме стали в завод на установку торпедных аппаратов. Бывший там вице-адмирал Лихачев поздравил Измаила с успешным переходом, пожелал благополучно добраться до Николаева. Там же провели торпедные стрельбы – и снова в путь.

У Далмации встретили международную эскадру. В ее составе и наши: фрегат «Светлана» да клипер «Жемчуг». Командир российского отряда контр-адмирал Кремер, связавшись по телеграфу с Петербургом, передал Зацаренному приказание: следовать по своему маршруту. Стараясь не терять ни минуты, Зацаренный непрерывно экспериментировал на ходу, заставляя «Батум» ходить в различных режимах. Босфор проскакивали ночью, боясь быть раздавленными каким-нибудь шальным купцом. Но вот, наконец, и долгожданный Николаев!

Ранним утром 21 августа 1880 года «Батум» вошел в Ингул и вскоре положил свой пятипудовый якорь против городского бульвара. Небывалый в истории мореплавания переход был блестяще завершен!

Заслуги командира были отмечены орденом Святого Святослава 2-й степени. Зацаренный отнесся к этому равнодушно.

— Плавание мое убедило неверующих, что на миноносцах плавать и воевать в открытых морях не только можно, но и должно! – заявил он, выступая в Николаевском морском собрании. – Дай бог, чтобы результатом этого рискованного эксперимента стало создание еще более сильных миноносок-крейсеров. В этом вижу я будущее нашего флота.

В истории российского флота миноносец «Батум» – особая страница. Именно с него начинается история мореходных миноносцев и эсминцев, составивших целую эпоху и вынесших на своих плечах не одну войну.

Смерть героя

А жизнь продолжалась. Вскоре после возвращения Измаил Матвеевич обрел семью. В апреле 1879 года он женится на дочери надворного советника Благовещенского Марии. Почти одновременно, как известно, женился и Степан Макаров. Черноморские женихи-герои были тогда нарасхват.

В 1881 году у Зацаренных родился сын, названный в честь отца Измаилом. О судьбе Измаила-младшего автору ничего не известно. Ничего не известно и о том, насколько счастливой была семейной жизнь Измаила. Впрочем, в семьях, где сыновей называют в честь отцов, обычно царит

любовь.

Семья Зацаренных вообще отличалась крепкими узами и взаимопомощью. Тот же Измаил до конца своей жизни был очень близок со своей сестрой. Наряду с этим он всегда уделял много внимания и своим младшим братьям Василию и Александру. Оба, по примеру Измаила, окончили Морское училище и вышли в морские офицеры.

Когда в 1877 году, когда Измаил отправился воевать на Черное море, средний Василий плавал гардемаринем на броненосце «Перун». Неизвестно, по какой причине, но он демонстративно отказался исполнять приказание старшего офицера. Случай был настолько вопиющий, что командующий эскадрой адмирал Бутаков был вынужден отдать строптивого гардемарина под суд. Решением особой комиссии Василий был посажен под арест в крепость на четыре месяца. Немало сил пришлось приложить и Измаилу, и всей родне, чтобы заставить Василия написать прошение о помиловании. На «исправление» Василий Зацаренный был отправлен на Дунайскую флотилию. Там он отличился в боевых делах, и по ходатайству командующего император сообразовал «не считать понесенного им штрафа препятствием к награждениям и повышениям по службе».

Именно Василию суждено было продолжить боевую славу рода Зацаренных. В годы Русско-японской войны он, будучи командиром эскадренного броненосца «Победа», будет отважно сражаться в Порт-Артуре. Впоследствии Василий Зацаренный станет полным адмиралом и членом Адмиралтейств-совета.

Что касается младшего из братьев Зацаренных, Александра, то он все время служил на Балтике. Ничем особым по службе Александр не отличился и был уволен в отставку с должности старшего офицера броненосца береговой обороны «Адмирал Чичагов» в 1906 году.

Что касается самого Измаила Зацаренного, то после командования «Батумом» он получил «за отличие» чин капитана 2-го ранга и был переведен на Балтийский флот. Там Измаил Матвеевич три года отплавал старшим офицером на фрегате «Дмитрий Донской», а затем получил под начало монитор «Броненосец». Но вывести в море «Броненосец» Зацаренному было уже не суждено. Поразившая его болезнь оказалась беспощадной и скоротечной...

В отношении смерти Зацаренного существует определенная загадка. Дело в том, что в последние годы жизни у Зацаренного быстро прогрессировала психическая болезнь. Чем она была вызвана, однозначно сказать сложно, возможно, стала следствием запредельных

психологических нагрузок в годы войны, возможно, виной тому была наследственность. Как бы то ни было, но болезнь изматывала Зацаренного и душевно, и физически. Шансов же на излечение не было никаких. По одной из версий, во время очередного нервного припадка Зацаренный и наложил на себя руки. По другой версии, он сделал это вполне осознанно, не выдержав почти никогда не прекращавшихся страшных головных болей, поставив точку в своей жизни по-офицерски – револьверной пулей в висок.

Его сердце навсегда остановилось ранним утром 8 ноября 1887 года, когда солнце только еще начинало вставать из-за водной глади. Было Исмаилу Матвеевичу Зацаренному лишь тридцать семь лет... Сколько он успел сделать для России за эти годы, сколько мог бы еще сделать?

Что добавить к сказанному? То, что долгие годы пенил черноморскую волну миноносец с именем героя на борту, а многие поколения морских кадет учились основам тактики по знаменитым атакам лейтенанта Зацаренного.

Вкладка

Лейтенант Н. Бирилев во время обороны Севастополя. С литографии В. Тимма

Н. Бирилев. С литографии 1860-х гг.

Памятник матросу И. Шевченко в Севастополе

Памятник матросу П. Кошке в Севастополе

Памятник В. Корнилову и П. Кошке в Севастополе

Печ. со стали Ф.А.Брокгауза въ Лейпцигѣ.

М. Кошкин

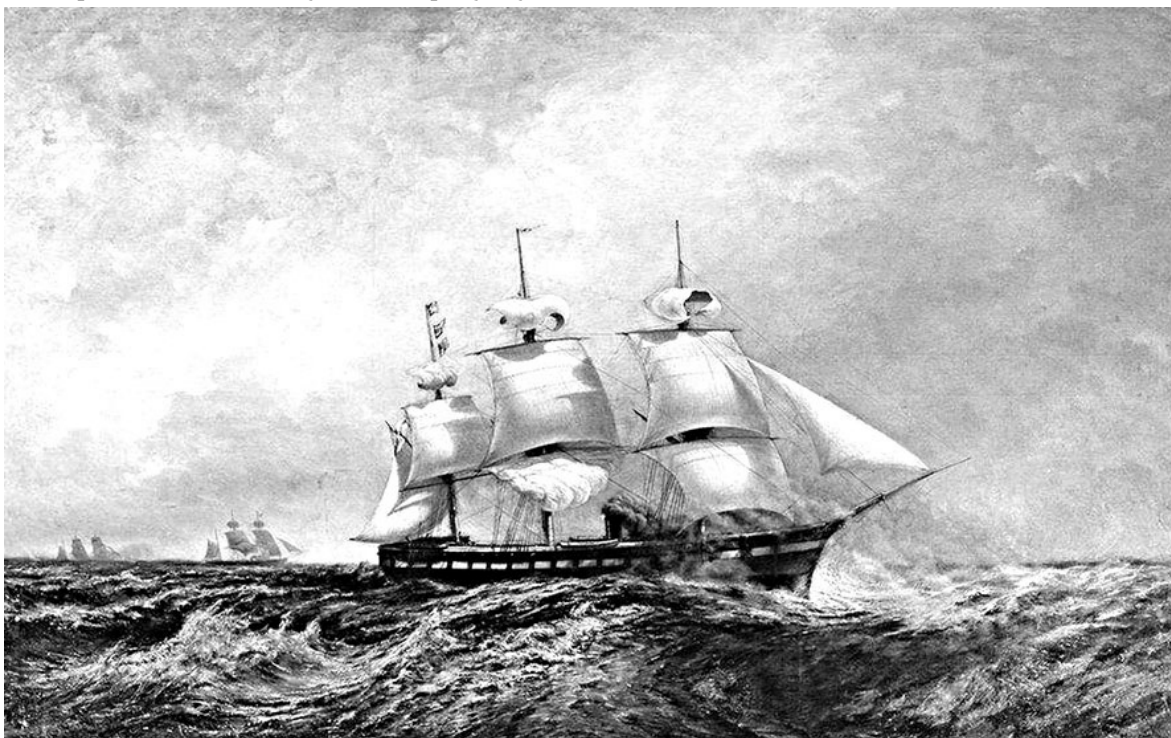
Тестъ Н. Бирилева Ф. И. Тютчев

Адмирал С. С. Лесовский

Эскадра Лесовского на пути в Америку. Художник А. Боголюбов

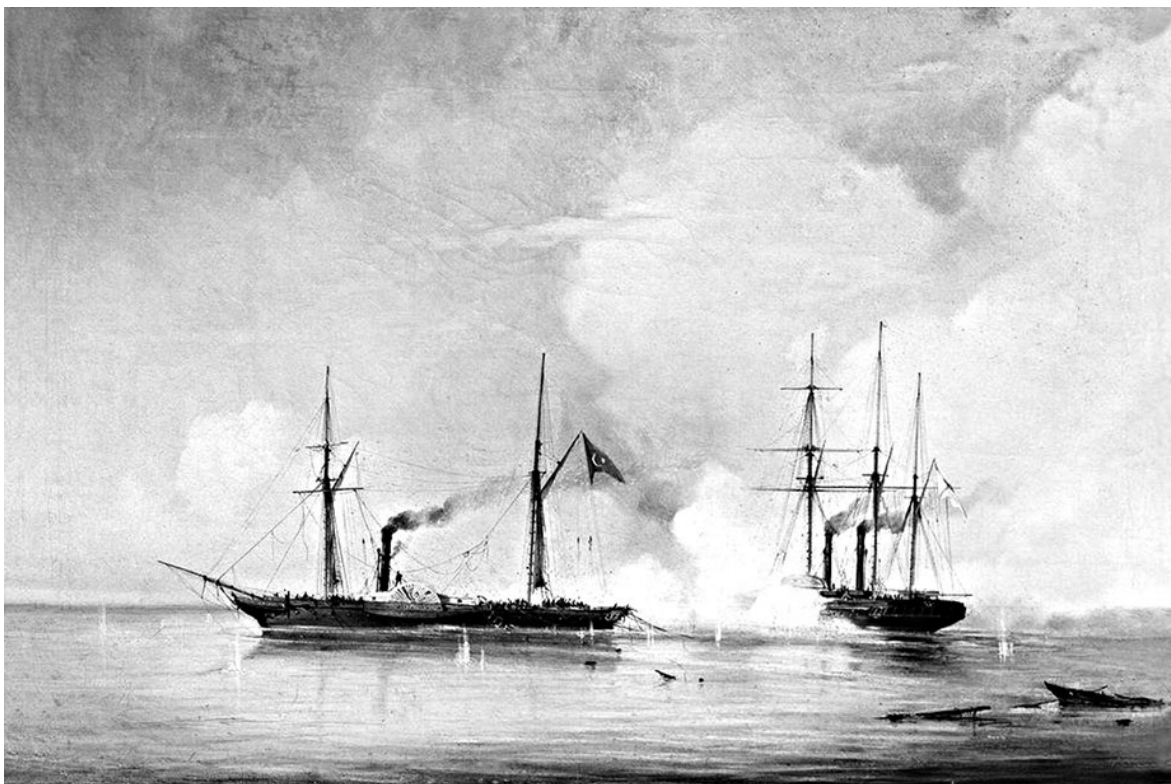
Русская эскадра в пути. Боголюбов. Художник А. Боголюбов

Адмирал Г. И. Бутаков

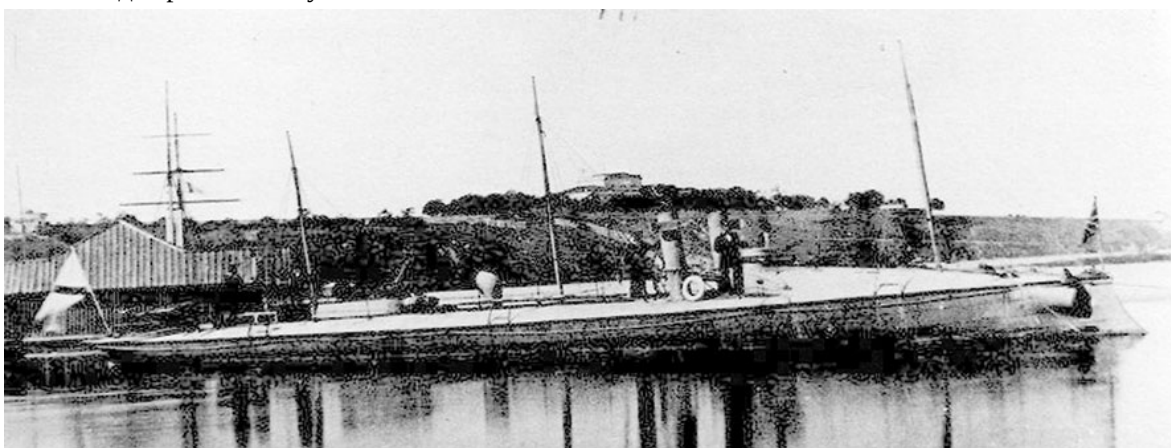
Лейтенант И. М. Зацаренный

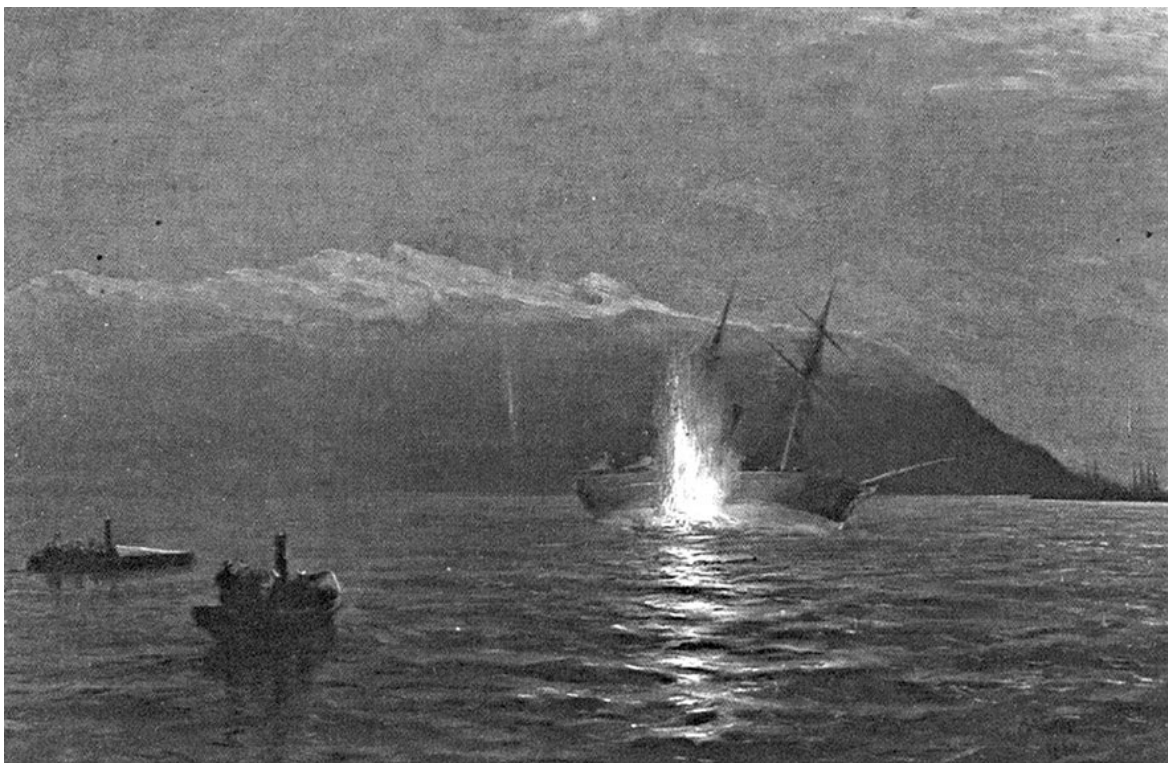
Бой пароходофрегата «Владимир» с турецким пароходо-фрегатом «Перваз-Бахри». Художник А. Боголюбов

Могила адмирала Г. И. Бутакова

Миноносец «Батум»

Потопление катерами парохода «Великий князь Константин» турецкого парохода «Интибах» на Батумском рейде. Художник Л. Лагорио

Текст предоставлен издательством
«Герои русского броненосного флота / В. В. Шигин.»: Вече; Москва;
2012

ISBN 978-5-4444-0059-3

©Шигин В. В., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012